U 152/600

БИБЛИОТЕКА
Шифр
Инв. № ВЫБРАШЕНО
ВСЕР. НАУЧН. АССОЦ. ВОСТОКОВ

БОСФОРЪ
и
НОВЫЕ ОЧЕРКИ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ПОГАШЕНО
37
ВОСТОКОВ
И 152/600
Ф10-81/1437

БОСФОРЪ

И

НОВЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

сочинение

Константина Базили,

съ четырьмя гравированными рисунками изъ альбомовъ

Карла Павловича Брюлова.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1836.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
380428-44

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 7-го Октября, 1836 года.

Цензоръ *Петръ Корсаковъ.*

2007051497

Кто прочиталъ безъ скуки мои Очерки Константинополя, прочтетъ и эту книгу, которая можетъ назваться ихъ продолженіемъ. Во всякомъ случаѣ я долженъ повторить моимъ читателямъ сказанное уже въ предисловіи къ Очеркамъ: въ нихъ случайно соединились въ одну раму описанія, происшествія, повѣсти, воспоминанія, впечатлѣнія—все что можетъ поразить воображеніе путешественника въ новой для него странѣ; въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть системы и послѣдовательности; можно не окончить чтенія, если наскучитъ, и потеря будетъ не велика.

Вмѣсто дальнѣйшихъ объясненій о предме-

тъ этихъ двухъ томовъ, Авторъ предлагаетъ читателю взглянуть на содержаніе главъ каждой части. Если въ оглавленіи вы встрѣтите слова «торговля, промышленость, земледѣліе, налоги» и тому подобное, васъ просятъ не принять этаго за обѣщаніе Автора говорить съ симатическою отчетливостію о столь важныхъ предметахъ. Все это Очерки, набросанные въ альбомъ путешественника, котораго все желаніе—доставить пріятное чтеніе свѣтскому человѣку, который, приложилъ однако все свое стараніе, чтобы не нашли мѣста въ его книгѣ басни, испещряющія разсказы большей части Европейскихъ путешественниковъ. Шекспиръ сказалъ, что только глупецъ, грѣясь у своего камина, не хочетъ вѣрить тѣмъ чудесамъ, какія вправѣ разсказывать странникъ, возвратясь на родину. Но о Турціи наговорено столько вздору, что самое смѣлое воображеніе затруднялся

чему вѣрить. Мы какъ самые близкіе сосѣди съ Турками должны имѣть и больше объ нихъ извѣстій, и больше взыскательности, и больше строгости и разборчивости въ извѣстіяхъ; несмотря на это мы еще весьма бѣдны книгами о Турціи; по сему я считаю мою книгу не безполезною, не безъ занимательности, а о прочихъ достоинствахъ рѣшитъ благосклонная къ трудамъ моимъ публика. —

Надѣюсь, читатели будутъ благодарны великому нашему художнику за согласіе украсить мою книгу рисунками изъ дорожныхъ его альбомовъ. Слава Богу, въ наше время и бѣглыя черты карандаша, брошенныя на бумагу могучею рукою, найдутъ уже достойныхъ цѣнителей; это тѣ же мысли, воззрѣнія путешественника живописца на физіономію окружающей его природы, и гдѣ для бѣднаго пера нуженъ многотомный сборникъ словъ, тамъ быстроокій художникъ раз-

сказываетъ рѣзко и вѣрно—одною чертою.—Только нѣкоторые стихи Байрона заключаютъ эту характерную живопись.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стр.

ГЛАВА I. Наука отдыха на Востокѣ.—Кейфъ и его принадлежности. — Религіозное происхожденіе кофе. — Вдохновенный дервишъ и стадо барановъ.—Богословскіе толки о толченомъ углѣ.—Гоненія на кофе и трубку.—Мученики.—Судьбы кофе и трубки при Махмудѣ.—Поэзія кальяна.—Европейское невѣжество.—Нравы и полиція кофейныхъ домовъ. 1

ГЛАВА II. Народныя сказки. — Стратегемы сказочниковъ.—Любовь, нѣжности и ужасы. — Оправданіе неистовой литературы. — Опіумъ. — Упущеніе въ гастрономическомъ законодательствѣ.—Несчастія одного Хекимъ-Баши.—Стрости Мурада. — Жемчугъ Клеопатры. — Дѣйствіе опіума. — Наставленія о его употребленіи. — Способъ отъ него отвыкать. — Американцы въ Константинополѣ. — Мнѣніе черни.—Кофейни опіума. — Пьяницы въ Стамбулѣ. — Народы и ихъ любимые напитки. 26

ГЛАВА III. Чума, вѣрный источникъ сильныхъ ощущеній. — Опасныя вѣсти. — Обѣдъ у Патріарха. — Болѣзнь и головная боль. — Профессоръ

предопредѣленія. — Удивительные случаи.—Домашніе карантины. — Чумный аббатъ. — Ужасы 1812 года. — Теоріи Мальтуса. — Черная женщина. — Повѣрья. — Сила материнскаго чувства. — Чумный промыселъ.— Христіанскія добродѣтели. — Капризы и характеръ заразы.— Оспа. — Открытіе Константинопольскихъ старухъ. — Заслуга Леди Монтегю. — Повѣрья Римлянъ и шолки Парижскаго факультета. — Карантины. — Комета. — Ея вліяніе. — Великобританскій способъ леченія. — Турецкая неопрятность. 48

ГЛАВА IV. Босфоръ.—Каики. — Ихъ архитектура.— Гребцы въ физическомъ и нравственномъ отношеніи.—Замокъ дѣвы и поэтическое преданіе.— Босфорскіе кіоски.—Человѣкъ и море.—Философія на Босфорѣ. 97

ГЛАВА V. Двѣ эмблемы.—Кладбища. — Цвѣтники и кипарисы.—Чалмы.—Опала на Янычарскія гробницы.—Мадригалы и эпитафіи. — Гробы казненныхъ лицъ.—Скутарское кладбище.—Эйюбъ; его древности; его святыни.—Сабля вмѣсто скипетра.—Гробы Султановъ и Султанши.—Гробъ Св. Константина. — Элегія Султанши. 124

ГЛАВА VI. Сословіе плакальщицъ. — Турецкіе похороны. — Странные обряды.—Сабля вмѣсто креста. — Насажденіе могильнаго кипариса. — Вечеръ и ночь на Босфорѣ. — Образецъ Византійскаго купола. — Луна на Босфорѣ. — Клеветники. — Вахтенный Лейтенантъ 149

ГЛАВА VII. Нарѣчіе Босфорскихъ моряковъ.—Шумъ.

— Турчанки въ каикахъ. — Ихъ кротость. — Взгляды, вѣеръ и насмѣшки. — Омнибусы. — Древнія и новыя предмѣстія. — Фундукли. — Долма-бахче. — Корабли на сушѣ. — Дворецъ въ Бешикъ-Таши. — Сказаніе о гаремной ревности. — Этикетъ зонтиковъ. — Гробъ Барбароссы. Куру-чесме.—Зафира. 170

ГЛАВА VIII. Албанскій посадъ. — Судьба древняго храма. — Чертово теченіе.—Мнѣнія о Босфорскихъ теченіяхъ. — Мысъ дѣвъ и жертвенникъ Меркурія. — Мысъ казней и Замокъ казней. — Адмиралъ Балта-Оглу и гнѣвъ Магомета II. — Каменоломни. — Удобство топиться. — Отмели. — Стихотвореніе Турецкаго историка. — Воздушныя тони. — Разные способы рыбной ловли. — Ночная охота. — Пошлины.—Frutti di mare. — Переселеніе рыбъ. — Неприкосновенность дельфиновъ и чаекъ 249

ГЛАВА IX. Неохори. — Подвиги Донскихъ Казаковъ на Босфорѣ. — Благочестіе мореходцевъ. — Султанъ въ Терапіи.—Его кротость; его милости. — Политическій подарокъ.—Ордена пожалованные Церковнымъ Главамъ.—Вспышки фанатизма.—Дерзость раіевъ.—Греческій флагъ въ Константинополѣ. — Упадокъ народнаго духа. — Выкупъ за голову. — Рабство — Воздухъ Босфорскій. — Образъ жизни Европейцевъ. — Журнальныя пророчества и Русскій флотъ 272

ГЛАВА X. Буюкдере — Новый характеръ пролива. — Его устье. — Турецкіе корабли. — Долина. — Платанъ Готфрида Бульонскаго. — Бытъ

Буюкдерскихъ жителей. — Историческое извѣстіе о женскихъ волосахъ. — Кашпановая Вода. — Долина Розъ. — Соловьи. — Садоводство. — Храмъ Венеры. — Буюкдерская Венера. — Общество Посланниковъ. — Пероты и шолки путешественниковъ. — Гостепріимство. — Воспитаніе и полиглоты. — Драгоманы; ихъ заслуги, ихъ образъ жизни. — Перемѣны въ Туркахъ. — Уваженіе и страхъ 287

БОСФОРЪ

и

НОВЫЕ ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ГЛАВА I.

Наука отдыха на Востокѣ.— Кейфъ и его принадлежности.— Религіозное происхожденіе кофе. — Вдохновенный дервишъ и стадо барановъ. — Богословскіе толки о толченномъ углѣ.— Гоненія на кофе и трубку. — Мученики. — Судьбы кофе и трубки при Махмудѣ.— Поэзія кальяна. — Европейское невѣжество.— Нравы и полиціи кофейныхъ домовъ.

Патріархъ литературы нашего вѣка, Викомтъ Шатобріанъ, начинаетъ свои Записки объявленіемъ, что послѣ необходимаго девятимѣсячнаго покоя до рожденія въ свѣтъ, другой

эпохи отдыха не зналъ въ своей долгой жизни, и не надѣется въ будущемъ, кромѣ равно необходимаго замогильнаго отдыха. Вольно ему было оставаться всего недѣлю въ Константинополѣ; если бы онъ хоть нѣсколько продлилъ свое пребываніе въ «добромъ городѣ Султана Махмуда,» Турки научили бы его вкушать поэтическія сладости Азіятскаго отдыха, предъ коимъ отдыхъ Европейца — почти то же, что прудъ и работа.

Признаюсь, какъ ни глупымъ покажется съ перваго взгляда существованіе Турковъ, но если философски вникнуть въ ихъ образъ жизни, нельзя не отдать имъ полной справедливости въ томъ, что они первый въ мірѣ народъ по части умѣнія отдыхать, точно такъ какъ другіе народы присвоиваютъ себѣ первое мѣсто между народами, потому ли что умѣютъ лучше одѣваться, или по изысканности своей кухни; а я право не вижу чѣмъ отдыхъ ниже щегольства или обжорства въ категоріи земныхъ наслажденій. Греки временъ Перикла и Алкивіада и Римляне Лукулловыхъ временъ вообще славились умѣніемъ наслаждаться; но врядъ ли, при извѣстной живости крови первыхъ и

при ненасытности вторых, наука отдыха, занимающая столь почетное мѣсто въ факультетѣ наслажденій, могла развиться до такой высокой степени какъ у нынѣшнихъ Турковъ, и въ этомъ отношеніи древній міръ долженъ, кажется, уступить пальму первенства вѣку Махмуда.

Взгляните на этотъ кругъ важныхъ османлы, которые подъ широкимъ навѣсомъ платана, въ Киречь-бурну, сидятъ сложа ноги, дышатъ вѣяніемъ моря, курятъ и дремлютъ, и отъ времени до времени отгоняютъ сонъ нѣсколькими глотками чернаго кофе: для нихъ дремотный отдыхъ предпочтительнѣе сна; онъ имѣетъ также свои сновидѣнія, или вся окружающая природа представляется въ эти завѣтныя минуты однимъ свѣтлымъ, необъятнымъ сновидѣніемъ, вся окружающая жизнь сливается въ одну таинственную фантасмагорію, и протекаетъ предъ ними, какъ протекаетъ Босфоръ съ своими кораблями, съ дрожащимъ отраженіемъ холмовъ и рощъ и чудныхъ зданій, опрокинутыхъ въ его зеленой влагѣ. Какія мысли, какія разгульныя мечты обвиваютъ тогда душу, какъ этотъ плющъ, котораго зелень обвила старый пень платана и образовала на немъ

капризные арабески! Но, можетъ быть, ни мысли, ни мечты не должны тревожить отдыхающей души; онѣ блѣднѣютъ и мрачатся въ головѣ, или несвязныя, безотчетныя бродятъ надъ нею, какъ въ тѣ скупыя мгновенія, которыя составляютъ для насъ особенное бытіе, можетъ быть лучшую часть нашего бытія, послѣдній, неразгаданный переходъ отъ бдѣнія ко сну. Это единственныя мысли, не оставляющія ни какихъ слѣдовъ въ душѣ, не спѣсняющіяся въ ней, мимолетныя видѣнія, обычные сны нашихъ младенческихъ лѣтъ, навѣщающія отъ времени до времени, и только въ часы забвенія, свою старую любимицу, которая измѣнила имъ въ треволненіи свѣта, предалась безусловно тяжкой власти разума и ледянымъ рукамъ опыта. Только Турки могутъ по волѣ призывать эти утѣшительныя грезы, услаждающія часы ихъ отдыха, потому что отдыхъ для нихъ есть не одно спокойствіе тѣла, не одна лѣнь двигаться и говорить, но лѣнь мыслить, и способность изгонять изъ головы всѣ заботы, все, что тревожитъ и мучитъ нашу душу, и дѣлаетъ для ней отдыхъ до того утомительнымъ, что мы спѣшимъ оглушить умъ шумомъ

свѣта или кровнымъ трудомъ, и тѣмъ только можемъ избавишься внутренней бури бунтующихъ мыслей. Смотря на продолжительный отдыхъ Мусульманина, на его физіономію, которая не выражаетъ ни радости, ни печали, ни томленія, ни заботы, ни какой страсти, ни какой мысли, вы подумаете, что онъ владѣетъ силою остановить самое теченіе крови въ своихъ жилахъ, такъ какъ онъ остановилъ теченіе идей въ своей головѣ, такъ какъ онъ укротилъ на это время и усыпилъ кипучія свои страсти. Бываютъ минуты, когда всѣ наши удовольствія кажутся намъ безцвѣтными, всѣ наши увеселенія—жалкими стараніями оглушать новою тревогою другія мучительныя тревоги сердца. Какъ не позавидовать этимъ философамъ Босфора, *для которыхъ жизнь* — давно рѣшеная задача?....

У Турокъ все, что принадлежитъ къ лѣнивымъ ихъ удовольствіямъ, доведено до высокой степени совершенства, и въ этихъ-то предметахъ наиболѣе выказывается ихъ умѣніе жить и наслаждаться. Всѣ Европейскіе народы заимствовали отъ нихъ названія *дивани* и *софы*, но увы, какъ далеки самые предметы

отъ своихъ роскошныхъ Азіятскихъ образцевъ! Я не говорю уже о золотыхъ бахромахъ, о бархатныхъ подушкахъ, о всѣхъ этихъ предметахъ, такъ сильно располагающихъ къ лѣни. Утонченная Азіятская роскошь несказанно возвышаетъ всякое чувственное удовольствіе. Турокъ никогда не полюбитъ нашихъ дубовыхъ паркетовъ; предъ нимъ стелется мягкій коверъ или прекрасной выдѣлки цыновка, чтобы его не тревожилъ шумъ шаговъ, чтобы нога его въ тонкой туфлѣ не утомлялась ощущеніемъ жесткаго дерева. И не только въ домѣ у себя онъ наслаждается всѣми этими благами: ѣдетъ ли онъ кататься по Босфору, въ каикѣ своемъ онъ тонетъ въ пуховыхъ подушкахъ, и самое катаніе уже есть отдыхъ для него; скачетъ ли онъ на бѣшеномъ жеребцѣ, и въ этомъ буйномъ наслажденіи онъ сидитъ на мягкомъ сѣдлѣ, какъ въ креслахъ. А когда онъ хочетъ насладиться красотами природы, подъ деревомъ, на берегу искусственнаго пруда, или среди своихъ цвѣтниковъ, сколько ковровъ, сколько подушекъ и сафьянныхъ туфляковъ должны сперва разостлать ему рабы; даже если онъ ѣдетъ на кейфъ за десять и за двадцать верстъ, его

сопровождаютъ всѣ прихоти его лѣни, всѣ эти предметы, въ коихъ заключаются лучшія радости его существованія.

Безъ сомнѣнія подобная роскошь составляетъ исключительную привиллегію богатыхъ эфендіевъ Стамбула. Но и всѣ классы могутъ болѣе или менѣе, судя по своимъ средствамъ, находить удобства кейфа, такъ какъ въ другой странѣ первыя потребности жизни. Во всѣхъ окрестностяхъ столицы, вездѣ по берегамъ Босфора, гдѣ только пріятное мѣстоположеніе, тѣнь деревъ, журчаніе свѣжаго ручья, уютный заливъ, призываютъ васъ къ созерцательнымъ наслажденіямъ, вездѣ вы найдете красивую бесѣдку, смиренный храмъ, въ коемъ разливается Аравійскій нектаръ и курятся благовонныя облака аппакіи. Услужливый каведжи (*) предложитъ вамъ скромный коверъ, и вы за нѣсколько *парѣ* (**) имѣете кофе и трубку, эти двѣ главныя принадлежности кейфа, которымъ была предоставлена слава играть даже нѣкоторую роль въ политическомъ и религіозномъ быту

(*) Содержатель кофейни.

(**) *Парà*, самая мелкая монета.

Стамбульскаго народа. Во уваженіе этого, равно какъ и тѣхъ удовольствій, которыя они доставляютъ наблюдателю, посвящая его въ таинства Мусульманской жизни, мы должны обратить вниманіе на судьбы кофе и табаку на берегахъ Босфора.

Мураджа Охсонъ приводитъ Арабское преданіе о первоначальномъ открытіи кофе. Вотъ оно: Въ Моккѣ, въ Аравіи, въ 656 году гиждры, какой-то дервишъ изгнанный изъ общества своихъ собратій за дурное поведеніе, и блуждая по горамъ безъ всякаго средства существованія, собралъ бобы съ кустарниковъ, коими была покрыта окрестность, сварилъ ихъ и нѣсколько дней ими питался. Два дервиша изъ его товарищей, пожалѣвъ о немъ, пошли его отыскивать, и думали, что найдутъ его умирающимъ съ голода; они удивились, узнавъ о новонайденномъ имъ пропитаніи, и извѣдавъ питье, нашли его пріятнымъ на вкусъ. Они страдали какою то накожною болѣзнію; пробывъ съ нгнанникомъ нѣсколько дней, и послѣ многихъ пріемовъ новаго питья, они совершенно излечились. Выздоровленіе свое они приписали питью, составленному изъ бобовъ кустарника, извѣстна-

го въ Мокке подъ именемъ *кайве*, долгъ роспшаго въ дикомъ состояніи, въ неизвѣстности, по коему опкрылись блистательныя судьбы, съ той минуты, когда просвѣтленіе свыше указало изгпанпику пользу его плода.

Слухъ о спасеніи дервиша новою манною пустыни и объ исцѣленіи больныхъ его поварицей, породилъ общій энтузіазмъ въ Мокке. Народъ видѣлъ въ этомъ чудѣ волю Всевышняго Аллаха и его попеченіе о жизни его избранника дервиша, который тогда же былъ пожалованъ въ святые, и получилъ шитло шеиха. Эмиръ, или владѣтельный князь области, осыпалъ его благодѣяніями, и построилъ для него монастырь по близости того мѣста, гдѣ случилось чудо, даровавшее Аравіи и всѣму міру ароматическій мокка.

Не знаю до какой степени заслуживаетъ вѣры это занѣйливое сказаніе; можетъ быть, набожные Мусульмане все это выдумали, чтобы облагородить и освятить происхожденіе своего любимаго напитка. Носится и другое преданіе, въ которомъ главную роль въ открытіи кофе играетъ, не вдохновенный дервишъ, а просто стадо барановъ. Пастухъ замѣтилъ однажды,

что его скотъ съ большимъ аппетитомъ ѣлъ листы и бобы какого-то кустарника, которые опинмали у барановъ сонъ. Страдая самъ большою сонливостію, онъ вздумалъ варить эти бобы и пить ихъ сокъ. Такимъ образомъ они вошли въ употребленіе; ихъ стали потомъ жарить и молоть, и усовершенствовавъ благородное открытіе барановъ, Моккскіе пастухи завѣщали міру напитокъ, сдѣлавшійся въ наше время повсемѣстною потребностію образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ.

Употребленіе кофе распространилось между Аравійскими племенами, въ Египтъ и по всей Азіи. Царствованію Солимана Великолѣпнаго была предоставлена слава, между другими славными событіями Турціи, увидѣть введеніе кофе въ столицу Халифата. Эфенди, кадіи, улемы и сановники Оттоманскаго Двора страстно стали посѣщать первые кофейные домы, открытые въ Стамбулѣ и сдѣлавшіеся тогда же клубами лучшаго Стамбульскаго общества. Пріятное препровожденіе времени, и бесѣды, коихъ предметомъ были науки и литература, какъ говоритъ Турецкій историкъ, «возбудили неудовольствіе шеиховъ и имамовъ, лицемѣровъ

и враговъ всякаго невиннаго наслажденія.» Они гласно спали порицать, во имя религіи и морали, эти бесѣды и напиткъ, который былъ ихъ душею. Такимъ образомъ кофе сдѣлался предметомъ богословскихъ споровъ Мусульманскихъ законниковъ, и муфти издалъ фетву (духовный законъ), въ коей объявлялъ противными основнымъ догматамъ религіи «всякую пищу и питье, изъ вещества, обращеннаго въ уголь.»

Но кофе успѣлъ уже составить сильную партію приверженцевъ, и богословы, бывшіе на его сторонѣ, съ Кораномъ въ рукахъ спали доказывать невинность неправедно гонимаго напитка. Солиману Великолѣпному кофе вѣроятно пришелся по вкусу, и онъ не подтвердилъ богословскаго мнѣнія муфтія. Въ царствованіе развратнаго Селима II кофе сдѣлалъ уже столь значительные успѣхи, что около шести сотъ кофейныхъ домовъ открылось въ немногіе годы, и богословскіе споры затихли. Отпого ли, что Мурадъ, преемникъ Селима, не былъ охотникъ до кофе, или, можетъ быть, потому что кофейные домы сдѣлались уже мѣстомъ разврата и политическихъ сплетней, этотъ Султанъ издалъ фирманъ, запрещавшій употребленіе ко-

фе, и велѣлъ закрыть кофейные домы. Но въ это время богословская сторона кофейнаго дѣла приняла оборотъ противный прежнему: улемы, вѣроятно привыкшіе къ употребленію его, нашли по мудромъ и долгомъ совѣщаніи, что кофе не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго волѣ Пророка. Муфти, глубокомысленный политикъ и толкователь закона, успѣлъ согласить новый вкусъ правовѣрныхъ съ благочестивымъ мнѣніемъ своего предшественника о веществахъ обращенныхъ въ уголь: онъ издалъ новую фетву, коею строго запрещалось правовѣрнымъ употреблять въ пищу уголь; затѣмъ присовокупилъ, что кофе только жарится на огнѣ, и вовсе не обращается въ уголь. Самъ Султанъ не могъ успокоить противъ этого силлогизма, и нашелся принужденнымъ позволить своему народу пить кофе и посѣщать кофейные домы.

Немного спустя послѣ этой эпохи, изобрѣтеніе Американскихъ дикарей, распространившееся по всему Христіанскому міру, сошлось на берегахъ Босфора съ изобрѣтеніемъ Аравійскихъ дервишей, что бы придать ему новую сладость, и сдѣлаться вмѣстѣ съ нимъ представителями неразрывнаго союза Спараго и

Новаго міровъ. Съ этого времени въ Стамбульской политикѣ неразлучны судьбы кофе и табаку. Османлы, какъ усердные жрецы, стали курить въ кофейныхъ домахъ оиміамъ, нарочно доставленный изъ Америки, чтобы облечь новою поэзіею ихъ воспорженныя наслажденія.

Но и кофе и табакъ нѣсколько разъ дѣлались поводомъ предметомъ политическихъ гоненій, и нѣсколько разъ закрывались Стамбульскіе *кавене*. Въ этихъ кавене, или кофейняхъ, сходились безпокойные Янычары и праздные бродяги, въ нихъ составлялись заговоры, въ нихъ рѣшалась нѣсколько разъ судьба Оттоманской Державы, и подъ вліяніемъ трубки и кофе, такъ сильно располагающихъ душу къ мирному и поэтическому бездѣлію, накоплялись тучи народныхъ мятежей, обливавшіе кровію престолъ и столицу. Послѣ бунта Янычаръ и убіенія Османа II, его наслѣдникъ Мурадъ IV издалъ строжайшіе фирманы противъ кофе и трубки, и срылъ до основанія кофейные домы. Но подъ слабымъ правленіемъ Ибрагима I вновь водворилась ихъ власть, и съ того времени Султаны старались ограничивать только размножавшееся число кофейныхъ домовъ, но ихъ граждан-

ское и духовное всемогущество было безсильно предъ воцарившимся вкусомъ. Кофе сдѣлался однимъ изъ элементовъ народнаго быта, и были даже примѣры, что жена судилась съ мужемъ и требовала развода, за то что онъ не давалъ ей кофе. Турчанки не менѣе Турокъ пристрастились къ кофе и табаку, и стали этими талисманами разсѣевать гаремную скуку. Въ самомъ дѣлѣ Константинопольскій климатъ такъ сильно располагаетъ къ нимъ, что всѣ безъ исключенія Европейцы, поселившіеся на берегахъ Босфора, сдѣлались не менѣе Турокъ охотниками къ этимъ Турецкимъ удовольствіямъ, и переняли у Турокъ прекрасный обычай встрѣчать гостей съ кофеемъ и съ трубкою. Можете быть увѣрены, что если вамъ надо въ одинъ день сдѣлать двадцать визитовъ, вамъ придется выпить двадцать чашекъ кофе и выкурить столько же трубокъ. Весьма часто къ этому присоединяются разнаго рода варенья, сухія и жидкія, коими подчуетъ васъ сама хозяйка. Не вспомню кто изъ новѣйшихъ писателей замѣтилъ, что распространеніе между Европейскими народами кофе и другихъ пряностей и ароматовъ Востока сильно подѣйствовало на развитіе ум-

ственныхъ способностей Европы; онъ имъ приписываетъ нѣкоторымъ образомъ успѣхи человѣческаго разума въ послѣдніе вѣки, и приводитъ въ примѣръ Фернейскаго философа, который черпалъ свое ѣдкое остроуміе въ кофейной гущѣ, подкрѣплялъ кофеемъ дѣятельность своего ума, и прожилъ восемдесятъ четыре года, выпивая каждый день по нѣскольку стакановъ этого «медленнаго яда.» Полуазіятскіе Европейцы Константинополя почти питаются своимъ чернымъ и густымъ кофеемъ, и одно это обстоятельство дастъ имъ право почитать себя на самой высокой степени умственнаго развитія. Предоставляю другимъ наблюдателямъ философски изслѣдовать этотъ предметъ, но вмѣстѣ со всѣми кто посѣщалъ Константинополь или поселялся въ немъ, я долженъ благодарить Турецкое правительство за то, что, вѣроятно, убѣдившись въ нравственной пользѣ кофе, давно прекратило всякое на него гоненіе. Мишо въ письмахъ своихъ изъ Константинополя говоритъ, что во время гоненій на табакъ и на кофе, были выставлены народу головы ослушниковъ съ трубкою въ зубахъ; безъ сомнѣнія табакъ въ Константинополѣ

имѣлъ своихъ мучениковъ; но головы съ трубками кажутся одною изъ тѣхъ выдумокъ, которыми Французскіе путешественники любятъ испещрять свои разсказы, чтобы придать имъ болѣе занимательности наперекоръ истинѣ и правдоподобію.

Въ началѣ царствованія Махмуда кофейные домы до безконечности размножились въ Константинополѣ и по всѣмъ окрестностямъ. Они большею частію содержались Янычарскими ортами; въ нихъ собирались дѣти Хаджи-Бекташа толковать о политикѣ Дивана, и они скрѣпляли узы буйнаго ихъ братства. Одною изъ первыхъ и необходимѣйшихъ мѣръ, принятыхъ Султаномъ по истребленіи Янычаръ, было закрытіе большей части кофейныхъ домовъ, гдѣ гнѣздились нераздучныя праздность и буйство, и которые служили среди столицы главными квартирами недовольныхъ. Махмудъ уважилъ загородные кофейные домы, одушевляющіе всякое гулянье. Въ предмѣстіяхъ, въ гуляньяхъ или въ самомъ Стамбулѣ, они открыты днемъ, но съ наступленіемъ ночи закрываются, кромѣ эпохи разамана. Въ этотъ постъ благочестивые Мусульмане строго воздерживаются, въ

продолженіе дня, не только отъ всякой пищи, но даже отъ чашки кофе и отъ трубки; за то ночью они могутъ ѣсть и пить сколько угодно; вообще они разгавливаются чашкою кофе и трубкою.

Султанъ Махмудъ не большой охотникъ до трубки; онъ нѣсколько разъ собирался ее запретить; но видя, что его народъ скорѣе откажется отъ вѣры своихъ отцевъ, нежели отъ трубки, онъ довольствовался только ограниченіемъ честолюбивыхъ размѣровъ Турецкихъ чубуковъ. Вышелъ въ послѣдніе годы *указъ* на слишкомъ длинные чубуки. Не знаю, соблюдается ли теперь этотъ законъ строже другихъ подобныхъ запрещеній, которыхъ сила простирается обыкновенно на двѣ или на три недѣли; но во время моего пребыванія въ Константинополѣ, въ каждомъ порядочномъ Турецкомъ домѣ я видѣлъ особенный покой, исключительно посвященный храненію чубуковъ; въ другихъ домахъ уголъ залы былъ пышно убранъ двадцатью или тридцатью чубуками, симметрически и по росту разставленными въ нарочно устроенныхъ полкахъ или шкафахъ. Почти можно измѣрить политическій и финансо-

вый вѣсъ хозяина по количеству и по богатству его чубуковъ. Извѣстно, что вельможи имѣютъ у себя цѣлый классъ служителей исключительно занятыхъ смотрѣніемъ за чубуками, и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ одного *чубукчи-баши*, такъ какъ и другихъ имѣющихъ смотрѣніе за кофеемъ, подъ начальствомъ *каведжи-баши*. Султаны не имѣютъ обыкновенія курить, и потому въ Сералѣ нѣтъ званія чубукчи-баши, но каведжи-баши Серальскій занимаетъ весьма почетное мѣсто въ іерархіи придворныхъ чиновъ, и даже старше *берберъ-баши*, оберъ-цирюльника. Не худо замѣтить, что Турки, умѣющіе жить со вкусомъ, употребляютъ особенные лѣтніе и зимніе чубуки: черешневые служатъ собственно для зимы, а жасминные для лѣта; послѣдніе покрываются шелковымъ чехломъ, который опрыскивается водою, чтобы дымъ дѣлался свѣжѣе и прохладнѣе. Чубуки поданные намъ у Сераскира Хозрефа были отмѣнно богаты; кромѣ янтарныхъ мундштуковъ, убранныхъ эмалью, кораллами и драгоцѣнными камнями, самыя даже трубки, глиняныя и золоченныя, краснлись алмазами. Ни въ чемъ Турокъ не простираетъ такъ далеко стра-

сти своей къ роскоши, какъ въ этихъ предметахъ. Трубка имѣетъ первенство надъ пистолетами, саблями и кинжалами, и по мѣрѣ того, какъ упадаетъ воинственный духъ османлы, сынъ употребляетъ на украшеніе своего чубука золото и камни, украшавшіе оружіе его отца. Можетъ быть трубка есть тоже оружіе, и въ рукахъ Турка всегда побѣдоносное, противу стараго Сатурна, самаго докучнаго изъ враговъ. Порядочный человѣкъ никогда не разлучается съ нею: сидитъ ли въ каикѣ—онъ куритъ, на лошади также куритъ, и гуляньe не гуляньe, если оно не сопровождается вѣрною трубкою. И не думайте, чтобы Турокъ довольствовался маленькою походною трубкою, на подобіе Малороссійской *люльки*; на гуляньи онъ сидитъ съ чубукомъ длиною въ козацкую пику, и если удивитесь, какимъ образомъ онъ несъ ее съ собою, увидите по окончаніи кейфа, что чубукъ, раздѣленный на нѣсколько колѣнъ, со всѣми своими принадлежностями, вкладывается въ красный суконный чехолъ, висящій за поясомъ правовѣрнаго, точно какъ сабля (*). Я не гово-

(*) Этого рода чубуки называются *гечме-чубукъ*.

рю уже о богатыхъ людяхъ, которые сопро вождаются на гуляньи своею челядью чубукчи и каведжи. Они простираютъ роскошь несравненно далѣе: вмѣсто проспаго чубука слуга несетъ за ними въ сафьянномъ футлярѣ великолѣпный кальянъ, *наргиле*, въ которомъ сосредоточилась самая выспренняя поэзія Востока, въ которомъ соединились всѣ стихіи — огонь, воздухъ и вода и благороднѣйшая изъ земныхъ травъ, чтобы доставить правовѣрному самыя утонченныя наслажденія.

Въ прогулкахъ нашихъ по берегамъ Босфора, вмѣстѣ съ моряками, товарищами моей кочевой жизни, лучшимъ предметомъ наблюденій и размышленій нашихъ были почтенные Османлы старинаго покроя, которые сидѣли по цѣлымъ часамъ на мягкихъ подушкахъ, окруженные всѣми прихотями своей народной нѣги, глазѣли безстрастно на восхитительный пейзажъ, на суетившуюся толпу народа, и когда взоры ихъ обращались на поэтическій наргиле, когда до слуха ихъ доходилъ ласковый голосъ воды, волновавшейся вмѣстѣ съ струями дыма, когда этотъ дымъ, плавая по водѣ и по воздуху, то ныряя въ воду, то окупавшись и

освѣженный, вылеталъ влажнымъ облакомъ изъ золоченаго наргиле, или, впившись въ гибкую трубку, которая змѣею извивалась по травѣ, и всползла на пышную драпировку азіятскаго костюма, излеталъ вольными струями изъ янтаря, чтобы одѣть туманомъ лица почтенныхъ Османлы — какое поэтическое блаженство выражали эти физіономіи, какъ вѣрно изображали онѣ покой Египетскихъ боговъ, принимающихъ благовонныя куренія языческихъ алтарей!....

Я предложилъ одному эфендію Гаванскую сигару, и просилъ его выкурить, по крайней мѣрѣ, изъ уваженія къ дикимъ изобрѣтателямъ того наслажденія, которое даруетъ столько благополучія Мусульманскому и Христіанскому міру. Но образъ куренія дикихъ Американцевъ, принятый Европейцами въ первобытной простотѣ, не удостоился одобренія моего эфендія; онъ съ гримасою объявилъ, что одно это обстоятельство достаточно доказываетъ грубое невѣжество всей Европы, и сближаетъ ея народы съ дикарями «новаго свѣта». Онъ сталъ потомъ упрекать Франковъ въ хвастливыхъ ихъ усиліяхъ надъ усовершенствованіемъ разныхъ ис-

кусствъ, ремеслъ и наукъ, при непростительномъ запущеніи предметовъ несравненно важнѣйшихъ, какова напримѣръ трубка.

Отъ трубки естественнымъ образомъ разговоръ перешелъ къ кофе. Мой Эфенди имѣлъ уже случай отвѣдать Европейскаго кофе, и принялъ его за какой-то безвкусный шербетъ. По его мнѣнію вся Европа не заслуживала счастія пользоваться благословеннымъ изобрѣтеніемъ Востока, потому что она имѣла непростительную страсть портить все восточное, какъ испортила и самое качество этого растенія, пересадивъ его изъ родной его почвы въ свои колоніи. Эти разсужденія напомнили эфендію, что онъ уже цѣлый часъ былъ безъ кофе; онъ сдѣлалъ знакъ понятливому каведжи, и предложилъ намъ сходить къ очагу посмотрѣть и научиться какъ дѣлается кофе. Вода густо упитанная кофеемъ постоянно стояла у огня; каведжи налилъ сколько слѣдовало по числу гостей въ небольшой мѣдный кофейникъ; когда она вскипѣла бросилъ въ нее нѣсколько ложекъ кофе столченнаго въ самую мелкую пыль и хранимаго въ деревянной коробкѣ; смѣшалъ деревянною ложкою, еще разъ поставилъ на огонь, и какъ толь-

ко гуща стала подниматься, недавши ей настояться, налилъ въ чашки, окуренныя аромашами, и поспѣшно подалъ. «Ей», хорошо, сказалъ намъ эфенди, увидѣвши, что его каведжи на славу сварилъ кофе, что потчасъ было замѣтно по желтой пѣнѣ покрывавшей чашки; онъ хлѣбнулъ и улыбнулся съ выраженіемъ полнаго благополучія; онъ повторилъ свое эй—»эй», отвѣчалъ я ему какъ вѣрное эхо, хотя его нектаръ былъ горше яду. Къ счастію въ чашкахъ едва было два три глотка, и притомъ до половины онѣ наполнились осадкомъ черной гущи. За тѣмъ онъ началъ длинную диссертацію о томъ, что Европейское безвкусіе испортило только вкусъ и аромашъ этого напитка употребленіемъ сахару и сливокъ. Онъ даже упрекалъ насъ въ обжорствѣ, за то что пьемъ кофе цѣлыми стаканами, а не Турецкими *фильджанами*, которые немного болѣе наперстка, и употребляемъ въ прихлебку сухари. «Признайтесь, сказалъ онъ наконецъ, что у васъ изъ благородныхъ Аравійскихъ бобовъ умѣютъ варить только родъ *горба*, т. е. супу.» Мы не сочли приличнымъ противурѣчить гостепріимному эфендію, который сдѣлалъ намъ такой

ласковой пріемъ подъ тѣнію платана; поблагодарили за угощеніе, и оставили его въ покоѣ докуривать кальянъ и славить Аллаха и его Пророка, которыхъ Мусульманинъ никогда такъ искренно не восхваляетъ, какъ въ часы беззаботнаго кейфа, когда онъ смѣло можетъ считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Турчанки, хотя и большія охотницы до трубки, но рѣдко курятъ на гуляньяхъ, и вкушаютъ это удовольствіе только въ своихъ гаремахъ; онѣ предпочтительно любятъ поэтическій наргиле, заимствованный Турками у Персіянъ.

Кромѣ кофейныхъ домовъ, такъ живописно расположенныхъ на берегахъ Босфора и во всѣхъ любимыхъ прогулкахъ Константинопольскихъ жителей, найдете кофейные домы даже въ мѣстахъ дикихъ и пустынныхъ и на большихъ дорогахъ Европейской и Азіятской Турціи, которыя не многимъ лучше и безопаснѣе пустыни. Этимъ кофейнямъ ввѣряется присмотръ за дорогами и полицейскій присмотръ за безопасностію путешественниковъ. Въ прежнее время онѣ содержались большею частію янычарами; теперь въ нихъ живутъ, съ дозволенія бли-

жайшаго мѣстнаго начальства, вооруженные бродяги, изъ тѣхъ самыхъ, которые въ областяхъ Турецкой Имперіи проводятъ половину своей жизни въ службѣ пашей и мѣстныхъ ага, въ качествѣ бдителей за порядкомъ, а другую половину въ вольныхъ разбояхъ, обирая равнымъ образомъ какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ подданныхъ Султана. Нечего и говорить, что когда они содержатъ кофейни, весь ихъ полицейскій присмотръ состоитъ въ томъ, чтобы курить трубку и брать бахчиши съ проѣзжающихъ, предоставляя имъ самимъ все смотрѣніе за дорогами; они даже учредили для своего мѣста постоянный доходъ, взимая по десяти паръ съ каждаго проѣзжаго или прохожаго раія, кромѣ сбора за кофе.

ГЛАВА II.

Народныя сказки. — Стратегемы сказочниковъ. — Любовь, нѣжности и ужасы. — Оправданіе неистовой литературы. — Опіумъ. — Упущеніе въ гастрономическомъ законодательствѣ. — Несчастія одного Хеникъ-Баши. — Строгости Мурада. — Жемчугъ Клеопатры. — Дѣйствіе опіума. — Наставленія о его употребленіи. — Способъ отъ него отвыкать. — Американцы въ Константинополѣ. — Мнѣніе черни — Кофейни опіума. — Пьяницы въ Стамбулѣ. — Народы и ихъ любимые напитки.

Кофейни въ Стамбулѣ потеряли свою прежнюю славу и блескъ съ паденіемъ Янычарскаго оджака. Вмѣсто буйныхъ сборищъ Янычаръ, въ нихъ найдете только безмолвныя бесѣды, рѣдко, рѣдко оживленныя какимъ нибудь разскащикомъ повѣстей, и то почти тайкомъ отъ бдительной полиціи Махмуда. Карагезы и разскащики повѣстей изгнаны изъ публичныхъ сборищъ, къ большой досадѣ старовѣровъ Османлы, и даже къ досадѣ путешественника, который здѣсь могъ видѣть самую живую картину Турецкаго быта, подслушать восточныя сказки, исполненныя жизни и драмы

и самобытной поэзіи чудесъ и волшебниковъ, переходящія по преданію изъ рода въ родъ со временъ Халифа Гарунъ-ал-Решида и первой въ мірѣ разскащицы повѣстей Шехерезаде. И Стамбульскіе разскащики подобно прекрасной одалыкѣ имѣли старинную хитрость прерывать свои разсказы въ самомъ занимательномъ мѣстѣ, но не затѣмъ, чтобы выиграть еще день жизни, а только чтобы возбудить щедрость своихъ слушателей, и вымантить у нихъ поболѣе мелкихъ монетъ. Они такъ искусно умѣли поставить своего героя или героиню въ самое затруднительное положеніе, окружить ихъ такими страхами, напугать долгого воображеніе своихъ слушателей, дать имъ на разрѣшеніе такую мудреную диллемму, и вдругъ прервать нить своего разсказа, взять въ руки подносъ, и предложить публикѣ, если она желаетъ дослушать до конца чрезвычайныя приключенія, узнать какъ сбылись пророчества Феи, или чѣмъ кончилась борьба двухъ вышнихъ силъ, которыя по обыкновенію играютъ главныя роли въ восточныхъ сказкахъ, какъ и въ религіи Зороастра, то предварительно ободрить бѣднаго разскащика щедрою подачею. Если сборъ былъ

достапоченъ, то къ большому удивленію слушателей, которые иногда спорили между собою о развязкѣ чудной повѣсти, и взвѣшивали вѣроятность показаній сказочника, съ такимъ же глубокомысліемъ, какъ иные изъ новѣйшихъ критиковъ—достовѣрность старинной лѣтописи, замысловатый сказочникъ съ удивительною ловкостію умѣлъ выпутаться изъ лабиринта придуманныхъ имъ приключеній, ввести новыя чудесныя силы, и сдѣлать еще блистательнѣе торжество своего героя. Если же онъ не былъ доволенъ денежнымъ сборомъ, то плодовитое его воображеніе набирало новый рядъ приключеній, и въ ту минуту когда драма приближалась къ развязкѣ, онъ опять останавливался, просилъ своихъ слушателей подумать хорошенько всю ночь, и пожаловать на другой день чтобы дослушать окончаніе повѣсти.

Замѣтимъ еще отличительную черту Стамбульскихъ сказочниковъ: любовь почти всегда служитъ главною пружиною повѣсти, и ихъ слушатели, люди большею частію свыкшіеся съ злодѣйствами и съ кровію, сохраняющіе всю свирѣпость своего Азіятскаго права, болѣе всего любятъ нѣжные разсказы. Самый кровожад-

ный изъ тирановъ нашего вѣка, Али-паша, терпѣть не могъ разсказовъ о крови и убійствахъ, и любилъ одни чувствительныя повѣсти. Сентиментальные романы составляли любимое чтеніе Робеспьера, и Неронъ исключительно любилъ трогательную музыку. Всѣ эти обстоятельства служатъ, можетъ быть, оправданіемъ вкуса нашей эпохи къ неистовымъ повѣстямъ и драмамъ, доказывая, какъ говоритъ Викторъ Гюго, что невѣдѣніе злодѣйства заставляетъ образованныхъ современниковъ съ такою любовью, съ такимъ страстнымъ вниманіемъ, вслушиваться въ разсказы пугающіе воображеніе.

Въ вознагражденіе за то, что мнѣ не удалось въ этотъ разъ услышать Стамбульскихъ сказочниковъ и вспомнить еще не давнюю старину Султанской столицы, я отправился вмѣстѣ съ моими спутниками въ кофейни прилежащія къ Солимановой мечети, въ которыхъ собираются любители опіума. Эти кофейни сохранили свой старинный характеръ при всѣхъ преобразованіяхъ Стамбула. Махмудъ уважилъ ихъ, можетъ быть потому что казна содержитъ монополію опіума и получаетъ съ него

значительные доходы, можетъ быть и потому что охотники до опіума — люди самые безопасные въ политикѣ, и вовсе незаботятся о преобразованіяхъ, принимая вѣроятно все что около ихъ происходитъ, и великія явленія преобразуемаго царства, за одно изъ тѣхъ странныхъ сновидѣній, съ которыми сродилось ихъ воображеніе.

Впрочемъ и опіумъ подобно трубкѣ и кофе подвергался въ прежнее время политическимъ гоненіямъ. Его употребленіе восходитъ до глубокой древности; онъ былъ любимымъ лакомствомъ Аравитянъ еще до Пророка; но такъ какъ и самъ Пророкъ и первые толкователи его закона забыли упомянуть о немъ въ своихъ гастрономическихъ постановленіяхъ для правовѣрнаго народа, то онъ потомъ въ продолженіе многихъ вѣковъ служилъ спорнымъ пунктомъ въ Магомешанскомъ пуританизмѣ, и писалось о немъ много диссертацій *pro* и *contra*. Между тѣмъ правовѣрный народъ болѣе и болѣе ему предавался, и врачи приписывали ему чудесныя свойства. Султаны долго оставляли въ покоѣ любителей опіума; но Мурадъ IV, неутомимый преслѣдователь всѣхъ любимыхъ на-

слажденій своего народа, издалъ строжайшее запрещеніе на это невинное лакомство, включивъ его въ категорію хмѣльныхъ напитковъ.

Слѣдующее обстоятельство достаточно доказываетъ жестокость Мурада противу любителей опіума. Его лейбъ-медикъ Эмиръ-Дчелеби сопутствовалъ ему въ походѣ противу Персіянъ, и по всегдашней привилегіи, присвоенной званію хекимъ-баши, засѣдалъ въ совѣтѣ министровъ и генераловъ, собиравшихся въ палаткѣ Султана. Одинъ изъ пашей, врагъ его, зная что почтенный докторъ не могъ отвыкнуть отъ опіума, и впайтѣ его глотналъ, даже во время засѣданія, выходя подъ какимъ нибудь предлогомъ изъ палатки, успѣлъ подкупить его слугу, и вывѣдать гдѣ онъ пряталъ свой опіумъ. Паша уже прежде нѣсколько разъ обвинялъ хекима предъ Султаномъ, какъ ослушника и закоренѣлаго *теріаки*, такъ называютъ Турки страстныхъ любителей опіума. Однажды когда хекимъ отлучился изъ совѣщанія, подъ предлогомъ религіознаго умовенія, паша доложилъ Султану, что онъ опять пошелъ скушать свой опіумъ, и объявилъ гдѣ онъ его прячетъ. Мурадъ призвалъ доктора, пошарилъ въ его кар-

манахъ, и нашелъ огромный кусокъ запрещеннаго пѣсипа въ золотой коробкѣ. — «Это что?» спросилъ онъ съ гнѣвомъ у перепуганнаго хекима. Тотъ отвѣчалъ, что это лекарство, въ которомъ только слабый пріемъ опіума.—Если такъ, сказалъ Мурадъ, то ты долженъ немедленно все съѣсть. Хекимъ упалъ въ ноги Султану, моля помилованія, и говоря что пріемъ былъ слишкомъ крѣпокъ и могъ обратиться въ ядъ.— Такъ что же эфенди, отвѣчалъ ему Мурадъ, такой искусный хекимъ какъ ты легко найдетъ противуядіе.—Бѣдный врачъ долженъ былъ не только съѣсть весь кусокъ, но еще для Султанской забавы сыграть нѣсколько партій въ шахматъ, отъ чего дѣйствіе опіума сдѣлалось еще сильнѣе. Онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, отказавшись отъ всякаго пособія, послѣ столь постыднаго для него приключенія.

Таковъ былъ Мурадъ въ своей строгости; извѣстно, что въ этомъ походѣ онъ тысячами казнилъ пьяницъ и всякаго рода ослушниковъ его повелѣній; сказываютъ даже, что однажды катаясь по Босфору, и замѣтивъ, что кто-то шатался на набережной отъ пьянства, между тѣмъ какъ онъ строжайше запретилъ всѣмъ

безъ исключенія правовѣрнымъ и гяурамъ пить вино, онъ съ обыкновенною расторопностію Турецкаго правосудія своеручно пустилъ въ него стрѣлу изъ лука.

Но послѣ Мурада ослабли всѣ запрещенія на опіумъ, на трубку, на кофе и на вино. Даже опіумъ пришелся по вкусу преемникамъ гонителя, и утвердилъ свою власть въ Сералѣ.

Опіумъ принадлежитъ теперь вѣдѣнію Лейбъ-Медика; изъ него вмѣстѣ съ другими снадобьями и ароматами приготовляются для Султана и для кадынь разнаго рода меджунѐ, или крѣпительныя, которыя въ большой славѣ въ гаремахъ, служатъ любовными подарками, и которымъ приписываются чудесныя свойства. Утонченность Азіятскаго вкуса доходитъ до того, что въ такъ называемыхъ драгоцѣнныхъ меджунѐ, джеваэръ-меджунѐ, употребляются обращенные въ порошокъ дорогіе камни, кораллъ и жемчугъ. Думаютъ ли одалыки, что эти вещества придаютъ особенный вкусъ, особенныя свойства ихъ любимому лакомству, можетъ быть, возвы-

шаютъ ихъ красоту, или онѣ съѣдаютъ драгоцѣнныя вещества съ пищеславнымъ обжорствомъ Клеопатры, выпившей въ стаканѣ уксуса неоцѣненную жемчужину?... Вкусы женщинъ непостижимы!...

Простой народъ не имѣетъ этихъ прихотей и довольствуется простымъ приготовленіемъ опіума въ пилюли. Съ нѣкотораго времени, особенно послѣ разрѣшенія пить вино, число охотниковъ до опіума умепьшилось. Между Турками, которыхъ я видѣлъ въ ко ейномъ домѣ гдѣ подчуютъ опіумомъ, не было ни одного молодаго человѣка; это большею частію люди, которые въ молодости были преданы пьянству, потомъ, когда совѣсть начала ихъ укорять за нарушеніе закона, и въ то же время ихъ мучила вкоренившаяся привычка, они въ преклонныхъ лѣтахъ стали искать утѣшеній въ опіумѣ, и замѣнили сонливыми его восторгами, свои преступные вакхическіе восторги. Если страсть къ опіуму вкоренится въ молодыхъ лѣтахъ, она влечетъ за собою преждевременную старость, хилую, безжизненную, не ту старость которая красится сѣдиною и румянцомъ, но какое-то болѣзненное разслабленіе тѣлесныхъ и душев-

ныхъ способностей, блѣдное, вялое существованіе во цвѣтѣ лѣтъ, чудовищное соединеніе жизни съ прупомъ, измученнымъ отъ продолжительнаго недуга. Кто въ молодыхъ лѣтахъ предался опіуму, рѣдко переживаетъ тридцатилѣтній возрастъ; между тѣмъ старики, пристрастившіеся къ нему послѣ эпохи развитія жизненныхъ силъ, не сокращаютъ имъ обыкновеннаго возраста человѣческой жизни, и не рѣдко доживаютъ до глубокой старости. Они даже прогрессивно увеличиваютъ свои ежедневные пріемы, и наконецъ глотаютъ цѣлые куски, которыхъ одного достаточно, чтобы отравить человѣка. За то вся ихъ жизнь походитъ на жизнь человѣка питающагося медленными отравами. Они уже вовсе не спятъ, или лучше сказать ихъ сонъ и бдѣніе слились въ одно; съ выпученными глазами, въ которыхъ ничего не отражается, въ которыхъ изсякла влажность придающая жизнь и движеніе взору, и замѣнилась блѣдножелтымъ матомъ, они сидятъ сгорбившись въ недвижную дугу, ничего не видя, нерѣдко даже машинально перебираютъ четки въ своихъ рукахъ, и вы можете имъ говорить, ихъ звать, кричать, шумѣть предъ ними, ихъ тол-

кашь—они безчувственны, ихъ душа будто въ отлучкѣ, она блуждаетъ можетъ быть опьянѣлая въ Магометовомъ раю. Не знаю, вѣришь ли въ разсказы о чудныхъ видѣніяхъ, которыя, какъ говорятъ, навѣщаютъ ихъ въ эти минуты всезабвенія. Я постарался сблизиться съ однимъ закоренѣлымъ любителемъ, и подъ предлогомъ, что я самъ хочу испытать дѣйствіе опіума, просилъ его мнѣ разсказать, какого рода удовольствіе онъ находитъ подъ вліяніемъ пилюль, съ которыми онъ не разставался. Онъ охотно далъ мнѣ нужныя наставленія объ ихъ употребленіи, совѣтовалъ начать самымъ легкимъ пріемомъ, запивать потомъ кофеемъ или холодною водою, и ручался мнѣ въ будущихъ наслажденіяхъ; но объ этихъ наслажденіяхъ онъ рѣшительно ничего сказать не могъ. Онъ или до того оглупѣлъ, что самъ вовсе не понималъ, что съ нимъ происходило, или всѣ его умственныя способности обратились въ бредъ воображенія, и приводились въ усиленное дѣйствіе тогда только когда разсудокъ затемнялся отъ опіума. Можетъ быть онъ имѣлъ свои воспоминанія; но они вѣроятно пробуждались въ срочныхъ періодахъ его опьянѣнія, а потомъ за-

сыпали, когда изъ мечтательнаго міра онъ возвращался въ обыкновенную жизнь. Можетъ быть мечты столькихъ лѣтъ составили для него цѣлую эпопею, цѣлое существованіе, проявляющееся послѣдовательно и періодически, неимѣющее ничего общаго съ вещественнымъ міромъ; но онѣ не оставляли по себѣ никакихъ слѣдовъ, и тѣмъ сильнѣе привлекали въ свою магическую область человѣка искупившаго ихъ совершеннымъ пожертвованіемъ всѣхъ земныхъ наслажденій. Охлажденіе ко всему и черствое безстрастіе ко всѣмъ радостямъ и ко всѣмъ горестямъ жизни неразлучны съ постояннымъ употребленіемъ опіума. Нервы, которые при физическомъ разслабленіи становятся обыкновенно чувствительнѣе и раздражительнѣе, напротивъ въ разслабленіи, происходящемъ отъ опіума, приходятъ въ безчувственность. Любовь, дружба, родственная привязанность, ненависть, мщеніе, корыстолюбіе и всѣ страсти, такъ буйно господствующія въ азіятскихъ сердцахъ, теряютъ постепенно свои права, и Османлы преданный опіуму можетъ служить идеаломъ стоической философіи, если стоицизмъ состоитъ въ подавленіи страстей, зажженныхъ

благодѣтельною Природою въ человѣческомъ сердцѣ.

Мой Османлы хорошо сохранялъ воспоминанія молодыхъ лѣтъ, проведенныхъ въ разгулѣ лагерной жизни; но съ того времени, когда на него началъ дѣйствовать опіумъ, онъ уже не считалъ годовъ, не могъ даже опредѣлить свой возрастъ (*), ничего почти не зналъ, что съ нимъ случилось, увѣренъ только, что онъ былъ всегда доволенъ, всегда спокоенъ, не искалъ никакихъ развлеченій, и для него ничего не было скучнѣе забавъ и увеселеній. Болѣе всего было мнѣ досадно то, что онъ не могъ мнѣ дать отчета въ своихъ видѣніяхъ, съ которыми было бы любопытно сравнить видѣнія Мечерина, удивившія міръ своею необычайностію, и

(*) Турки большею частію не знаютъ года своего рожденія; у нихъ нѣтъ никакихъ метрическихъ свидѣтельствъ, и всѣ дѣти законныя, если только кто нибудь признаетъ ихъ своими. Они знаютъ свои лѣта только по какому нибудь политическому событію, современному году ихъ рожденія; одинъ родился при такомъ то бунтѣ Янычаръ, при сверженіи такого-то Султана; другой при такомъ-то большомъ пожарѣ (пожары тѣ же политическія событія въ Стамбулѣ); третій въ такую-то войну, и т. д.

споль замапчивыя, не смотря на мученія ихъ сопровождавшія, что можетъ быть изданная имъ недавно исповѣдь во многихъ породитъ желаніе испытать на себѣ волшебную силу опіума.

Турки увѣрены, что съ нѣкотораго времени опіумъ имѣетъ многихъ приверженцевъ между гражданами Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣдніе годы корабли Американцевъ стали вывозить изъ Турціи значительное количество опіума, коимъ снабжаютъ они Китай, Японію и Магометанъ восточной Азіи. Но эта торговля представляетъ много затрудненій, по той причинѣ, что Евреи, промышляющіе заготовленіемъ этого товара для вывоза, нашли удивительныя средства его поддѣлывать, такъ что одни любители и знатоки могутъ различить настоящій отъ поддѣльнаго. Ничего нѣтъ удивительнаго, если Американцы, для сбереженія своихъ выгодъ, станутъ сами испытывать на себѣ силу опіума, и переймутъ у Турокъ старинный ихъ вкусъ; а говорятъ, что если кто рѣшится однажды его отвѣдать, неминуемо къ нему пристрастится. Это миѳологическій адъ, который не выпускаетъ своей Персефоны, когда она изъ

любопытства скушала зерно подземной граната. Единственное средство отвыкнуть отъ него — пить запоемъ нѣсколько времени сряду, точно такъ какъ для излеченія себя отъ страсти къ вину, кающіеся Мусульмане предаются опіуму.

Опіумъ вывозится обыкновенно изъ Смирны, которая уже давно имѣетъ непосредственныя сношенія съ Новымъ Свѣтомъ. Въ Константинополѣ въ это время стояло нѣсколько Американскихъ судовъ, но они только за три или за четыре года получили позволеніе входить въ Босфоръ, и имѣть свою коммерческую канцелярію въ Константинополѣ. Это позволеніе стоило Американцамъ много хлопотъ, долговременныхъ поисковъ и переговоровъ, необходимыхъ принадлежностей всякаго дипломатическаго сношенія съ Портою, которая вездѣ и во всемъ любитъ употреблять свою несравненную поговорку «бакалумъ,» весьма неточно выражаемую нашимъ «хорошо, посмотримъ, подумаемъ.» Можетъ быть они до сего времени не успѣли бы въ своемъ дѣлѣ и не заключили бы порговаго трактата съ Портою, если бы не временный разрывъ ея съ великими Европей-

скими Державами послѣ Наваринскаго сраженія. Турки, думая, что вся Европа ополчилась на нихъ, охотно вступили въ дружественныя связи съ Америкою, и Турецкое министерство пожелало даже заключить съ Соединенными Штатами оборонительный и наступательный союзъ, отъ котораго насилу отдѣлались Американцы, имѣвшіе въ виду только торговыя свои выгоды, безъ всякихъ притязаній на вмѣшательство въ политику Востока.

Мнѣ сказывали, что когда въ первый разъ показался Американскій флагъ между другими гяурскими флагами, покрывающими Босфоръ, Стамбульскій народъ спалъ съ любопытствомъ спрашивать, что это за новость? Голубое поле, унизанное звѣздами, казалось признакомъ родства съ Оттоманскимъ полумѣсяцемъ, и въ понятіяхъ народа признавало своею владычицею Османову луну. Тогда пронесся слухъ въ Константинополѣ, что этотъ новый народъ отправилъ къ Всемірному Халифу посольство, чтобы просить у подножія его престола инвеституры на царство, и такъ какъ число этихъ инвеституръ ограничено закономъ, то онъ пользовался разрывомъ Турціи съ одною изъ

Христіанскихъ державъ (когда вышелъ замѣчательный хатишерифъ 1827 года), чтобы поступить на вакансію, если Султанъ исключитъ ее изъ списка державъ, покровительствуемыхъ Халифатомъ.

Но возвратимся въ кофейни. Нѣсколько красивыхъ кіосковъ расположились на площади, противъ Солимановой мечети, перемежешные нѣжнстыми плашанами; былъ третій часъ по полудни, время исключительно посвященное послѣобѣденному отдыху. Около десяти человѣкъ стариковъ сидѣли на диванахъ, и приготовляясь отдыхомъ къ принятію волшебныхъ пилюль, разгоняли мысли изъ головы табачнымъ дымомъ. Они по Оттоманскому обычаю хранили глубокое молчаніе, потому что для нихъ говорить еще болѣе утомительно, нежели думать, въ противность нашему модному свѣту, который много говоритъ и мало думаетъ, чтобы себя не утомлять. Пришли еще два три старика, слабые, изнуренные, съ шапкою походкою, черпя туфлями по мостовой странные треугольники. Наше присутствіе никого не встревожило; можетъ быть даже они насъ и не замѣтили; мы потребовали кофе, чтобы по-

чтенные теріаки не подумали, что одно нескромное любопытство завлекло Франковъ въ храмъ лучшихъ ихъ наслажденій. Вскорѣ кофейня обратилась, въ самомъ дѣлѣ, въ великолѣпный храмъ для людей посвященныхъ въ его таинства. Слуга поднесъ на блюдочкѣ посѣтителямъ магическія пилюли; онъ зналъ порцію, принимаемую каждымъ изъ нихъ; подалъ имъ кофе, холодной воды и трубки, и оставилъ ихъ въ покоѣ Физіономіи этихъ людей были такъ безжизненны, такъ постоянно недвижны, что я не могъ угадать, когда началъ на нихъ дѣйствовать опіумъ. Когда они оставили чашки и трубки, ни одинъ жестъ, ни одно киваніе головою, не показывали присутствія въ нихъ жизни; глаза ихъ были полуоткрыты и вѣжди болѣе не опускались. Я вообразилъ себя въ кругу мумій или истукановъ; меня обдало какое-то холодное, непріятное ощущеніе. Основываясь на слышанныхъ мною разсказахъ, я надѣялся уловить на этихъ физіономіяхъ выраженіе какого-то сверхъестественнаго благополучія и слѣды чудесныхъ мечтаній, даруемыхъ опіумомъ; но онѣ напомнили мнѣ — головы выставляемыя у воротъ Сераля.

Можетъ быть способъ Китайцевъ, не глотать опіумъ, а только курить и заплягиваться его дымомъ (*), имѣетъ то преимущество предъ Оттоманскими пилюлями, что менѣе истощаетъ жизнь, и доставляетъ Китайцамъ тѣ восторженныя видѣнія, которыя запечатлѣваютъ на ихъ физіономіяхъ постоянное выраженіе блаженства, составляющее отличительный типъ Китайской портретной живописи. Въ Китаѣ, гдѣ употребленіе опіума строго запрещено, съ каждымъ годомъ увеличивается его расходъ; въ Турціи, какъ мы видѣли, правительство вовсе не запрещаетъ его употребленія; но съ нѣкотораго времени теріаки сдѣлались предметомъ всеобщаго посмѣянія. Кофейни исключительно посвященныя опіуму не подверглись общей опалѣ Стамбульскихъ *кавене*, но онѣ большею частію пусты, и кромѣ немногихъ стариковъ, которыхъ я тамъ видѣлъ, одного стараго эфендія жившаго въ Скупари, и одного *секерджи*, кандитера, который

(*) Извѣстно, что Китайцы послѣ обѣда садятся въ кружокъ, и имъ подается общая трубка, въ которой курится опіумъ; каждый по очередно куритъ.

цѣлый день дремалъ въ своей лавкѣ, къ которому я часто заходилъ и никогда не могъ его разбудить, мнѣ не случилось болѣе видѣть въ Константинополѣ людей подъ вліяніемъ опіума. За то множество пьяницъ, и встрѣча съ ними весьма непріятна. Турокъ въ пьянствѣ становится буянъ, заносчивъ, ругаетъ на повалъ гяуровъ и въ особенности Франковъ; если при встрѣчѣ съ нимъ не сойдете съ тротуара, онъ васъ толкнетъ, и будь это не въ Перѣ, а гдѣ нибудь во внутреннихъ кварталахъ Стамбула, далеко отъ гауптвахты, онъ въ состояніи надѣлать вамъ много непріятностей. Въ Туркѣ пьянство весьма рѣдко выражается веселіемъ; оно угрюмо подобно пьянству Англичанъ; оно ничего не имѣетъ общаго съ шумъ чистосердечнымъ веселымъ, говорливымъ, музыкальнымъ, учтивымъ, бодрымъ и даже смышленымъ пьянствомъ Русскаго человѣка. Жители Константинополя должны быть несказанно благодарны Махмуду, за строгое запрещеніе Туркамъ носить при себѣ оружіе, какъ было прежде. Правовѣрные теперь пьютъ съ Султанскаго разрѣшенія, но не менѣе того пили они и прежде, когда вино было запрещено, и нерѣдко случалось встрѣчать-

ся съ пьянымъ бродягою, который шелъ по улицѣ съ ятаганомъ на голо.

Не знаю, разрѣшеніе пить вино будетъ ли имѣть со временемъ спасительное вліяніе на образованіе Турецкаго народа, на развитіе умственныхъ его способностей, на сближеніе его съ Европейцами; но покамѣстъ я предпочитаю любителей опіума приверженцамъ проклятаго Пророкомъ напитка, такъ усердно подвизающимся на поприщѣ нововведеній. По крайней мѣрѣ приверженцы старинной системы, въ которой такъ хорошо соединялись силы двухъ боговъ Вакха и Морфея — народъ самый безвредный, и представляютъ путешественнику любопытную картину своими безмолвными, почти безжизненными оргіями. Притомъ опіумъ состоитъ въ тѣсномъ родствѣ съ храбростію Оттоманъ, и въ исторіи ихъ побѣдъ раздѣляетъ съ ними славу многихъ чудесныхъ подвиговъ. Сонливый, вялый въ мирномъ кейфѣ—онъ владѣетъ чудною силою возжигать слѣпую храбрость въ Оттоманскомъ воинѣ въ пылу сраженія, и наѣздники *дели* ему обязаны своими удальствами. Вспомнимъ, что составленные изъ него меджунé, славятся си-

лою возжигать любовь, и мы въ опіумѣ найдемъ сосредоточеннымъ все существованіе Османлы. Если многіе народы представляютъ разительное сходство съ своими любимыми напитками, какъ Нѣмцы съ пивомъ, Французы съ шампанскимъ, Англичане съ грогомъ и Италіянцы съ лимонадомъ — Турки въ этомъ отношеніи имѣютъ неоспоримое право выбрать опіумъ девизомъ пройстваннаго проявленія ихъ жизни— покоя, любви и вспышекъ слѣпаго удальства.

ГЛАВА III.

Чума, вѣрный источникъ сильныхъ ощущеній. — Опасныя вѣсти. — Обѣдъ у Патріарха. — Боязнь и головная боль. — Профессоръ предопредѣленія. — Удивительные случаи. — Домашніе карантины. — Чумный аббатъ. — Ужасы 1812 года. — Теорія Мальтуса. — Черная женщина. — Повѣрья. — Сила материнскаго чувства. — Чумный промыселъ. — Христіанскія добродѣтели. — Капризы и характеръ заразы. — Оспа. — Открытіе Константинопольскихъ старухъ. — Заслуга Леди Монтегю. — Повѣрья Римлянъ и толки Парижскаго факультета. — Карантины. — Комета. — Ея вліяніе. — Великобританскій способъ леченія. — Турецкая неопрятность.

Любители сильныхъ ощущеній отправляются въ Константинополь въ надеждѣ видѣть какъ топятъ людей въ морѣ, вѣшаютъ или сажаютъ на колъ; не всякому и не всегда удается видѣть подобныя явленія; только путешественникамъ по ремеслу какъ нарочно готовы на каждомъ шагу, во всѣхъ перекресткахъ Стамбула, встрѣчи съ палачами; то проходя въ раздумьи подъ балкономъ, они задѣваютъ шляпою висящіе трупы; то въ каїкахъ по Босфору ихъ шлюбка наѣзжаетъ въ темнотѣ на шаин-

сивенную ладью, съ которой евнухъ бросаетъ въ море преступную жертву любви и ревности. Но есть другой болѣе надежный источникъ сильныхъ ощущеній; къ нему не такъ охотно всякій прибѣгаетъ, вѣроятно потому что дѣло идетъ уже не объ однихъ подданныхъ Султана и гаремныхъ затворницахъ; этого рода ощущенія связаны съ собственною опасностію, съ лихорадочною боязнію о своей жизни. Сдѣлайте нѣсколько прогулокъ по Стамбулу въ то время, когда здѣсь свирѣпствуетъ чума, когда вездѣ встрѣчаете носильщиковъ съ грузами на плечахъ, или посинѣлыя лица фанатиковъ, которые бродятъ какъ опьянѣлые, съ смертною отравою въ груди — вы можете вообразить, что съ вами рука объ руку гуляетъ по улицамъ столицы фаталисма грозная гостья, и взглядами сѣетъ по своимъ слѣдамъ самую ужасную изъ смертей. Вы увидите, какъ суетится перепуганный народъ предъ своею справшною царицею, какъ все блѣднѣетъ при ея появленіи, и какъ кварталъ за кварталомъ пустѣетъ послѣ каждой ея прогулки, и какъ жертвы ея тѣснятся на кладбищахъ.

Въ это время не было въ Константинопо-

лѣ сильнаго мороваго повѣтрія, какъ за годъ предъ тѣмъ и годъ спустя послѣ нашего похода (въ 1832 и 1834 годахъ). Провидѣнію угодно было освободить столицу Махмуда отъ постояннаго ея бича на эпу эпоху пребыванія въ ней нашего войска и флота. Но кажется никто утвердительно не можетъ сказать, чтобы когда нибудь въ Константинополѣ не было чумы. Всегда почти, отъ времени до времени появляется она въ какомъ нибудь кварталѣ, особенно въ Балатѣ и въ Хасъ-кьой, въ душныхъ кварталахъ Евреевъ. Тамъ она имѣетъ кажется свое постоянное гнѣздо, среди нищенской неопрятности и тѣснопы, въ которой живетъ племя Израиля въ болотной глубинѣ залива Золотаго Рога, непродуваемой сквозными вѣтрами Чернаго и Мраморнаго морей и хребта Гемуса. Многіе приписываютъ однимъ Евреямъ всегдашнее существованіе заразы въ Константинополѣ; она къ нимъ пристала и переходитъ изъ рода въ родъ, будто продлившаяся до нашего времени одна изъ язвъ Израиля.

Я забылъ было о слухахъ, которые носились въ это время, и объ опасеніяхъ чумы, послѣ нѣсколькихъ случаевъ скоропостижныхъ

смертей въ Стамбулѣ, и довѣрчиво толкался въ базарахъ среди разнонародной черни, среди продавцевъ щегольскихъ нарядовъ и старыхъ лохмотьевъ, вѣрнѣйшихъ проводниковъ и распространителей заразы. Послѣ этой прогулки я отправился въ Фанари на обѣдъ къ Вселенскому Патріарху. Мы сидѣли за столомъ, когда явился одинъ изъ Греческихъ старшинъ, съ донесеніемъ Его Святѣйшеству о двухъ весьма подозрительныхъ случаяхъ скоропостижной смерти въ сосѣдствѣ, у одного хлѣбника. Патріархъ немедленно послалъ опытныхъ людей изслѣдовать дѣло, далъ приказанія о взятіи нужныхъ мѣръ предосторожности, и успокоилъ насъ увѣреніемъ, что въ это время года, въ продолженіе сильныхъ жаровъ, язва, если и существуетъ, не можетъ получить большой силы, тѣмъ болѣе, что она есть только ослабѣвшій остатокъ прошлогодней. Онъ прибавилъ, что въ Іюнѣ и Іюлѣ часто свирѣпствуютъ горячки и другія острыя болѣзни, принимаемыя за чумные случаи. Епископы и Греческіе примасы, которые тутъ были, остались по видимому довольны этимъ объясненіемъ, и вскорѣ разговоръ обратился къ

другимъ предметамъ. Но, признаюсь, я удивлялся ихъ беззаботному спокойствію, слѣдствію долгаго пребыванія въ странѣ чумы, и въ которомъ видимо отражался фатализмъ Востока, необходимый спутникъ того, кто рѣшился жить съ Турками. На это время я самъ отъ всей души желалъ быть хоть нѣсколько фаталистомъ; но утреннія прогулки по базарамъ сильно меня тревожили, и не одинъ разъ мнѣ воображалось, что этотъ обѣдъ, въ кругу священнослужителей, былъ послѣднимъ обѣдомъ моей жизни, и я не зналъ чему приписать головную боль мою— шуму ли базаровъ и запаху розоваго масла, солнцу ли, внутреннему безпокойству, или принять ее за первый привѣтъ неумолимой язвы.

При такомъ расположеніи духа тихая, степенная бесѣда не могла разсѣять мои мучительныя сомнѣнія, и я вполнѣ понялъ отчего люди, окруженные вѣчными опасностями, военные и моряки, если они не довольно проникнуты вѣрою въ предопредѣленіе, болѣе всего любятъ оглушать голосъ внутреннихъ тревогъ шумомъ безумной оргіи.

Послѣ обѣда я спѣшилъ возвратиться въ

Галапу, къ банкиру нашей миссіи Г-ну Захарову, у котораго каждый Русскій находитъ въ Константинополѣ самое дружеское гостепріимство, высидѣть у него двухдневный карантинный срокъ для моего успокоенія, и оттуда, не оглядываясь на зачумленный Стамбулъ, ѣхать куда нибудь гдѣ воздухъ чище, въ Буюкдере или на Княжескіе острова. У самыхъ воротъ Фанари, Фенеръ-капысы, я встрѣтился съ Турецкимъ гробомъ; этого уже было слишкомъ много. Къ счастію широта улицы позволила мнѣ прислониться къ стѣнѣ, и Турки, которые несли гробъ или съ поспѣшностію за нимъ слѣдовали, были довольно учтивы, чтобы меня не задѣть. Это я приписалъ тому, что не было большой чумы въ городѣ; а надо знать, что когда она свирѣпствуетъ, Турки до того проспираютъ свое изувѣрство, что если замѣтятъ, что вы съ осторожностію пробираетесь, ни къ кому не прикасаясь, нарочно васъ задѣваютъ, ругаясь надъ вашими усиліями отвратить неотвратимую руку судьбы, и противиться волѣ предопредѣленія. Кто не знаетъ, что въ книгѣ кысмета записаны предвѣчно всѣ жертвы мороваго повѣтрія въ Стамбулѣ, что

каждый при самомъ рожденіи, или можетъ быть еще во чревѣ матери, получилъ свой приговоръ, умрётъ ли онъ чумы или отъ войны, этой чумы всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ?...

Гребецъ у присшаня хотѣлъ постлать мнѣ коверъ въ своемъ кашкѣ. Я просилъ его освободить меня отъ излишнихъ вѣжливостей, и запросто растянулся на доскахъ. Онъ угадалъ мои опасенія; онъ къ моей досадѣ былъ слишкомъ словоохотливъ, какъ рѣдко бываетъ Турокъ, и сталъ мнѣ читать во всю дорогу родъ лекціи Мусульманскаго богословія о кысметѣ, всемогущемъ предопредѣленіи, которое у Турокъ едва ли не выше Всевышняго Аллаха, и въ силу коего я долженъ былъ совершенно успокоиться не только на счетъ чумы, но и обо всей моей будущности, состоящей внѣ сферы моей воли и моихъ ничтожныхъ усилій и моей слѣпой предусмотрительности. Какъ ни унижаетъ человѣка эта вѣра въ судьбу, это духовное самоубійство, и отреченіе отъ лучшаго достоянія его, отъ могущества надъ судьбою и надъ обстоятельствами жизни — но сколько разъ въ жизни мы поневолѣ позавидуемъ этой утѣшительной вѣрѣ, этому стоическому

равнодушію, съ которымъ Мусульманинъ идетъ на встрѣчу своей судьбѣ, смѣло съ завязанными глазами, но окруженный призраками надежды, слѣдуетъ за своимъ невидимымъ кумиромъ, съ покорностію принимаетъ и радости и горе, и ложится во гробъ, какъ на постель послѣ усталостей трудной дороги! Я мало понималъ назидательные разсказы моего каикчи о томъ, какъ такой-то изъ его единовѣрцевъ, еретикъ противъ догмата о кысметѣ, сидѣлъ дома, когда чума гуляла по городу, не имѣлъ ни съ кѣмъ сообщенія, и въ одно утро нашли его мертвымъ съ семью чумными чирьями, а его невольники, которые ежедневно бѣгали по его дѣламъ, которые потомъ омыли и предали землѣ его тѣло, остались живы и здоровы; о томъ, какъ часто погибали въ морѣ люди, которые страхъ боялись воды, и выѣзжали только въ тихую погоду, а старые моряки, извѣдавъ бури и крушенія и тонувъ нѣсколько разъ, спасались собственно за тѣмъ, что имъ было на роду написано испустить духъ въ рукахъ палачей или подъ теплымъ одѣяломъ. Онъ присоединялъ къ подобнымъ разсказамъ другіе болѣе занимательные и относящіеся къ политической жизни и

политическимъ мнѣніямъ Турокъ: о такомъ-то добродѣтельномъ Османлы, который тщательно избѣгалъ всякаго сношенія съ правительствомъ, и не вмѣшивался ни въ какія интриги Дивана и войска, ни въ какіе заговоры, и не смотря на это въ эпоху казней, по ошибкѣ въ имени, онъ былъ схваченъ и поспѣшно задушенъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ янычарами; о другомъ изъ его единовѣрцевъ и однокашниковъ, который изъ бѣднаго Босфорскаго кайкчи, попалъ въ Великіе Адмиралы. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что первому было на роду написано быть удушеннымъ, второму — командовать не двухвесельнымъ кайкомъ, но флотомъ Оттоманской Имперіи.

Я замѣтилъ, что мой профессоръ, хотя усталый отъ гребли и отъ жара, не засучивалъ однако широкихъ рукавовъ своей шелковой рубашки. Мнѣ стало подозрительно, нѣтъ ли у него на рукахъ синихъ знаковъ, которыми щеголяли во времена былыя молодцы янычарскихъ орта? не по собственному ли опыту онъ такъ логически разсуждаетъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ предопредѣленія? Склонясь на мои убѣжденія, и занятый главною своею те-

мою о предопредѣленіи, мой каикчи признался наконецъ, что онъ самъ былъ изъ числа тѣхъ, которые весьма усердно стучали въ котлы на Этмейданской площади, что онъ былъ тяжело раненъ въ послѣднюю сѣчу Янычаръ, оглушенный лежалъ между трупами до глубокой ночи, и потомъ спасся ползкомъ по темнымъ переулкамъ. Безъ сомнѣнія онъ уже не долженъ былъ бояться висѣлицы или снурка, потому что избѣгъ самаго вѣрнаго случая попасть въ руки Султанскаго правосудія. Впрочемъ я ему посовѣтовалъ знать эшо про себя, и не выставлять себя въ примѣръ всемогущества судьбы, потому что ея капризы непостижимы.

Не знаю, подѣйствовали ли на мое воображеніе разсказы фаталиста — но мои опасенія миновались вмѣстѣ съ головною болью, когда каикъ, съ трудомъ пробравшись между купеческихъ судовъ у пристани Мумхане, присталъ къ самому подъѣзду Захарова, котораго домъ стоитъ точно на якорѣ между кораблями, и подмывается моремъ. Здѣсь меня ожидали всѣ обряды, коимъ долженъ подвергаться кто возвращается изъ Стамбульскихъ базаровъ. Особая комната служитъ домашнимъ чистилищемъ; въ ней ку-

рились кипарисовые листы; надо было переодѣться, и оставить въ дыму то платье, которое поутру терлось въ подозрительныхъ базарахъ.

Эта легкая предосторожность нужна въ Константинополѣ почти во всякое время, потому что, какъ я уже замѣтилъ, никогда нельзя быть совершенно спокойнымъ насчетъ чумы. Но если она явно свирѣпствуетъ, васъ не примутъ въ самомъ дружескомъ домѣ, и одинъ эпизкепъ предостерегательныхъ средствъ замѣняетъ всѣ эпизкепы Мусульманской столицы. Безъ сомнѣнія это только у Франковъ и у Грековъ, которые съ ними сблизились; правовѣрный навлечетъ на себя всеобщее нареканіе, даже подозрѣніе въ ереси, если станетъ остерегаться, и потому тѣ Мусульмане, которые не такъ крѣпко вѣрятъ въ кысметъ, ограничиваются ношеніемъ амулетокъ, или—что можетъ быть болѣе надежно нежели дервишскіе шалисманы—держатъ надъ желудкомъ связку съ сафраномъ, и опкрываютъ на рукахъ и на ногахъ фонтанели. Эти послѣднія средства были употреблены въ большую чуму 1812 года Армянскимъ священникомъ Донъ-Курбаномъ, котораго Перо-

ны прозвали *чумнымъ аббатомъ*, и который далъ рѣдкій примѣръ христіанскаго самоотверженія, въ самый сильный разгаръ болѣзни, ежедневными попеченіями о больныхъ и умирающихъ, пользованіемъ ихъ, духовными и мірскими заботами о своей паствѣ, въ такое время, когда мать бѣгаетъ отъ сына и братъ отъ брата.

Не хочу пугать воображеніе моихъ читателей картиною, которую представилъ Константинополь въ памятный бѣдствіями всего востока Европы 1812 годъ. Любителямъ подобныхъ картинъ могу указать на мрачную поэму Вильсона, которому Лондонская чума 1665 года служила музою, или на записки Фоэ (*) о той же эпохѣ Лондона. Но я слышалъ въ Константинополѣ разсказы о чумѣ 1812 года, кото-

(*) Малоизвѣстный авторъ столь извѣстной книги: Приключенія Робинсона Крузоэ. Записки о Лондонской чумѣ онъ писалъ по разсказамъ другихъ, потому что онъ родился только за два года до чумы. Онѣ составляютъ однако весьма любопытный исторической документъ, и недавняя холера придала имъ новую занимательность. Онѣ были изданы въ 1722 году въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ Journal de la peste de Londres en 1665.

рые превосходятъ всѣ ужасы траурной поэмы Вильсона и всѣ отвратительныя подробности историка. Я не удержалъ въ моей памяти этой эпохи; знаю только, что каждый разъ потомъ, когда появлялась моровая язва, съ трепетомъ вспоминалъ весь городъ о чумѣ 1812 года, и долго, долго не забудетъ Константинопольшой бѣдственной годины, и разсказы о ней пугаютъ самыхъ усердныхъ вѣрователей въ предопредѣленіе.

Восемь лѣтъ не было слышно чумы въ этомъ городѣ: ему было суждено дорого поплатиться въ нѣсколько мѣсяцевъ за столь необычайно продолжительный отдыхъ. Въ исходѣ весны оказалось нѣсколько признаковъ; но сильные жары остановили успѣхи заразы, и она въ это время довольствовалась рѣдкими, безвѣстными жертвами во внутреннихъ кварталахъ. Къ осени появилась она вдругъ съ такимъ остервенѣніемъ, какого столѣтніе старики не вспоминали, и которому врядъ ли есть примѣры въ лѣтописяхъ Стамбула, даже въ цѣлой исторіи повальныхъ болѣзней. Первое ея появленіе было ознаменовано большимъ пожаромъ; въ нѣсколько часовъ сгорѣлъ весь Еврейскій кварталъ Бала-

ина, въ которомъ по обыкновенію гнѣздилась язва. Сорокъ тысячъ погорѣлыхъ Евреевъ распространились по всему городу, и съ ними разлилась и зараза. Она объяла весь городъ всѣ предмѣстія. Около восьмисотъ тысячъ человѣкъ претерпѣли подъ смертоноснымъ ея дѣйствіемъ. Въ первомъ ея порывѣ ни одна жертва застигнутая сю не переживала трехъ сутокъ, и въ продолженіе Октября и Ноября умирало около трехъ тысячъ человѣкъ въ день.

Базары закрылись; послѣднія вещи проданныя въ нихъ, были лохмотья зачумленныхъ Жидовъ, которые продавали платье свое и умершихъ родственниковъ, чтобы достать кусокъ насущнаго хлѣба. Всякой разъ въ эпоху чумы продажа зачумленныхъ вещей, которыя обыкновенно сбываются за безцѣнокъ, и охотно покупаются фаталистами, служитъ къ распространенію заразы. Между базарами Стамбула есть особенный базаръ стараго платья и лохмотьевъ, *пить-базаръ* (собственное значеніе слова столько же грязно какъ и товары этого рынка). Въ немъ продаются обыкновенно всѣ зачумленныя вещи, и въ тѣсныхъ его кладовыхъ, никогда не провѣтриваемыхъ, зараза можетъ скрываться

многіе годы, чтобы потомъ съ новымъ свирѣпствомъ разлиться по Стамбулу. Другой пожаръ сдѣлался въ Галатѣ, и имѣлъ тѣже слѣдствія что и пожаръ Еврейскаго квартала. Погорѣлые спасались гдѣ могли; нельзя было тогда строиться такъ скоро послѣ пожаровъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ Константинополѣ, потому что плотники со всего города были заняты дѣланіемъ гробовъ. Мертвые имѣютъ въ Стамбулѣ свои права, и не смотря на свирѣпство заразы ни одинъ правовѣрный не былъ преданъ землѣ безъ гроба. Да и зачѣмъ строить домы для живыхъ, когда предъ всякимъ были отворены двери послѣдняго его дома?...

По приблизительнымъ вычисленіямъ полагаютъ, что около 200,000 человѣкъ сдѣлались жертвою чумы въ семидесятидневный періодъ ея сильнѣйшаго повѣтрія. Это составитъ почти четверть народонаселенія Константинополя и предмѣстій. Нельзя не сожалѣть о томъ, что въ Константинополѣ не было средства сдѣлать потомъ статистическія наблюденія надъ числомъ рождающихся, чтобы удостовѣриться въ какой пропорціи природа вознаграждала свои убытки. Какъ бы то ни было дол-

жно полагать, что нигдѣ въ мірѣ родъ человѣческій не плодится такъ скоро какъ въ Константинополѣ. Какъ ни велико стеченіе народа изъ провинцій въ столицу, но должно замѣтить, что переселенцы остаются въ ней только на извѣстный срокъ; это большею частію промышленики, которые испытавши счастіе въ Стамбулѣ, возвращаются по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ своимъ семействамъ. Между тѣмъ, послѣ ужаснаго опустошенія, сдѣланнаго чумою 1812 года, после другихъ четырехъ или пяти сильныхъ періодовъ заразы, народонаселеніе такъ размножилось, менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, что правительство нашлось принужденнымъ прибѣгнуть къ старинному своему обыкновенію выгонять народъ изъ столицы. Я не говорю уже о томъ, что въ эпоху гоненія на Грековъ убыло погибшими или бѣжавшими до 40,000 человѣкъ, столько же въ эпоху истребленія Янычаръ и столько же въ эпоху гоненія Армянъ-Католиковъ. Но и теперь Стамбулъ и его предмѣстія тѣсно заселены во всѣмъ своемъ пространствѣ, и если нѣкоторыя части города кажутся не столь многолюдными, это единственно потому, что женщины и дѣти сидятъ

взаперти, и кромѣ дѣловыхъ людей, купцевъ и ремесленниковъ, остальные мало выходятъ изъ своихъ домовъ. Если когда нибудь Константинополь освободится отъ заразы и отъ политическихъ каръ, правительство приметъ можетъ быть, вмѣстѣ съ другими Европейскими нововведеніями, и систему Доктора Мальтуса, и издастъ *ишакъ*, запрещеніе, на женитьбы, или ограничитъ число дѣтей въ семействѣ, такъ какъ ограничиваетъ длину воротниковъ на плащахъ Турчанокъ.

Примѣчанія достойно, что изъ числа 200,000 умершихъ отъ чумы, почти три четверти были одни Турки, хотя они едва составляютъ половину всего народонаселенія. Это легко объясняется тѣмъ, что они не сочли согласнымъ съ ученіемъ Магомета взять какія либо предосторожности, кромѣ талисмановъ, и что они живутъ большею частію въ тѣсныхъ стѣнахъ Стамбула, гдѣ нѣтъ возможности, даже сидя взаперти дома и не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія, оградишься отъ заразы; кошки свободно переходящія съ крыши на крышу, мыши прогрызывающія деревянныя стѣны домовъ, перелетныя птицы, даже легкій пухъ перенесенный вѣт-

ромъ изъ окошка въ окошко—все, по увѣренію здѣшнихъ жителей, можетъ сообщить заразу, во всемъ таится смерть. Привычивость такъ ужасна, что простой народъ вѣритъ, будто чума сообщается даже взглядомъ. Она представляется испуганному воображенію черни тою змѣею, которая однимъ взоромъ уязвляетъ свои жертвы. Безъ сомнѣнія, ничто не даетъ столько силы суевѣріямъ, какъ этотъ судорожный страхъ, которымъ объято Христіанское народонаселеніе въ эпоху сильной заразы. Евреи болѣе или менѣе фаталисты, подобно Туркамъ. Простой народъ Греческій и Армянскій представляетъ въ своемъ воображеніи чуму черною женщиною колоссальнаго роста, которая по ночамъ, иногда видимая, иногда невидимкою, ходитъ по улицамъ, шаркая шуфлями, съ метлою въ одной рукѣ, машетъ рукавомъ другой, засматриваетъ въ окна домовъ, и каждый ея взглядъ есть приговоръ смертный. Другое народное повѣрье заслуживаетъ можетъ быть болѣе вниманія: во время чумы если приснится матери семейства черная женщина, отвратительнаго и страшнаго вида, она проснувшись убѣждена, что въ домѣ есть болѣзнь, и

по общему сознанію всѣхъ, съ кѣмъ я ни говорилъ въ Константинополѣ объ этомъ предметѣ, подобное сновидѣніе никогда не обманывало. Включимъ ли это въ обширную категорію простонародныхъ суевѣрій суевѣрной издревле Византіи, или припишемъ раздражительности нервовъ, обданныхъ смертнымъ страхомъ, и силѣ воображенія, которое располагаетъ человѣка къ болѣзни, и сообщаетъ ея отраву посредствомъ страха?—нѣтъ ли тайнаго предчувствія души, ясновидѣнія сна, не должны ли мы повторить слова Махбета: «между небомъ и землею есть много, чего не постигнетъ умъ.»?....

Первое появленіе болѣзни въ какомъ нибудь кварталѣ или предмѣстіи, доколѣ ненавѣщанномъ ею, бываетъ самое опрос; она любитъ незараженный воздухъ, обнаруживаетъ въ немъ всю свою силу, и первыя ея жертвы неминуемо падаютъ. Нерѣдко человѣкъ умираетъ въ самый день, когда она ему сообщилась, и знаки ея появляются уже на мертвомъ трупѣ. Чрезъ нѣсколько дней она видимо слабѣетъ; больной переживаетъ третій а иногда и седьмой день; если переживетъ девятый, есть большая надежда на выздоровленіе, которое впрочемъ со-

минительно до сорокодневнаго срока. Пропорція выздоравливающихъ также возрастаетъ, хотя весьма медленно, по мѣрѣ того какъ болѣзнь старѣется; едва спасались въ первые дни семь или восемь человѣкъ изо ста; въ послѣдній періодъ болѣзни выздоравливаетъ обыкновенно четверть даже треть больныхъ. Но и выздоровленіе ужасно! Бываютъ примѣры, что супружеская или материнская привязанность превозмогаютъ страхъ очевидной смерти и не покидаютъ несчастнаго на одрѣ болѣзни; но эти примѣры рѣдки; притомъ, если онъ сохраняетъ чувства, присутствіе родныхъ должно еще болѣе расправлять его мученія; если онъ оставляетъ строгъ, то героизмъ супруги, вдыхающей заразу у его изголовья, можетъ лишить ихъ и матери. Эта ужасная неизвѣстность продлится сорокъ дней, длинныхъ дней недуга, потому что до этого срока выздоравливающій можетъ сообщить смерть всему, что его окружаетъ. Врядъ ли гдѣ нибудь въ цѣломъ мірѣ материнскій героизмъ женщины, является въ такой высокой силѣ, какъ въ Константинополѣ. Здѣсь это нужно въ утѣшеніе человѣчества подлѣ воспоминаній объ императрицахъ,

которыя выкалывали глаза своимъ дѣтямъ. Я видѣлъ матерей, которыя оставили въ чужихъ рукахъ дитя, застигнутое чумою, чтобы сохранить себя для другихъ своихъ дѣтей; если испытывали потомъ въ жизни новое горе, если лишались своихъ дѣтей — почти всегда приписывали это своей жестокости, и почитали свои несчастія божіимъ наказаніемъ, за то что не исполнили материнскаго долга.

Вообще думаютъ и въ Константинополѣ и во всей Европѣ, что человѣкъ, однажды имѣвшій чуму, не подверженъ опасности получить ее снова. Это несправедливо; есть люди, которые имѣли ее по нѣскольку разъ, или, спасшись въ первый разъ, умирали потомъ; то же было замѣчено и въ Лондонской и въ Марсельской чумѣ (*). Какъ бы то ни было, они гораздо менѣе подвержены опасности, и изъ нихъ составлено въ Константинополѣ цѣлое сословіе людей, которые промышляютъ во время заразы тѣмъ, что всюду ходятъ, исполняютъ

(*) По сказанію Оукидида Аѳинская чума никогда вторично не приставала. Но Римскіе писатели, на которыхъ ссылается Гиббонъ въ своей исторіи (Гл. XLIII), свидѣтельствуютъ противное.

порученія людей, запертыхъ въ своихъ домахъ, доставляютъ имъ провизіи, не имѣя впрочемъ съ ними непосредственнаго сообщенія; они-по ухаживаютъ за больными, и хоронятъ трупы.

Такъ какъ во всѣхъ тяжкихъ бѣдствіяхъ человѣчества религія является во всемъ своемъ величіи, и ея утѣшительный голосъ подкрѣпляетъ человѣчество, издающее только вопль и стоны, и ея твердая рука поддерживаетъ его въ смертномъ колебаніи—одна религія бодрствуетъ въ эпохи моровой язвы, эпохи разрывающія всѣ узы общества и природы. Безъ сомнѣнія, мы говоримъ только о Христіанствѣ, потому что весь долгъ Турецкихъ имамовъ во время чумы, состоитъ въ томъ что бы славить силу предопредѣленія. Многіе изъ христіанъ заразительные болѣзнію дѣлаютъ обѣтъ, если Богъ ихъ спасетъ, вступить въ монашество и посвятить свою жизнь попеченіямъ о больныхъ. Греческая церковь имѣетъ въ Константинополѣ двѣ большія больницы, собственно для чумныхъ, одну въ Перѣ у «большаго кладбища», другую за городомъ близъ Семибашеннаго Замка. Онѣ содержатся монахами; другихъ

врачей въ нихъ нѣтъ кромѣ монаховъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они лучшіе врачи, не только духа но и тѣла, въ такой болѣзни, которую по собственному опыту знаютъ, и которая доселѣ недоступна всѣмъ изысканіямъ Европейской медицины. Они-то могли бы дать самыя точныя свѣдѣнія о болѣзни Европейскимъ медикамъ, которые нерѣдко отправляются въ Константинополь, чтобы ее изслѣдовать, но которымъ не позволяетъ факультетское самолюбіе обратиться съ вопросомъ къ безграмотному монаху, и потому они, возвратясь во свояси, разсказываютъ ученымъ собратамъ, что Греческіе *папасы*, подобно дервишамъ, лечатъ одѣми амулетками, таинственными надписями и молитвами. Въ Константинополѣ всякій знаетъ, что нѣтъ хуже врача отъ чумы, какъ ученый Европейскій медикъ; всѣ наблюденія, сдѣланныя медициною надъ этой болѣзнію, не представили доселѣ никакихъ положительныхъ результатовъ, и все въ ней окружено таинственностію отъ ея первоначальнаго происхожденія, до разныхъ видовъ ея проявленія, до причинъ большей или меньшей смертности и заразительности, распространенія и прекраще-

нія (*). Многіе сомнѣваются даже въ томъ, точно ли изъ Египта приходитъ она въ Константинополь; многолѣтнимъ опытомъ доказано только то, что ея натуральное стремленіе отъ юга къ сѣверу и никогда обратно; такимъ образомъ Александрія и Смирна сообщаютъ заразу Константинополю, но Константинопольская зараза не распространяется въ этихъ двухъ городахъ, не смотря на постоянныя ихъ сообщенія съ столицею. Даже не въ столь большихъ пространствахъ, если отъ чумы разбѣ-

(*) На дняхъ я видѣлъ вновь вышедшую книгу: «Neuf années a Constantinople; observations sur la topographie de cette capitale, l'hygiène et les moeurs de ses habitans, l'islamisme et son influence, la peste, ses causes, ses variétés, sa marche et son traitement; la non contagion de cette maladie etc. par Brayer. 2 vol. in 8. Paris. 1836.» Репутація, которою пользовался этотъ врачъ въ Константинополѣ, не можетъ внушить большаго желанія прочитать его книгу, съ ея напыщеннымъ заглавіемъ. Вѣроятно онъ слышалъ о томъ, что иногда наживалась слава удачнымъ парадоксомъ, и взялся въ двухъ толстыхъ томахъ доказывать, что чума столько же заразительна, какъ и зубная боль. Основываясь на этомъ, онъ проповѣдуетъ уничтожить всѣ карантины. По этимъ не ограничивается энтузіазмъ его ко всему Турецкому: онъ совѣтуетъ христіанскимъ народамъ перенять у Мусульманъ и у Евреевъ общій обрядъ ихъ религій.

гупся въ разныя стороны жители одного города, тѣ которые удаляются на сѣверъ несутъ съ собою заразу, а если идутъ на югъ, болѣзнь теряетъ свою силу и заразительность. Равнымъ образомъ еще не дознано: Константинопольская зараза та ли самая что въ Египтѣ, или совершенно измѣняетъ свой характеръ съ климатомъ и съ породою людей. Не существуетъ ли она постоянно и всегда въ этомъ городѣ, какъ и всякая другая болѣзнь, и въ извѣстныя эпохи проявляется въ большей силѣ, въ большемъ объемѣ?.. Самая прилипчивость ея непостижима: люди, которые по ошибкѣ попали въ чумный лазаретъ, пробывъ тамъ нѣсколько недѣль, остаются невредимы, потомъ малѣйшее прикосновеніе къ какой нибудь подозрительной вещи, сообщаетъ имъ болѣзнь (*). Всѣ увѣрены въ томъ что въ воздухѣ нѣтъ никакой отравы, что даже дыханіемъ не сообщается язва; съ другой стороны тысячи людей, которые

(*) Были примѣры, что женщины въ послѣдній періодъ беременности, умирали отъ чумы, а дитя спасалось, и даже противное — недоносокъ получалъ заразу и умиралъ, а мать оставалась невредима.

спаслись отъ нея, и сохраняютъ во всю жизнь на тѣлѣ, нерѣдко даже на лицѣ, ужасные ея знаки, утверждаютъ, что каждый разъ, когда приближается новый періодъ заразы, они предчувствуютъ его по боли въ своихъ залеченыхъ ранахъ, что эта боль усиливается или слабѣетъ, согласно съ успѣхами язвы, и что во все время ея присутствія они должны остерегаться извѣстной пищи, въ особенности икры и нѣкоторыхъ овощей.

Въ долинѣ Прѣсныхъ Водъ есть небольшая деревня Лязъ-кьой, въ которую нѣсколько разъ укрывались Европейскія семейства изъ зараженныхъ домовъ, выдерживали тамъ карантинный срокъ, и потомъ возвращались въ провѣтренные и прокуренные свои домы. Мало примѣровъ, чтобы въ этой деревнѣ умирали отъ чумы и жители и поселяющіеся временно между ними гости. Это обстоятельство было изслѣдовано Французскимъ докторомъ Обаномъ; онъ открылъ на рукахъ молодыхъ поселянокъ и на сосцахъ коровъ тѣ же прыщики, которые подали поводъ къ открытію коровьей оспы. Медицина обрадовалась надеждою, что можно будетъ прививать чуму какъ оспу, но послѣдствія доказали,

что это ни къ чему не вело, и что между коровами Прѣсныхъ Водъ и Египетскою чумою нѣтъ никакой симпатической связи. Я слышалъ о двухъ молодыхъ медикахъ, энтузіастахъ своей науки, которые отправились въ царство чумы, въ Египетъ, нарочно за тѣмъ чтобы сдѣлать опыты прививанія натуральной чумы. Они не нашли охотниковъ испытать въ своей крови дѣйствіе смертоносной матеріи, и потому рѣшились испытать на себѣ, и оба сдѣлались жертвою благороднаго самоотверженія.

Можетъ быть не всякому извѣстно, что прививаніемъ натуральной оспы міръ обязанъ Константинопольскимъ старухамъ. Оно было кажется издревле извѣстно здѣсь простому народу, и не докторамъ а свѣтской женщинѣ была предоставлена честь сообщить его образованной Европѣ. Вотъ что писала за 120 лѣтъ предъ симъ Леди Монтегю изъ Константинополя къ своей пріятельницѣ:

«Скажу тебѣ новость, которая внушитъ тебѣ желаніе быть въ Константинополѣ. Оспа, столь смертоносная и повсемѣстная въ нашихъ краяхъ, здѣсь вовсе безопасна, по причинѣ искуственнаго ея прививанія. Здѣсь есть стару-

хи, которыя дѣлаютъ эту операцію осенью, въ Сентябрѣ, когда прошли сильные жары. Спрашиваютъ въ семействахъ, не пожелаетъ ли кто получить оспу; охотники, человѣкъ пятнадцать или шестнадцать, собираются въ кружокъ, и иногда приходитъ старуха съ орѣшковою скорлупою, наполненною матеріею лучшаго качества оспы. Она у всякаго спрашиваетъ, гдѣ ему угодно открыть себѣ жилу; колетъ указанное мѣсто большою иголкою, и въ эту рану, которая не больше обыкновеннаго царапанія, кладетъ столько матеріи, сколько можно взять концемъ иголки, потомъ перевязываетъ рану, закрывъ ее сперва выпуклою раковиною. Эта операція повторяется въ четырехъ или пяти разныхъ мѣстахъ. Многіе Греки по сусевѣрію дѣлаютъ эти раны на лбу, на двухъ рукахъ и на груди, въ честь крестнаго знаменія; но это не красиво, потому что остаются на всегда маленькіе рубцы.» За этимъ Леди описываетъ симптомы прививной оспы, говоритъ, что она сама рѣшилась подвергнуть ей своего сына, и что употребитъ всѣ силы, чтобы ввести это средство въ Англію, хотя предвидитъ сопротивленіе со стороны медиковъ, которые ли-

шался одной изъ лучшихъ отраслей своей промышленности. Безъ сомнѣнія этого нельзя опасаться на счетъ чумы, потому что она не доставляетъ никакихъ доходовъ медикамъ.

Многіе приписывали лихорадочному воздуху долины Прѣсныхъ Водъ то, что чума не можетъ свирѣпствовать въ ней, и ея зараза не можетъ распространиться въ воздухѣ, постоянно упитанномъ сыростію болотъ. Но на Азіятскомъ берегу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Босфора, есть гора средней высоты Алемъ-дагы, съ прекраснымъ воздухомъ, недоступная моровому повѣтрію. Ея вершина увѣнчана лѣсомъ; въ небольшой деревнѣ живутъ бѣдныя семейства, промышляющія обжиганіемъ угля. Они довѣрчиво принимаютъ къ себѣ семейства изъ зачумленнаго Стамбула и предмѣстій, даже зараженныхъ людей, и нѣтъ примѣра, чтобы зараза распространилась въ этой деревнѣ, когда она кипитъ въ окрестностяхъ. Больные, привезенные сюда изъ другихъ мѣстъ, умираютъ или выздоравливаютъ, но никому не сообщаютъ заразы, хотя здѣсь не соблюдаются никакія карантѝнныя предосторожности.

Изъ историческихъ изслѣдованій о повалъ-

ныхъ болѣзняхъ, проявлявшихся въ разныхъ эпохахъ на земномъ шарѣ, видно, что ни одна изъ нихъ не существовала столько вѣковъ, сколько *восточная чума*. Должно ли надѣяться, что родъ человѣческій избавится когда нибудь и отъ этой язвы, что она пройдетъ наконецъ, насытясь несчетными милліонами жертвъ, какъ прошли другія эпидеміи древняго міра? Эпидемія, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Аѳинской язвы, имѣла только два большіе періода: въ эпоху Перикleса и въ царствованіе Марка Аврелія. Извѣстно, что во второмъ періодѣ она сдѣлала кругъ всего извѣстнаго тогда міра; то же должно полагать и объ эпохѣ перваго ея появленія, хотя мы привыкли называть ее собственно Аѳинскою, и все вниманіе потомства обращено на краснорѣчивыя страницы ея историка Ѳукидида. Она появлялась потомъ и въ другихъ мѣстахъ Греціи и Ѳракіи, и еслибы судьбы Греціи не составляли почти исключительно исторіи тѣхъ вѣковъ человѣческаго рода, мы бы могли за нею слѣдовать въ остальную Европу. По свидѣтельству Ѳукидида она вышла изъ Эѳіопіи и обошла весь Египетъ и обширную имперію «Великаго Царя». Она ни-

сколько разъ свирѣпствовала потомъ въ Римской имперіи, и суевѣрный страхъ обнималъ вѣчный городъ, каждый разъ при ея появленіи. Мѣстомъ ея рожденія почитался Верхній Египетъ, какъ будто этой странѣ было предоставлено постоянно изливать на человѣческій родъ пагубные потоки заразы, послѣ того какъ она излила на міръ благодѣтельные лучи образованія. И о ней думали, какъ и теперь многіе думаютъ о восточной чумѣ, что она рождалась отъ гніенія труповъ въ илѣ, оставляемомъ после разливовъ Нила. Въ Римѣ жрецы искали въ утробахъ жертвъ рѣшенія ужаснаго вопроса; языческій первосвященникъ объявилъ однажды, что зараза происходитъ отъ гнѣва Аполлона за рожденіе гдѣто въ Каппадокіи двуглаваго младенца, такъ какъ моръ въ Греческомъ станѣ подъ Троею происходилъ отъ гнѣва этого божества за жрицу Хризеиду. Древніе почти всегда приписывали заразы Аполлону или солнцу. Одна изъ лучшихъ картинъ Иліады — Аполлонъ идущій съ Олимпа на казнь Грековъ.

Громко крылатыя стрѣлы, біясь за плечами звучали
Въ шествіи гнѣвнаго бога; онъ шествовалъ ночи подобный.

Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечетъ;
Грозный звонъ издаетъ сребролещущій лукъ Аполлонов.

Таковы великіе образы древней поэзіи, и такъ умѣла она олицетворять таинственныя силы природы! Моръ въ Греческомъ станѣ продолжался девять дней, и когда гнѣвъ Аполлона былъ укрощенъ, свѣжіе вѣтры посланные имъ очистили воздухъ отъ заразы. Константинопольская чума имѣетъ ту общую черту съ Гомеровымъ моромъ, что сѣверные вѣтры ослабляютъ ея дѣйствіе. Въ другое время Римляне толковали, что въ верхнемъ Нилѣ гніетъ колоссальный трупъ гиппопотама, и правительство посылало цѣлый легіонъ, чтобы предать трупъ землѣ и принести Юпитеру-Серапису новую бороду изъ чистаго золота.

Несравненно затѣйливѣе толкованіе Парижскаго Медицинскаго Факультета, созваннаго на совѣщаніе по случаю ужасной эпидеміи, *черной немочи*, въ XIV вѣкѣ, которая была ничто иное какъ восточная чума. Ученое сословіе основало свои поясненія на несомнѣнныхъ началахъ астрологіи; открыло что въ Индіи, надъ Великимъ Океаномъ, строптивыя звѣзды завели войну съ

солнцемъ и стали волновать повинное море, что море наполнило аттмосферу плетворными испареніями, которыя покрыли весь Востокъ до самой Сициліи; что если они достигнутъ Сардиніи, все живущее помретъ, и что язва, распространившаяся по остальной Европѣ, была слѣдствіемъ порчи воздуха отъ этихъ великихъ аттмосферическихъ событій. За симъ они предписали столько же нелѣпыя правила и предостерегательныя средства отъ чумы.

По крайней мѣрѣ Турецкіе хекимы въ томъ отношеніи умнѣе Парижскихъ хекимовъ XIV вѣка и даже Римскихъ жрецовъ, что они не упомляютъ своего воображенія надъ отысканіемъ причинъ, отчего происходитъ язва, и набожно приписываютъ ее неисповѣдимому Кысмету, и покоряется ей, усердно прославляя Аллаха и Пророка. Простой народъ такъ свыкся съ частыми посѣщеніями чумы, что никогда Турки не воображали, чтобы смертность происходила отъ отравы, разливаемой врагами Исламизма въ источники, въ колодези или въ пищу. Исторія эпидемическихъ болѣзней Европы наполнена подобными примѣрами отъ просвѣщеннаго вѣка Леопинъ, которые подозрѣвали Спар-

танцевъ въ отправленіи водъ, до варварскихъ вѣковъ, когда сожигались на кострахъ бѣдные Жиды и волшебницы Жидовки, и даже до нашего вѣка, когда въ столицѣ просвѣщенія, въ Парижѣ, народъ обвинялъ своихъ медиковъ въ отправленіи. . . .

То что наболѣе отличаетъ чуму отъ всѣхъ эпидемій, есть постоянство ея силы, и свирѣпость, нисколько не утомляемая ни вѣками, ни перемѣною климатовъ. Какова она появилась въ первый разъ, въ царствованіе Юстиніана, и обошедъ весь извѣстный тогда міръ, оставила на немъ по сказаніямъ современниковъ сто милліоновъ жертвъ (*), такою же является восемь

(*) Такъ по крайней мѣрѣ понимаетъ Гиббонъ фигурныя и гиперболическія показанія Прокопія, и находитъ это число довольно вѣроятнымъ. Описаніе Константинопольской чумы, едва ли не лучшее мѣсто въ книгахъ Прокопія; здѣсь видно у него не только знаніе дѣла но даже чувство неподдѣльное, которое облагораживаетъ его слогъ и мѣстами напоминаетъ Оукидида. Но когда дѣло идетъ о статистическихъ свѣдѣніяхъ, о числѣ погибшихъ отъ чумы, Византійская риторика беретъ свое, и все тутъ есть — пески морскіе, звѣзды небесныя и пр. Наконецъ онъ вводитъ цифры и вычисляетъ миріадами; но и это почти столько же темно, потому что онъ три раза умножаетъ

вѣковъ спустя подъ имспемъ чернаго мора, и около вѣка разитъ пссчастное человѣчество. Въ шакой же силѣ, хотя не на сполъ обширномъ шеатрѣ, явилась она въ началѣ прошедшаго вѣка на Востокѣ, и даже проникла въ Марсель, гдѣ доселѣ хранятся трепетныя о ней воспоминанія, породившія въ наше время одну изъ неистовыхъ драмъ Французскаго репертуара. Съ шакою же силою свирѣпствовала она и въ 1812 году въ Константинополѣ, гдѣ, какъ я уже говорилъ, въ два мѣсяца погибла четвертая доля народонаселенія. По крайней мѣрѣ, благодаря снисходительности силъ Природы при этомъ ужаснѣйшемъ изъ бичей, которыми караетъ она свои созданія, восточная чума имѣетъ то преимущество предъ другими эпидеміями, что сообщается не иначе, какъ чрезъ прикосновеніе, и потому Европа оградилась отъ нея своими карантинами (*).

миріаду на миріаду, что дастъ одинъ милліонъ милліоновъ; Гиббонъ отбрасываетъ одно изъ умноженій, и этимъ получается удовлетворительная цифра, имъ принятая.

(*) Голландія, одна между всѣми Европейскими Державами, не хотѣла завести у себя карантины, чтобы не

Многіе спрашиваютъ, отчего до сей поры Султанъ Махмудъ, въ царствованіе котораго столько разъ свирѣпствовала чума, не подумалъ объ учрежденіи карантинныхъ оцѣпленій. — Но въ Константинополѣ и то не понравилось народу, когда по распоряженію правительства были прекращены сообщенія съ однимъ предмѣстіемъ, гдѣ была зараза. Княжескіе острова и нѣкоторыя предмѣстія, населенныя одними христіанами, въ пору сильной заразы сами себя охраняютъ, не впускаютъ къ себѣ никого, и никому изъ своихъ не позволяютъ отлучаться въ городъ; но если въ деревнѣ есть хоть одинъ мусульманскій домъ, эти предосторожности невозможны, и могутъ прогнѣвить правовѣрнаго. Притомъ общая и по-

стѣснять этимъ дѣятельной своей торговли съ Востокомъ. Но въ концѣ прошедшаго столѣтія другія государства принудили ее принять общую систему карантиннаго очищенія, грозя запереть свои гавани кораблямъ, идущимъ отъ ея береговъ. Американскіе Соединенные Штаты досель не имѣютъ карантиновъ, не смотря на частыя свои сношенія съ Турціею, гдѣ даже съ нѣкотораго времени постоянно плаваютъ Американскіе военные корабли для охраненія торговли.

стоянная система карантиннаго оцѣпленія, какъ она существуетъ въ остальныхъ Европейскихъ берегахъ Средиземнаго и Чернаго Морей, врядъ ли возможна въ Турціи, хотя бы и не противились ей народные предразсудки. Европейскій и Азіятскій берега Босфора составляютъ какъ будто одинъ обширный городъ, раздвоенный моремъ; какъ прекратить здѣсь сообщенія Азіи съ Европою? Во внутренности Малой Азіи еще менѣе предстоитъ возможность, при образѣ жизни ея племенъ и при образѣ правленія, провести гдѣ либо черту карантиннаго оцѣпленія. Притомъ не въ однихъ предразсудкахъ и привычкахъ Турокъ встрѣтитъ сопротивленіе подобная мѣра; самые Европейцы, поселенные въ земляхъ Султана и занимающіеся вообще торговлею, будутъ не рады этому нововведенію. Еще недавно было напечатано въ Оттоманскомъ Монитёрѣ длинное письмо одного Франкскаго негоціанта о чумѣ; оно начинается тѣмъ, что гораздо лучше жить въ Турціи, когда въ ней чума, нежели въ Марсели, гдѣ карантинъ во всякое время причиняетъ торговлѣ множество запрудненій; это нелѣпое мнѣніе раздѣляется почти всѣми Франками Константи-

нополя и Смирны. Зашѣмъ оно указываетъ на мѣры предосторожности, коими можно неминуемо остановить заразу, не подвергая жителей и порговли тѣмъ затрудненіямъ, какія влечетъ за собою карантинное оцѣпленіе. Мѣры эти знакомы каждому изъ жителей Константинополя, и найдете много домовъ, которые въ самыя сильныя эпохи эпидеміи, осажденные кругомъ см, умѣютъ отъ нея предохраняться. При опытности жителей это не такъ трудно, какъ съ перваго взгляда покажется; всякому извѣстны вещи, которыя сообщаютъ заразу; всѣ онѣ должны быть погружены въ воду, или прокурится какимъ нибудь острымъ дымомъ, или нѣсколько дней провѣтриться, и остаться подъ росою ночи. Послѣ этого можно безъ всякаго опасенія надѣть даже платье бывшее на зараженномъ человѣкѣ. Но не рѣдко страхъ заставляетъ сожигать все что было въ зачумленномъ домѣ, и вообще принимать предосторожности, отъ которыхъ пугается воображеніе. Я вспомнилъ любопытный эпизодъ Лондонской чумы, 1665 года, объ одномъ отцѣ семейства, который заперся у себя въ домѣ, съ запасомъ сухарей и соло-

нины на цѣлый годъ, наглухо заперъ двери, окна, чердаки, всѣ отверстія откуда могла проникнуть зараза, потому что онъ былъ убѣжденъ, что зараза распространена въ самомъ воздухѣ, и просидѣлъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ нѣсколько мѣсяцевъ, зная о происходившемъ въ городѣ только по звону колокола, коимъ сопровождались повозки, собиравшія ночью трупы съ домовъ и съ улицъ. Въ Лондонѣ умирало ежедневно около тысячи человѣкъ. Предосторожности флегматическаго Англичанина простирались до того, что если иногда отворялась форточка, предъ нею безпрестанно производились пороховыя вспышки, для очищенія воздуха впускаемаго въ покои. Вообразите себѣ одно семейство разлученное отъ всего міра, въ домѣ какъ въ тюрьмѣ, и ежеминутно ожидавшее появленія среди себя заразы; суевѣріе, превозмогающее самый здравый умъ въ эпоху подобныхъ бѣдствій, заставляло думать, что всѣмъ жителямъ до одного было суждено умереть. Когда опасность миновала и Англичанинъ вышелъ изъ дому, какъ голубь изъ ковчега, на многихъ домахъ своихъ знакомыхъ онъ видѣлъ только крестъ на воротахъ съ

надписью «да помилуетъ насъ Господь Богъ»— и цѣлыя семейства были похищены смертію.

Безъ сомнѣнія и въ Константинополѣ многіе просиживаютъ взаперти; въ это время нѣтъ ни общества ни визитовъ; но если нужно съ кѣмъ видѣться, васъ примутъ въ домѣ, въ комнатѣ гдѣ нѣтъ ни ковровъ ни цыновокъ, подадутъ вамъ деревянный стулъ, съ котораго впрочемъ нужно стереть самую пыль, могутъ съ вами провести цѣлый день, даже обѣдать за однимъ столомъ, разумѣется безъ салфетокъ, и ни въ какомъ случаѣ къ вамъ не прикасаясь; если что нужно отъ васъ принять, примутъ въ длинныхъ щипцахъ, и тутъ же обмочатъ или окурятъ, и когда вы уѣдете прокурятъ и обмоютъ то мѣсто гдѣ вы были, точно такъ какъ въ другое время обкуриваютъ васъ самихъ ароматами и опрыскиваютъ розовою водою. Я говорилъ уже, что для разныхъ покупокъ есть въ цѣломъ городѣ и во всѣхъ предмѣстіяхъ добрые фаталисты, которые ничего не боятся и исполняютъ всѣ ваши коммиссіи. Благоразуміе требуетъ не выходить изъ дому; но многіе надѣваютъ на себя шляпы, плащи и перчатки изъ клеенки, даже туфли изъ клеенки

надъ сапогами, и въ этомъ страшномъ нарядѣ бродятъ среди зачумленной толпы. Разумѣется эта привиллегія принадлежитъ однимъ франкамъ; подданные Султана дорого бы поплатились за столь явное прошивуборство судьбѣ. Въ такомъ костюмѣ и драгоманы Европейскихъ посольствъ въ 1812 году отправлялись къ Рейсъ-Эфендію и къ Верховному Визирю толковать о дѣлахъ Наполеона. Они вздумали предложить Высокой Портѣ, чтобы она приняла у себя какія нибудь мѣры предосторожности, и не позволила бы по крайней мѣрѣ, чтобы правовѣрные кругомъ ихъ толпились; но Визирь отвѣчалъ имъ, что это будетъ въ глазахъ народа признакомъ другой заразы, не чумы, но ереси противъ основныхъ догматовъ Исламизма; а въ тогдашнее бѣдственное время того только не доставало, чтобы Янычары выказали свое неудовольствіе, по обыкновенію, зажигательствами.

Къ счастію для Константинополя смертность продолжалась не долго; тѣ самые морозы, которые способствовали къ изгнанію незванныхъ гостей изъ старой столицы Сѣвера, поспѣли на югъ чтобы выгнать хищную гостью изъ Оттоманской столицы. Зима была ужасна

и спасительна. Кто знаетъ образъ строенія Константинопольскихъ домовъ, удивится, какъ останки отъ чумы бѣднаго народонаселенія не перемерли при морозѣ, который покрылъ льдомъ всю внутреннюю часть порта, и на нѣкоторое время прекратилъ сообщенія въ заливѣ, даже на Босфорѣ. Внутри города также сообщенія были почти прерваны отъ снѣга, коимъ были завалены узкія улицы. Въ двадцать Константинопольскихъ зимъ взятыхъ вмѣстѣ не выпало столько снѣгу, сколько тогда въ двѣ недѣли, и—чего никто не запомнитъ въ этомъ городѣ—снѣгъ простоялъ слишкомъ два мѣсяца. Съ крышъ домовъ должно было смешать его на улицы, потому что слабые деревянные домы не выдержали бы своей ноши. Цѣлые кварталы увидѣли въ одно утро свои улицы завалены-ныя снѣгомъ до самихъ оконъ втораго этажа, и не отворялись ворота осажденныхъ имъ домовъ.

Во всѣхъ отношеніяхъ этотъ годъ оставилъ глубокое впечатлѣніе въ умахъ Стамбульскаго народа, который къ длинной категоріи собственныхъ своихъ суевѣрій присоединилъ и суевѣріе христіанскихъ народовъ, приписавъ

всѣ свои несчастія комета, которая *изъ зловѣщей своей косы стряхиваетъ на землю моръ и войну* (*). Въ другіе вѣки кометы были благоприятны Туркамъ: комета предвѣщала паденіе Константинополя, и другая комета явившаяся три года спустя по исполненіи событія, которому и на землѣ было много предзнаменованій, величайшая изъ комета упоминаемыхъ въ исторіи, и покрывавшая *треть неба* своимъ хвостомъ, показалась Европейскимъ народамъ спутницею Турокъ, и знаменіемъ ихъ быспрыхъ побѣдъ и завоеваній. Христіанскіе народы были перепуганы. Папа Калликсть II ополчился, какъ Юпитеръ Капитолійскій, громами Римскихъ проклятій на защиту Христіанскаго міра: онъ предалъ анаѳемѣ и Турокъ и комету вмѣстѣ, что впрочемъ не остановило хода ни кометы ни Турокъ.

Всѣми замѣчено въ Константинополѣ, что сильные холода и сильные жары имѣютъ одинаковое вліяніе на заразу, и равно ослабляютъ ее, или даже совсѣмъ прекращаютъ. Въ противность всѣхъ другихъ эпидемій она любитъ

(*) Мильтонъ, книга II.

лучшее время года и хорошую погоду. Человѣкъ долженъ выбирать между дурнымъ урожаемъ, всѣми несчастіями, сопровождающими постоянно дурную погоду, и посѣщеніями заразы. Вообще сила ея заразительности, ея объемъ и самая смертность имѣютъ очевидную связь съ состояніемъ атмосферы. Сѣверный вѣтеръ укрощаетъ нѣсколько ея силу, южный напротивъ какъ будто приноситъ ей новую пищу изъ древней ея родины. Еще болѣе странно, что самая чума служитъ нѣкоторымъ образомъ къ очищенію атмосферы, и послѣ ея повѣтрій воздухъ становится здоровѣе, всѣ болѣзни уменьшаются, нерѣдко люди страждущіе хроническими болѣзнями выздоравливаютъ, и вообще человѣкъ чувствуетъ себя лучше и бодрѣе. Можетъ быть, все это покажется баснями нашимъ медикамъ, но это извѣдано въ Константинополѣ долголѣтнимъ опытомъ, и я бы не позволилъ себѣ вѣрить, если бы это не основывалось на свидѣтельствѣ простыхъ людей, знающихъ о чумѣ, можетъ быть, болѣе нѣкаго ученаго медика. Самые способы, успѣшно употребляемые для пользованія зараженныхъ, поставятъ въ тупикъ всю медицину: Армянскій священникъ Донъ-Кур-

банъ, о которомъ я упомянулъ, лечилъ своихъ больныхъ, въ четыре послѣдовательныя эпохи чумы, однимъ лимонадомъ. Онъ силою заставлялъ ихъ пить около ведра лимонада въ сутки. Въ то же время два Англичанина, не довѣрявшіе ему, или можетъ быть ненавидѣвшіе этотъ южный напитокъ, и предпочитавшіе благородную смерть изнѣженному леченію, рѣшились, имѣя на тѣлѣ всѣ признаки болѣзни, умереть по крайней мѣрѣ въ хорошемъ расположеніи духа, и какъ истинные сыны Великобританіи заперлись вдвоемъ въ своей комнатѣ съ запасомъ рому, и стали поливать себѣ обильные пріемы пуншу, доколѣ не легли мертвецки пьяные. Долго продолжалось ихъ усыпленіе; встави, они чувствовали несносную ломоту, которая ихъ убѣдила въ томъ, что они еще жили; чтобы прекратить свои мученія, они съ новымъ усердіемъ взялись за свои стаканы. Не знаю сколько разъ повторяли они эти пріемы, но положительно извѣстно, что въ трое сутокъ они осушили, въ ожиданіи смерти, двадцать четыре бутылки самаго крѣпкаго рому, а на четвертыя сутки встали совершенно здоровы. Другіе вылечивались спавя по

всему тѣлу сотни піявокъ, другіе сильнымъ испареніемъ въ банѣ, или горячими ваннами. Въ Греческихъ больницахъ самое употребительное средство леченія — большіе пріемы простаго деревяннаго масла. Это ввели монахи, замѣтивъ, что зараза не пристаетъ къ продавцамъ масла, и ихъ засаленный цехъ, какъ будто освобожденъ отъ податей этой грозной царицы, которая наиболѣе выбираетъ свои жертвы между нижними сословіями.

Многіе Европейскіе путешественники приписываютъ чистоту и опрятности высшихъ сословій Турокъ, то, что между ними чума не свирѣпствуетъ съ такою силою, какъ въ простомъ народѣ; но кромѣ того, что самое неопрятное сословіе Стамбульскихъ жителей, какъ мы сейчасъ сказали, менѣе подвержено опасности, понятія Турокъ о чистоплотности совершенно иныя нежели у Европейцевъ. Съ одной стороны религія предписываетъ правила, которыя становятся смѣшны, своею мелочною строгостію, съ другой вы видите, что и богатые люди и даже многіе изъ простаго народа носятъ рубашки шелковыя, которыя никогда не моются, а перемѣняются однажды въ годъ

или въ нѣсколько лѣтъ, когда онъ вѣтхости распадутся. Въ коранѣ ничего не сказано о перемѣнѣ бѣлья, и потому Европейская роскошь въ бѣльѣ Туркамъ совершенно неизвѣстна. Они даже нарушаютъ законъ Магомета употреблял шелковыя рубашки; пророкъ предоставилъ шелкъ женщинамъ, и запретилъ мужчинамъ его употребленіе; онъ ввелъ, самъ того не зная, въ свою Аравію одинъ изъ законовъ вонспвенныхъ вѣковъ Рима (*). Какъ всѣ полуобразованные народы, Турки любятъ блестящіе и богатые на-

(*) Пророкъ сказалъ: Не носите шелковыхъ одеждъ; ибо кто носитъ ихъ на этомъ свѣтѣ, не будетъ ихъ носить въ вѣчности. Но его послѣдователи мало заботятся о своемъ платьѣ въ будущей жизни, и всѣ нарушаютъ этотъ законъ.

Въ Римѣ также шелкъ почитался недостойною одеждою для Римскаго гражданина, и только женщины носили эти легкія шелковыя ткани, надъ которыми издѣвались комики и сатирики, называя ихъ *облаками*. Но уже во время Тиберія употребленіе шелка долго распространилось, что этотъ Императоръ жаловался въ Сенатѣ, что Имперія сдѣлалась данницею *Индіи*, т. е. Китая, и что шелкъ поглощалъ ежегодно несмѣтные капиталы; извѣстно что онъ цѣнился необыкновенно дорого до того времени, когда хитрость одного монаха подарила Европѣ эту новую отрасль промышленности.

ряды, а о чистотѣ платья мало заботятся. Омовенія предписанныя кораномъ обратились въ простой обрядъ, и можетъ быть потому Магометъ сдѣлалъ изъ нихъ догматъ своей религіи, что нашелъ болѣе удобнымъ заставить кочующій и воинственный народъ умываться у ручья, у фонтана или въ банѣ, нежели обзавестись бѣльемъ. Эфенди и его кадыня выходя изъ бани надѣваютъ свое прежнее бѣлье, и когда ложатся спать, снимаютъ съ себя только шубы носимыя и лѣтомъ и зимою, свои верхніе кафтаны и *эндери*, подъ коими носятъ другой полный комплектъ одѣянія. Притомъ эти роскошныя постели, такъ роскошно описанныя Байрономъ въ „Донъ-Джуанѣ", врядъ ли существуютъ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Султанскаго гарема. Кроватей у Турокъ нѣтъ; на полу, на циновкѣ или на коврѣ, постилается на ночь тюфякъ. Простыня пришивается къ одѣялу, которое въ самомъ дѣлѣ составляетъ въ Турціи предметъ особенной роскоши, дѣлается изъ самыхъ дорогихъ матерій, изъ парчи и шалей, и вышивается золотомъ. Сказываютъ, что у Султанскихъ кадынь есть одѣяла осыпанныя жемчугомъ и дорогими камепьями. Днемъ все это

убирается въ особенныхъ шкафахъ, которые составляютъ существенную часть Турецкой архитектуры и строются въ стѣнахъ дома, чтобы освободить хозяина отъ заботы о лишней мебели. Еще чаще Турокъ спитъ на томъ самомъ диванѣ, на которомъ цѣлый день курилъ и дремалъ; стоитъ только перемѣнить позицію сидѣнія, которое есть уже родъ лежанія, протянуть ноги, и подушка за спиною готова принять его голову. При такомъ родѣ жнизни, не только простыхъ людей, но и вельможъ, не должно удивляться если иногда, сидя въ комнатѣ богатаго Паши, среди парчи, позолоты и Персидскихъ ковровъ, съ алмазнымъ мундштукомъ въ рукахъ, вы увидите такіе признаки неопрятности, которые внушатъ вамъ отвращеніе ко всей этой роскоши. . . .

ГЛАВА IV.

Босфоръ. — Каики. — Ихъ архитектура. — Гребцы въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. — Замокъ дѣвы и поэтическое преданіе. — Босфорскіе кіоски. — Человѣкъ и море. — Философія на Босфорѣ.

Изъ чумнаго и грязнаго Стамбула я поспѣшилъ въ раздолье моря, которое радостно привѣтствовало меня ароматическимъ дыханіемъ своихъ береговъ, и по которому такъ жизненно разливался періодическій сѣверный вѣтеръ въ продолженіе жаркихъ часовъ Іюльскаго дня.

Нѣсколько дней и нѣсколько ночей продолжались катанья мои по проливу, мои прогулки по набережной, по предмѣстіямъ и по долинамъ, которыя обнянули море цвѣтущею цѣпью. Но и въ плѣну ему разгульно; первенецъ созданія роскошествуетъ между двухъ материковъ; станетъ ли онъ завидовать дикому Океану, который то отъ скуки лежитъ какъ подмертвый и, раскаленный солнцемъ тропиковъ, не мо-

жетъ вымолить у пустыннаго горизонта ни одного облачка, ни одного дуновенія; но, завалепный льдинами, остываетъ какъ трупъ, но въ бѣшенномъ порывѣ реветъ какъ звѣрь, и мучимый вѣтромъ, вооружаетъ чудовищный строй великановъ, и отчаянно борется со всею Природою и съ человѣкомъ, когда онъ безспрашно и насмѣшливо его попчетъ! По Босфорское море — баловень Природы: въ лѣтніе мѣсяцы дыханіе сѣвера по волнамъ его весело перебѣгаетъ къ югу, и колышетъ надъ нимъ верхи прибережныхъ рощъ, будто живыя опахала; Европа и Азія мѣстами открываютъ ему случайные заливы, гдѣ оно нѣжится, какъ усталое дитя на груди матери. Дворцы, и кіоски, и кипарисныя рощи, и сады, и мраморные фонтаны, и мѣстами живописная скала, убранная вѣнцемъ изъ зелени — все кажется, нарочно въ такомъ волшебномъ разнообразіи расположилось надъ нимъ, чтобы оно, какъ подвижное зеркало, поперемѣнно красовалось отраженіемъ стольких чудесъ. Тысячи легкихъ, блестящихъ гондолъ, убранныхъ со всею утонченностію полуазіятской и полуевропейской роскоши Стамбула, скользятъ по немъ, и при-

даютъ болѣе жизни его широкой полосѣ, и Босфорскій гребецъ не бьетъ весломъ, а ласкаетъ только его изнѣженную влагу. И не забудьте, что эта влага ведетъ свою генеалогію издалека; что она аристократка въ іерархіи морскихъ водъ; что въ ней слились воды сѣверныхъ рѣкъ, и братски бѣгутъ въ классическое море юга. Европа и Азія приносятъ Босфору дань своихъ лучшихъ рѣкъ, но Босфорскія волны знаютъ, что онѣ данницы Султана, бѣгутъ къ серальскимъ стѣнамъ, и лобызаютъ эти стѣны, съ кокетною покорностію рабыни, распростертыхъ предъ лицемъ своего идола. Онѣ, свободнѣе серальскихъ рабынь, могутъ вбѣжать въ уютный заливъ, во внутренность города, омыть почтенныя зданія древней Византіи, или вылиться въ туманный просторъ Мраморнаго Моря.

Въ любой пристани Константинополя и Галаты васъ ожидаютъ каики изящной постройки, если вы желаете кататься безъ цѣли по проливу, или ѣхать въ какое нибудь предмѣстіе Европейскаго и Азіятскаго берега. Турокъ, староста пристани, до прихода вашего дремалъ или важно докуривалъ потухавшую

прубку, подъ навѣсомъ кофейнаго дома. Онъ услужливо всшаетъ, призываетъ надежнаго каикчи, дѣлается посредникомъ въ вашемъ торгѣ, протягиваетъ руку за бахчишемъ, и придерживаетъ вашъ каикъ за высокую корму, покуда вы въ немъ расположитесь. Будьте осторожнѣе, садясь въ каикъ; ваша неопытность можетъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія: если вы какъ нибудь неловко съ высокой пристани соскочите въ утлую шлюбку, она опрокинется, и вы чрезъ минуту будете болтаться въ морѣ, а море у Стамбульской пристани чрезвычайно грязно; когда же васъ выпащатъ изъ грязи, ваше приключеніе возбудитъ смѣхъ самыхъ безстрастныхъ Османлы, которые припишутъ это обыкновенному невѣжеству Франковъ въ самыхъ простыхъ вещахъ общежитія. Такъ же невѣжеству вашему припишетъ каикчи, если вы не умѣете усѣсться въ глубинѣ его каика внизу, сложивъ ноги, и захотите лучше сидѣть на небольшомъ ютѣ, назначенномъ для слуги. Впрочемъ то же сдѣлаютъ и у насъ, если почтенной наружности Османлы не можетъ спокойно сидѣть на стулѣ, который ему кажется самымъ неловкимъ изъ всѣхъ изо-

бременій Европейскаго ума, и на которомъ онъ не знаетъ что дѣлать съ своими ногами, привыкшими складываться подъ полами его каѳтана. Въ самомъ дѣлѣ смѣшно, когда за неимѣніемъ широкаго дивана, вы услужливо подаете Турку посѣтителю стулъ, а онъ проситъ у васъ позволенія усѣсться на полу на коврѣ. Но въ капкѣ, чтобы насладиться всѣми его удобствами, особенно если онъ снабженъ мягкими подушками, надо непремѣнно сообразоваться съ обычаями Турокъ: сядьте сложивши ноги, если, къ счастію, мода одѣла васъ въ платье довольно широкое, чтобъ была возможность вкусить это Азіятское удовольствіе, или растянитесь во всю длину капка, и закурите трубку, чтобы васъ не приняли за путешествующую мумію. Должно знать, что когда начнется ваше плаваніе, опытный капкчи потребуетъ отъ васъ, во-первыхъ, чтобы вы ни подъ какимъ предлогомъ не вздумали сидѣть на рундукѣ; во-вторыхъ, чтобы лежали или сидѣли, какъ хотите, внизу съ неподвижностію муміи, потому что всякое неосторожное движеніе влечетъ за собою большія опасности, и можетъ опрокинуть капкъ верхъ дномъ. Это будетъ поляпье чи-

шашелю, невидавшему Константинопольскихъ каиковъ, послѣ нѣкоторыхъ архитектурныхъ поясненій объ ихъ постройкѣ. Каики бываютъ отъ 30 до 60-ти футовъ длины, имѣютъ форму рыбы, и въ кормовой части, которая представляетъ наибольшую ширину, не имѣютъ въ діаметрѣ болѣе 3 или 5 футовъ; хотя они не совсѣмъ плоскодонны, но въ водѣ сидятъ весьма мало, и ихъ черные бока поднимаются на два и на три фута надъ водою; потому-то необходимо сидѣть въ глубинѣ каика, замѣнять въ немъ баластъ, и притомъ оставаться неподвижнымъ въ самомъ центрѣ тяжести, когда онъ имѣетъ быстрый ходъ. Каики строятся изъ самыхъ тонкихъ досокъ и неимовѣрно легки; нерѣдко каикъ, вмѣщающій съ гребцами до десяти человѣкъ, и довольно крѣпкій, чтобы выдержать напискъ Босфорскихъ волнъ, — а онѣ, стѣсненныя бурею въ узкой своей рамѣ, несравненно сильнѣе волнъ открытаго моря — вѣситъ менѣе пятнадцати пудъ. Корма остроконечная и поднимается высокою дугою. Небольшое пространство, въ пятнадцать квадратныхъ футовъ, назначено для сѣдоковъ; потомъ самая средина каика занята двумя или тремя банками

для гребцовъ, а остальная треть или носовая часть, чрезвычайно узкая и длинная, оканчивается копьемъ, окованнымъ въ желѣзо; она служитъ только для сохраненія равновѣсія каика, далеко выдается надъ водою, и остреемъ своимъ рѣжетъ подъ собою волны. Ничего нельзя себѣ представить легче и граціознѣе Босфорскаго каика, когда тонкою стрѣлою онъ скользитъ по водѣ, оставляя за собою едва примѣтную бразду. Притомъ каики составляютъ одинъ изъ первыхъ предметовъ Константинопольской роскоши; внутри, по орѣховому дереву, рѣзецъ Стамбульскихъ художниковъ провелъ полосу кудрявыхъ арабесковъ; вездѣ тщательная рѣзная работа и необыкновенная чистота; снаружи каикъ выкрашенъ черною краскою; только Дворъ, первые вельможи и посланники могутъ разъѣзжать въ бѣлыхъ каикахъ, иногда даже убранныхъ богатою позолотою. Число гребцовъ равнымъ образомъ входитъ въ привиллегіи разныхъ классовъ Стамбульскихъ жителей: Турки и *raïa* разъѣзжаютъ съ однимъ или двумя гребцами, каждый по своему состоянію; чиновники Порты, богатые иностранцы, немногіе Греки и Армяне, пользую-

щіеся особеннымъ благоволеніемъ Дивана, могутъ имѣть трехъ гребцовъ, и такимъ образомъ, поднимаясь по ступенямъ разныхъ классовъ подданныхъ Султана и разныхъ чиновъ его Двора, находимъ наконецъ въ парадной шлюбкѣ повелителя правовѣрныхъ 26 гребцовъ. Въ каждый часъ дня увидите тысячи каиковъ, которые скользятъ по всѣмъ направленіямъ залива Золотаго Рога и Босфора; въ настоящее время ихъ считается до 10,000; при Янычарахъ было несравненно болѣе; многіе Янычары, служившіе гребцами, подпали султанской опалѣ.

Многочисленное сословіе каикчи составляетъ самый промышленый классъ Константинопольской черни; лучшіе изъ нихъ, самые опытные и самые смѣлые, это Греки, живущіе въ предмѣстіяхъ или на Княжескихъ Островахъ. Самые Турки отвыкаютъ отъ своей любимой лѣни, и становятся дѣятельнѣе и бодрѣе въ этой суровой жизни, въ постоянной борьбѣ съ вѣтромъ, съ теченіями Босфора и съ его волнами. Можно сказать даже, что они самые учтивые и обходительные изъ своихъ единовѣрцевъ низшихъ званій, и уважаютъ Франковъ, потому что Фран-

ки хорошо имъ платятъ. Въ Римѣ, во времена строгой нравственности, Тибрскіе гребцы почитались самою презрительною и развратною частію народонаселенія, и какъ закосиѣлые пьяницы состояли въ вѣдомствѣ Претора питейныхъ домовъ. Не знаю каковы были по своей нравственности гребцы Константинополя во времена Имперіи; но о нихъ не рѣдко упоминается въ хроникахъ Византійскихъ мятежей, и, кажется, они были народъ буйный. Нынѣшніе гребцы Босфора, особенно послѣ истребленія Янычаръ, составляютъ дѣятельное и честное сословіе, имѣютъ внутреннее свое управленіе, свою субординацію, свою дисциплину. Старшины между ними носятъ почетное званіе *Устà*, и молодые, которые получаютъ подъ ними свое морское воспитаніе, оказываютъ къ нимъ неизмѣнное почтеніе. Вы подумаете, что община гребцовъ каждой пристани есть одна огромная семья, и свято сохраняетъ уставы братскаго союза. Этимъ, безъ сомнѣнія, объясняется честность Босфорскихъ гребцовъ, которая извѣстна каждому жителю Константинополя, но которая приводитъ въ удивленіе путешественника, прибывшаго сюда

изсреди образованной Европы. Но черта, которая наиболѣе поразила меня въ ихъ нравахъ — это трезвость, еще болѣе удивительная при трудахъ ихъ званія. Кто повѣритъ, что въ Рамазанъ, даже когда мѣсяцъ Рамазана приходится въ лѣто, эти люди строго соблюдаютъ постъ отъ восхожденія до захожденія солнца, и облитые потомъ, едва переводя духъ отъ усталости, гребутъ отъ Стамбула до Буюкдере и обратно, безъ пищи и питья, безъ кофе и трубки, такъ необходимыхъ Турку?

Въ физическомъ отношеніи Константинопольскіе гребцы составляютъ аттлетическое племя; ихъ члены выражаютъ необыкновенную силу, и въ напряженіи продолжительной гребли жилы одѣваютъ будто сѣтію ихъ мощныя руки; открытая грудь правильно приподнимается при каждомъ размахѣ веселъ, и сильное дыханіе надуваетъ ихъ загорѣлыя щеки. Потъ давно катится градомъ съ его лица, освѣжаемаго только вѣтромъ или брызгами моря, но каикчи съ одинаковою силою продолжаетъ грести нѣсколько часовъ, безъ отдыха, безъ всякаго выраженія усталости. Это искуснѣйшіе въ мірѣ гребцы; двѣ или три пары веселъ приводятся въ дви-

женіе съ удивительною точностію, будто машиною; каики обыковенно руля не имѣютъ, но при ежеминутной встрѣчѣ съ другими каиками, вы думаете, что одна воля управляетъ всѣми, они ловко поворачиваютъ то въ ту, то въ другую сторону, и только отъ времени до времени раздается пронзительный голосъ загребнаго (передоваго гребца) »держи лѣвѣй! держи правѣй!»

Костюмъ Босфорскихъ гребцовъ въ совершенной гармоніи съ ихъ трудным ремесломъ, и придаетъ всѣмъ ихъ движеніямъ какую-то легкость и развязность ; при опрятности ихъ и при мужественной красотѣ ихъ формъ, онъ можетъ казаться живописнымъ. Они бороды не носятъ; развѣ въ такой возрастъ, когда всякій правовѣрный считаетъ обязанностію опрастить себѣ бороду, или если онъ ходилъ на поклоненіе въ Мекку, послѣ чего будетъ смиренным грѣхомъ отрѣзать одинъ волосъ у бороды. Вся голова выбрита , за исключеніемъ небольшаго клочка волосъ на шемени , и эти волоса закрываются самымъ маленькимъ краснымъ фесомъ съ синею кистію , который едва держится на головѣ , едва не уносится вѣтромъ ;

Полупрозрачная шелковая рубашка съ узенькимъ жилетомъ оставляетъ шею и грудь совершенно открытыми, и ея широкіе рукава, волнуемые съ каждымъ размахомъ веселъ, едва закрываютъ ихъ мощныя руки. Узенькій поясъ и бѣлые шаровары довершаютъ ихъ костюмъ, а ноги, отъ колѣнъ совершенно нагія, упираются въ особенный брусъ, который трещитъ отъ напора при каждомъ ударѣ веселъ. Они гребутъ двумя короткими и широкими веслами, и при сильной греблѣ, съ часами въ рукахъ, я считалъ до 35 ударовъ весла въ минуту. За то и быстрота каиковъ превосходитъ всякое вѣроятіе: при противномъ вѣтрѣ, при противномъ теченіи, они дѣлаютъ до осьми миль въ часъ. Весьма рѣдко обыкновенные каики ставятъ парусъ; въ такомъ случаѣ одинъ изъ гребцовъ садится у кормы съ весломъ въ рукахъ вмѣсто руля. Но плаваніе въ каикахъ подъ парусомъ весьма опасно, хотя и имѣетъ особенную пріятность.

Когда мы выѣхали изъ Золотаго Рога, съ одной стороны, между Сералемъ и Скутари, Мраморное Море потерялось въ пустынномъ горизонтѣ; съ другой извилась вдаль очаровательная перспектива Босфора. Въ этомъ самомъ мѣ-

стѣ протягивались цѣпи, которыя защищали столицу Имперіи при безсиліи ея защитниковъ. Первый предметъ, привѣтствующій ваши взоры — это небольшой бѣлой замокъ, построенный на невидимой отмели, среди волнъ, насупротивъ Сераля. Вы подумаете, что это уединенный храмъ Босфорскихъ Наядъ, но каикчи разскажетъ поэтическое о немъ преданіе. Вотъ оно. У одного Христіанскаго царя, говорятъ Греки, у одного султана, по мнѣнію Турокъ, родилась дочь; мудрый магъ, который составилъ гороскопъ царевны, предсказалъ ей самую блистательную судьбу, царскій престолъ, всѣ радости жизни, всѣ дары природы и фортуны, если до пятнадцатилѣтняго возраста сберегутъ ее отъ ужаленія змѣй. Встревоженный отецъ долго думалъ о средствахъ, какъ предохранить отъ змѣй милое дитя. Наконецъ онъ рѣшился выстроить среди моря, напротивъ оконъ своего дворца, неприступный замокъ, заключить въ немъ ребенка, и тамъ воспитать его до истеченія роковаго срока. По его повелѣнію, каменная гора съ Азіятскаго берега была брошена въ море, и послужила невидимымъ пьедесталомъ живописнаго замка, котораго стѣ-

ны поднялись одинокія изъ среди волнъ, чтобы не оставить никакого мѣста прозябенію, гдѣ бы могла упастись грозная змѣя. Царь былъ спокоенъ, потому что никакого сообщенія съ берегомъ не имѣлъ его очарованный замокъ, кромѣ шлюбки, которая разъ въ недѣлю посылалась изъ дворца съ припасами для дитяти и трехъ женщинъ, заключенныхъ съ нимъ для его воспитанія. Онъ самъ никогда къ нему не ѣздилъ; вся отеческая нѣжность выражалась въ его взорѣ, устремленномъ на одинокій замокъ, когда дитя показывалось у оконъ или гуляло на нѣсной террасѣ. Между тѣмъ дитя росло, и вездѣ распространилась молва о его красѣ, о его чудной судьбѣ. Уже истекалъ послѣдній годъ заключенія; изъ далекой земли прискакалъ царевичъ, красивый какъ солнце, богатый и могучій, чтобы просить руки милой затворницы, чтобы принять ее въ свои объятія прямо изъ ревнивыхъ объятій моря. Готовился пышный праздникъ наканунѣ того дня, въ который долженъ былъ совершиться бракъ Босфорской царевны съ влюбленнымъ царевичемъ. Женихъ послалъ въ замокъ богатые подарки для своей невѣсты, и прекрасные плоды, привезенные изъ его дале-

каго царства. Она съ восхищеніемъ разсматривала неизвѣстные дотолѣ ей плоды, но въ этихъ плодахъ, запаялась смерть: изъ среди ихъ выползла змѣя, и царевна не избѣгла своей судьбы. Не знаю, вѣрите ли вы этому преданію, которое напомнитъ вамъ другое преданіе Русской старины, но замокъ носитъ поэтическое имя Кызъ-кулессы, *Замка дѣвы*. Къ несчастію, есть люди, которые не довольствуются подобными поясненіями, почерпнутыми изъ цвѣтущихъ архивовъ народной поэзіи; изъ уваженія къ ученымъ, скажемъ, что этотъ замокъ былъ выстроенъ Эммануиломъ Комниномъ на подводныхъ камняхъ, среди Босфора, для протягиванія отъ него къ берегамъ Сераля и Галаты и къ Азіятскому берегу цѣпей, совершенно закрывавшихъ Босфоръ отъ непріятельскихъ судовъ. Такъ гласятъ пыльныя хроники Византіи. Классическая древность оставила о немъ болѣе поэтическое воспоминаніе: Аѳинскій адмиралъ Харесъ, начальствуя въ этихъ моряхъ флотомъ республики, въ войнѣ съ Филиппомъ, потерялъ супругу въ Хрисополисѣ, нынѣшнемъ Скутари; глубоко тронутый морякъ не захотѣлъ предать ея прахъ чужой землѣ: онъ на-

шелъ среди моря отмель, опустилъ туда ея гробъ, и воздвигнулъ надъ нимъ простой памятникъ съ элегическою надписью. Подобная гробница была достойна Аѳинской адмиральши. Она звалась Дамалисою, и завѣщала свое имя этому мѣсту. Можетъ быть преданіе о ней, измѣнялсь согласно съ духомъ народа и эпохи, подало поводъ къ другому сказанію, которому охотно вѣрятъ Босфорскіе моряки, если не хотятъ ему вѣрить взыскательные путешественники. Европейцы недовольствуясь поэзіею Босфора самовольно перенесли сюда поэтическое преданіе Геллеспонта, и назвали замокъ дѣвы замкомъ Леандра.

Но намъ пришлось бы останавливаться предъ каждымъ предмѣстіемъ Босфора, предъ каждымъ холмомъ, предъ каждою рощею, предъ всѣмъ, что манитъ взоры на двухъ берегахъ, если бъ мы хотѣли собрать всѣ романтическія сказанія, относящіяся къ нимъ; а когда бъ намъ было позволено заглянуть за таинственныя рѣшетки этихъ кіосковъ, фантастически расположенныхъ промежъ садовъ, надъ моремъ, или на живописномъ возвышеніи — сколько трогательныхъ и нѣжныхъ повѣстей

разсказали бы намъ ихъ обитательницы! Когда вы смотрите на эти восхитительныя жилища, на эти храмы Восточной нѣги, тщательно закрытые отъ взоровъ въ таинственномъ полусвѣтѣ густыхъ рѣшетокъ, доступные только ласкамъ Босфорскихъ волнъ и любовному дыханію Босфорскихъ зефировъ, безмятежные, изнѣженные, какъ будто внимающіе съ сладострастіемъ голосу соловья, который свищетъ подъ миртовымъ кустомъ въ ближнемъ саду — вы подумаете, что въ нихъ протекаетъ другая жизнь, не наша тревожная, усталая жизнь, но та, которую привыкло наше воображеніе приписывать другимъ вѣкамъ, другому возрасту человѣчества; та жизнь, которой воспоминаніе сохранилось въ поэтической надписи домовъ, сбереженныхъ лавою Везувія: hic habitat felicitas «здѣсь блаженствуютъ!» Вы подумаете: потому только на Босфорскихъ домахъ нѣтъ этой надписи, что таинственное покрывало Востока наброшено на нихъ, что здѣсь человѣкъ ревниво вкушаетъ свое блаженство, не заботясь о томъ, чтобы выразить его, какъ выражала его древность своими хвастливыми эпиграфами. Самая постройка Босфорскихъ кіо-

сковъ исполнена поэтической мысли: вы здѣсь не увидите ни одного каменнаго зданія, ни одной тяжелой массы, прочной, колоссальной, симметрической, какъ будто предназначенной для другаго существа, не для человѣка, недолговѣчнаго, непостояннаго, мелкаго. Въ нихъ все легко и граціозно, какъ ожиданіе радости, какъ прелестное веселье, въ которомъ волнуется душа, когда ласковый Босфоръ качаетъ васъ въ люлькѣ, какъ младенца въ колыбели. Я люблю свѣжесть красокъ деревянныхъ дворцевъ, построенныхъ въ одно лѣто, будто феями Арабскихъ сказокъ; любуясь на нихъ, я забываю, что чрезъ годъ они поблекнутъ, такъ какъ вы любуетесь розовымъ лицемъ шестнадцатилѣтней дѣвушки, и не хотите предвѣщать ему грядущей печали, грядущей блѣдности опыта, годовъ и страстей. Самая шаткость ихъ постройки наводитъ на душу мысль, что здѣсь царствуетъ вѣчная весна, что на нихъ никогда не подуютъ зимнія вьюги, что ихъ могутъ кропить брызги игриваго моря, но никогда не ударитъ на нихъ сердитая волна. Босфорскій житель болѣе привязанъ къ дому, построенному имъ, и предназначенному вмѣстѣ съ нимъ

покориться закону времени, вмѣстѣ съ нимъ дряхлѣть, не быть непзмѣннымъ свидѣтелемъ его безсильной борьбы съ годами. Онъ ставитъ каменный памятникъ надъ своимъ гробомъ, но не хочетъ, чтобы его жилище представляло холодную прочность гробницы, и при старости строитель сохраняло свою свѣжесть съ воспоминаніями давнишнихъ годовъ, будто насмѣшливую укоризну за утраченную молодость. Не это ли чувство заставляетъ меня предпочтительно любить для портретовъ пастельную живопись? Она ближе къ Природѣ; въ ней сперва все такъ живо, такъ свѣжо, такъ обманчиво блеститъ, и по мѣрѣ того, какъ мы блѣднѣемъ, блѣднѣетъ и она. Возвратясь сюда послѣ трехлѣтняго отсутствія, сколько нашелъ я перемѣнъ въ Босфорскихъ зданіяхъ! На многихъ изъ нихъ еще недавно краски были такъ же живы, какъ тѣ, которыя набрасываетъ Природа на сады, ихъ перемежающіе; сады сохранили всю свою свѣжесть, но домы уже поблѣднѣли, увяли, какъ будто по тайному сочувствію съ обитателями ихъ, которые уже отпраздновали свою весну, съ чела коихъ ни какая весна не сотретъ неизбѣжныхъ морщинъ.

У открытыхъ оконъ, на широкомъ диванѣ, сидитъ и любуется Босфоромъ спокойный кругъ Мусульманъ. Если это домъ вельможи, снутри онъ убранъ со всею Азіятскою пышностію, которая иногда можетъ служить образцемъ самаго утонченнаго вкуса: потолокъ блеститъ позолотою, стѣны убраны цвѣтами, межъ коихъ вьются арабскія надписи; посреди мраморный прудъ съ фонтаномъ вѣчно біющимъ, чтобы свѣжесть брызговъ соединялась съ ароматомъ цвѣтовъ. Если можете видѣть внутренность покоя, вашему взгляду иногда представится вмѣсто стѣны одна жасминная рѣшетка, отдѣляющая этотъ завѣтный храмъ кейфа отъ террасы сада; но вся эта пышность только внутри: снаружи домъ выкрашенъ темною краскою. Вы вспомните старыхъ Турокъ, которые изъ приличія накидываютъ бешишь на свой богатый костюмъ.

На Европейскомъ берегу Босфора болѣе жизни, болѣе движенія. Отъ Галаты до Буюкдере онъ представляетъ непрерывную цѣпь предмѣстій, садовъ и дворцевъ. Мѣстами тянется гранитная полоса набережной, на косѣ расположилось нѣсколько домовъ, нѣсколько кіо-

сковъ, небольшая мечеть, фонтанъ подъ живымъ навѣсомъ ивы. Мѣстами домы построены на самомъ морѣ; оно подмываетъ ихъ основанія, наводитъ на деревъ узоры яркозеленыхъ растеній, обвитыхъ мелкими раковинами, и иногда въ разсѣянности бросаетъ свои брызги сквозь заповѣдную рѣшетку къ шаншивеннымъ обитательницамъ. Можетъ быть, нигдѣ человѣкъ не сдружился такъ тѣсно съ моремъ, не впустилъ его такъ дружелюбно въ свои жилища. Много бѣдныхъ домовъ построены на сваяхъ; волны гуляютъ подъ цѣлымъ зданіемъ, и въ жаркую пору лѣта содержатъ въ немъ живительную прохладу. Великолѣпные кіоски, обставленные набережною, даютъ особенный проходъ морю въ прорытомъ нарочно каналѣ, гдѣ содержатся канки. Во многихъ домахъ видна особенная поэтическая привязанность строителя къ родному Босфору: въ сосѣдствѣ кіоска отворяются въ самое море ворота, чрезъ которыя въѣзжаютъ шлюбки въ широкій заливъ, образуемый моремъ между домомъ и садомъ. Никакое воображеніе не создало картины болѣе живописной; никакая кисть не передастъ чудесныхъ эффектовъ архитекту-

ры, роскоши прозябенія и вѣчной жизни, вдыхаемой этимъ восхитительнымъ мѣстамъ игрою моря, безъ коего нѣтъ для меня пейзажа. И все это подъ голубымъ небомъ Ѳракіи, при дуновеніи періодическаго норда, подъ высокою горою, которая будто нарочно раскинулась отлого къ морю, чтобы человѣкъ провелъ по ея бокамъ полосы нѣсколькихъ террасъ, украсилъ ихъ капризнымъ бельведеромъ, впустилъ въ ихъ утробу струю горнаго источника, открылъ пруды и фонтаны, среди прозябенія, брошеннаго расточительною рукою полуденной Природы на лучшее свое произведеніе. Но во всѣхъ этихъ пейзажахъ рука человѣка овладѣла Природою, и располагаетъ ею по своему произволу. Мы видѣли уже, какъ вольная стихія моря покорилась ему, и, усердная раба, исполняетъ всѣ его фантазіи, но ложится отдыхать послѣ долгаго бѣга подъ его жилищемъ, чтобы шопотомъ своимъ баюкать его сонъ, или любовно вторить его страстнымъ пѣснямъ, то вливается въ его сады, и тамъ зеркальною террасою качаетъ въ своемъ лонѣ зданія и ряды деревъ, которыми оно обставлено, или уединенную ладью. Взгляните на эти горы, на это проз-

беніе: развѣ изрѣдка позволитъ завистливый человѣкъ одинокой скалѣ выказать свою живописную наготу, полузакрытую дикимъ мхомъ или кустарникомъ; изрѣдка благородный дубъ или платанъ можетъ просперетъ свои величавыя вѣтви надъ террасами остриженныхъ миртовъ и лавровъ, надъ искусственнымъ цвѣтникомъ. Высокая гора разрѣзана уступами: подъ нѣмъ виноградникомъ, который извивается по ней широкою полосою, пріютилась лѣстница; она обставлена вазами, одѣта мраморомъ и зеленью, и лѣниво всползаетъ на верхъ горы до бельведера, откуда открывается, можетъ быть, цѣлое царство чудесъ, устья Чернаго Моря, Княжескіе Острова и Мраморное Море.

Но я отказываюсь отъ безсильной попытки передать бумагѣ то, чѣмъ мы можемъ восхищаться, что можемъ чувствовать — и только. Что такое всѣ устарѣлыя описанія великихъ явленій Природы, въ ужасахъ ли ея или въ восторженномъ великолѣпіи?—Недостатокъ словъ, ихъ холодность и единообразіе бросаютъ насъ въ педантство, въ напыщенность, всякій разъ, когда намъ предстоитъ описаніе высокой поэзіи Природы, возбуждающей всю поэзію нашей

души, а наши описанія будутъ только черныя строки по бѣлой бумагѣ, писанныя ноты вдохновеннаго концерта.

Взгляните на жителя Босфорскихъ береговъ: онъ умѣетъ только любоваться этою Природою; душа его засыпаетъ въ поэтической лѣни и въ отрадномъ успокоеніи, проливающемся въ нее вмѣстѣ съ свѣжимъ дыханіемъ моря. Онъ счастливъ! Можетъ быть, привычка усладительныхъ ощущеній его созерцательной жизни, столько же какъ и его религіозныя понятія, оживленныя всею поэзіею этой Природы, заставляютъ его такъ довѣрчиво предаваться своей судьбѣ, и не помнить себя усиліями перемѣнить будущее. Въ тѣхъ климатахъ, гдѣ человѣкъ свыкся съ роскошью Природы, онъ не создаетъ себѣ никакихъ печалей, не борется съ сомнѣніями, не изнываетъ надъ разгадкою никакихъ тайнъ бытія, ни какихъ истинъ. Всѣ религіи, созданныя его свѣтлымъ воображеніемъ, даровали ему неизмѣнное утѣшеніе въ вѣрѣ предопредѣленія (*); несчастіе

(*) Здѣсь говоримъ о религіяхъ, созданныхъ воображеніемъ человѣка; не о той религіи, которая происшекла отъ

настоящаго не имѣетъ силъ убить его надежды; всякое вытерпѣнное страданіе облегчаетъ итогъ печалей, ему присужденныхъ рокомъ. Онъ спокойно вкушаетъ восторги настоящаго не съ тою судорожностію, которая волнуетъ Европейца въ самыхъ его наслажденіяхъ, и проистекаетъ, можетъ быть, отъ тайнаго предчувствія, отравляющаго лучшія наши радости. Его уму не суждено метаться отъ открытія къ открытію, и его сердце не рвется отъ радости въ радость; всякое новое ощущеніе насъ позабавитъ, какъ игрушка, и всѣ мы, младенцы, любимъ разбивать свои любимыя игрушки. Неумолимый врагъ нашъ — время, преслѣдуетъ насъ, и наши радости таятъ въ себѣ отраву пресыщенія; житель этой страны въ горести и въ радости покоряется закону времени, и не тревожитъ, подобно намъ, жизни и сердца, чтобы отъ нихъ брызнули искры наслажденія. За то и годы щадятъ его; страсти не умираютъ въ немъ, и ему не суждено провести долгую эпоху жизни съ холодностію трупа,

Божественнаго откровенія, и которая одарила насъ надеждами выше и внѣ чувственной Природы.

непринятаго землею ; и любовь и ненависть , и всѣ страсти, которыя оживляютъ существованіе наше на землѣ , грѣютъ до самаго гроба сердца этихъ людей, неутомленныя жизнію : а смерть, можетъ быть, показывается имъ тѣмъ чѣмъ она показалась первымъ людямъ, когда они не узнавали еще въ ней неумолимой разрушительницы всего живущаго , — продолжительнымъ усыпленіемъ, имѣющимъ также свои сладкія сновидѣнія. Азіятцы ближе къ младенчеству человѣка, и ближе къ этой мысли: они любятъ уснуть подъ любимымъ деревомъ; у нихъ носится сказаніе о томъ деревѣ , которое посылаетъ страдальцамъ утѣшительное усыпленіе смерти ; цѣль жизни ихъ покой , а смерть для нихъ — продолженіе покоя; если это тайна, они не хотятъ ее проникнуть. Насъ страшитъ сосѣдство кладбища, и наше пугливое воображеніе населяетъ поле смерти грозными призраками, и ищетъ въ немъ однихъ впечатлѣній страха и грусти ; въ нашихъ городахъ мы окружаемъ его стѣною, какъ будто хотимъ осадить въ немъ смерть вдалекѣ отъ живущихъ. Но вы примиритесь со смертію , взглянувъ на кладбища , расположенныя въ са-

мыхъ живописныхъ мѣстахъ Босфора; они въ сосѣдствѣ, они въ виду великолѣпныхъ кіосковъ, гдѣ Турокъ безпечно вкушаетъ жизнь; въ нихъ всегда увидите группы гуляющихъ Турчанокъ, подъ бѣлыми покрывалами, безотвѣтными какъ бѣлый мраморъ гробницы. Одна Природа одѣла кладбище шрауромъ кипарисовъ; это наводитъ какую-то тихую меланхолію, можетъ быть, болѣе пріятную душѣ среди впечатлѣній Босфорской Природы, нежели видъ набережныхъ, оживленныхъ толпою гуляющихъ. Въ минуты чистѣйшаго восторга душа наша предпочтетъ веселой пѣснѣ пѣснь тихой скорби.

ГЛАВА V.

Двѣ эмблемы. — Кладбища. — Цвѣтники и кипарисы. — Чалмы. — Опала на Янычарскія гробницы. — Малригалы и эпитафіи. — Гробы казненныхъ лицъ. — Скутарское кладбище. — Эйюбъ; его древности; его святыни. — Сабля вмѣсто скипетра. — Гробы Султановъ и Султаншъ. — Гробъ Св. Константина. — Элегія Султанши.

Босфорскія кладбища расположены на двухъ берегахъ со всѣмъ волшебствомъ театральной декораціи. Кипарисы выказываютъ мѣстами свои темные верхи среди свѣжаго прозябенія платановъ, среди симметрическихъ и стройныхъ рядовъ деревъ, остриженныхъ Турецкимъ садовникомъ, среди чудно переломанныхъ линій Босфорской Архитектуры.

Платанъ и кипарисъ — это два дерева, избранныя съ древнѣйшихъ временъ южными народами для изображенія жизни и смерти. Древніе садили въ землю платанъ при рожденіи младенца, и кипарисъ надъ гробомъ. Можетъ быть долговѣчный платанъ вѣрнѣе служитъ изображеніемъ жизни народовъ нежели жизни

человѣка. Онъ переживаетъ не поколѣнія но народы; въ глубокой старости, когда сердце въ немъ истлѣло, величественная вершина красуется свѣжимъ, вѣчно обновляемымъ вѣнцемъ изъ зелени, какъ по величіе, которымъ любили одѣвать свое нищенство Византійцы, когда они издержали весь источникъ своей долгой жизни. Великанъ долины падаетъ подъ громомъ, и молодые отростки раждаются на его корняхъ, подобно племенамъ, раждаемымъ отъ смертнаго паденія великаго народа, и старые корни вливаютъ въ нихъ жизненные соки. Но человѣкъ, плачущій надъ гробомъ человѣка, садитъ надъ нимъ траурную вѣтвь кипариса; она неизмѣнна какъ гробъ, равнодушно встрѣчаетъ весну и осень, никогда не цвѣтетъ, и когда дерево упадетъ подъ священническимъ топоромъ, никакой отростокъ не выглянетъ на его корнѣ. Это поэтическое сочувствіе заставило Турокъ избрать кипарисъ эмблемою смерти и украшеніемъ кладбища, и даровать ему право неприкосновенности, коимъ пользуется самый гробъ правовѣрнаго. Сломать надгробный кипарисъ, оторвать отъ него вѣтвь, почитается оскорбленіемъ могильной святыни. Впрочемъ

кипарисы надъ гробами имѣютъ и ту выгоду, что очищаютъ кладбищный воздухъ разливаемымъ отъ нихъ ароматомъ, а въ Константинополѣ это нужнѣе нежели гдѣ нибудь, потому что гробы роются весьма не глубоко. Вообще кипарисъ имѣетъ полезное вліяніе на аттосферу, и древніе приписывали множеству кипарисныхъ рощъ Кандіи здоровый воздухъ, которымъ она всегда славилась.

Подъ черными кипарисами бѣлизна надгробныхъ мраморовъ довершаетъ грустное впечатлѣніе кладбища. Мраморъ — этотъ предметъ роскоши въ жизни, достается въ удѣлъ и самому бѣдному Мусульманину по смерти. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, различія разныхъ степеней общества сопутствуютъ человѣку на поляхъ необходимаго равенства. Есть гробы великолѣпные, съ золоченными надписями, съ золоченными рѣшетками. Часто гробницы одного семейства представляютъ могильную семью памятниковъ, обведенныхъ перилами: на правой сторонѣ отецъ, на лѣвой мать, со стороны отца гробы сыновей, со стороны матери гробы дочерей; и эта могильная семья украшена цвѣтами, которыми, можетъ быть, красилась

жизнь усопшихъ. Родственники набожно заботятся о могильныхъ цвѣтникахъ, и даже многіе отказываютъ въ своихъ завѣщаніяхъ особенный доходъ на ихъ содержаніе.

Законъ Магомета воспрещаетъ всякую пышность надгробныхъ памятниковъ, не позволяетъ даже писать на камнѣ имя усопшаго; мѣсто подъ коимъ покоится прахъ правовѣрнаго должно быть только означено небольшимъ возвышеніемъ изъ земли, «въ видѣ верблюжьяго горба». Но Азіятская любовь къ пышности пересилила и въ этомъ, какъ и во многомъ, законъ Магомета. Есть великолѣпные мраморные саркофаги въ нѣсколько футъ вышины. Надгробные камни ставятся всегда вертикально и всегда по два: одинъ у головы, другой у ногъ. Для того ли это, чтобы покойнику легче было встать для совершенія *намаза*, когда ангелъ вызоветъ его изъ гроба, или чтобы «земля не была ему тяжела», какъ говорила классическая древность, сооружая свои массивные мавзолеи надъ прахомъ усопшаго? Какъ бы то ни было вертикальное положеніе мраморовъ много увеличиваетъ эффектъ Турецкаго кладбища, и однимъ взглядомъ съ моря вы обнимаете тысячи этихъ мра-

моровъ, разнообразныхъ формъ и размѣровъ, съ ихъ надписями и узорами.

Мраморная чалма вѣнчаетъ ту плиту, которая стоитъ надъ головою; она изображаетъ званіе покойника. На кладбищѣ можете теперь найти все разнообразіе пятидесяти формъ чалмы прежней эпохи Константинополя, отъ коническаго колпака дервиша, до живописно драпированной шали на головѣ удалаго наѣздника, и даже колоссальныя зданія изъ кисеи на головѣ какого нибудь Чауша. Нынѣшнее поколѣніе Константинополя должно съ завистію смотрѣть на эти лестные знаки отличія и могильнаго честолюбія своихъ отцовъ. Если Османлы нашлись въ необходимости при жизни замѣнить ничтожнымъ фесомъ прежніе свои головные уборы, все таки они не могутъ съ равнодушіемъ переносить это уничиженіе въ надгробныхъ памятникахъ, на коихъ плоскіе мраморы будутъ представителями ихъ плоскаго феса или бритой и плоской головы. Въ большомъ кладбищѣ въ Скутари я видѣлъ много надгробныхъ мраморовъ изувѣченныхъ и съ разбитою чалмою. Мнѣ сказали, что это осквернніе постигло могильную святыню въ эпоху истреб-

ленія Янычаръ. Даже гробы Янычаръ подверглись опалѣ. Новообразованное войско ругалось надъ прахомъ побѣжденныхъ дѣтей Хаджи-Бекташа, и разбивало мраморъ, сохранявшій чесполюбивыя формы чалмы преданной проклятію. Страсти до того были взволнованы въ ту эпоху, что даже неприкосновенность гробницъ, уважаемая у Турокъ болѣе нежели у всякаго другаго народа, терпѣла отъ перемѣнъ головныхъ уборовъ. Это весьма непріятно и въ томъ отношеніи, что кладбища Константинополя должны служить со временемъ архивами при составленіи подробной исторіи Турецкой чалмы, а эта исторія, какъ извѣстно, имѣетъ тѣсную связь съ политическою исторіею Оттоманской Имперіи.

Надгробный мраморъ Турчанки не красится чалмою; это двѣ скромныя плиты одинаковой формы, вверху остроконечныя, нерѣдко съ мадригаломъ вмѣсто эпитафіи, который всѣ могутъ читать, какъ будто въ вознагражденіе за то, что никто не могъ дѣлать покойницѣ мадригаловъ при жизни, ни даже льстить ей нѣмою данію удивленія. Турки любятъ поэтическія эпитафіи, и поля смерти представляютъ

безконечное поле восточнымъ метафорамъ. Послѣ завѣтныхъ словъ корана «Одинъ Онъ (Богъ) вѣченъ», обыкновенной формулы, которою начинаются эпитафіи, вы узнаете что «душа покойницы, бѣлая голубица, поспѣшно улетѣла отъ этого міра, гнѣзда всѣхъ скорбей, чтобы получить свое мѣсто въ сонмѣ прелестныхъ гурій.» Въ другомъ мѣстѣ прочтете: «жгучій вѣтръ кончины осушилъ молодое растѣніе на почвѣ красы и дѣвственности.» Вмѣстѣ съ траурными мадригалами встрѣчаете и здѣсь ученіе о предопредѣленіи, самое утѣшительное изъ всѣхъ ученій для Турка, когда онъ хоронитъ любимую особу: «на скрыжаляхъ судебъ было написано, что Айше, красивѣйшій изъ цвѣтовъ на цвѣтникѣ жизни, будетъ сорванъ со стебля любви на семнадцатой своей веснѣ.» Не знаю выхваляются ли иногда семейныя добродѣтели покойницы, но сколько мнѣ прочитали эпитафій, всѣ онѣ заключали комплименты въ родѣ приведенныхъ образцевъ, или просто имя умершей, годъ и день ея кончины, и просьбу къ прохожему прочитать надъ нею *Фатиха*, первую главу корана, что къ великому сожалѣнію я не могъ исполнить. Другія эпитафіи содер-

жатъ правоучительную истину Исламисма, или молитву. На гробѣ графа Бонневаля, видѣнномъ мною на кладбищѣ дервишей-плясуновъ, начертано слѣдующее четверостишіе:

> Во имя Аллаха Всемогущаго. Одинъ онъ вѣченъ. Пресвятый и Всевышній Аллахъ да ниспошлетъ свою благодать всѣмъ правовѣрнымъ, и всепрощеніе начальнику Кумбараджи (бомбандировъ) Ахметъ-Пашѣ.
>
> Въ 11 день Реджеба 1160 г. (11 Марта 1747.)

Къ подобнымъ эпитафіямъ прибавляется иногда общепринятая фраза: «да окружитъ Предвѣчный душу его облакомъ своей благодати и веселія, да покроетъ гробъ его неугасаемымъ сіяніемъ.» Чаще всего встрѣчается краткая надпись: *бу юнъ банà иссѐ, ярынъ санà дыръ*, «сего дня мнѣ, а завтра тебѣ,» такъ философски выражающая суету міра.

Ученые, военные, государственные сановники, каждый классъ Константинопольскихъ жителей, имѣетъ особенную категорію приличныхъ ему эпитафій. На гробѣ одного адмирала написано: «покойникъ поставилъ руль на румбъ вѣчности, вѣтръ кончины сломалъ мачту его корабля, и погрузилъ его въ море бла-

гости Господней;» на гробѣ поэта: «свѣтило сокрылось въ землѣ, но будетъ сіять между свѣтилами неба; соловей пролетѣлъ на одно мгновеніе по землѣ, и поспѣшилъ въ кусты эдема» (*). Но ничто не можетъ сравниться съ напыщенностію эпитафій на гробахъ улемовъ. Всякій изъ нихъ названъ ученѣйшимъ изъ ученыхъ, мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, славнѣйшимъ изъ законоучителей, убѣжищемъ ума, сокровищницею науки, источникомъ просвѣщенія, полюсомъ всѣхъ познаній и пр. и пр.

Сыновняя привязанность, услужливая за гробомъ дружба начертали эти замысловатыя эпитафіи надъ прахомъ покойниковъ почетныхъ званій; но и низшіе классы народа имѣютъ присвоенныя имъ надгробія. Это не надписи, не метафоры и не мадригалы: на мраморѣ изсѣчены инструменты, показывающіе земныя занятія покойника: ножницы, если онъ былъ портной, топоръ, если онъ былъ плотникомъ; пара бритвъ принадлежитъ почетному званію Стамбульскихъ брадобрѣевъ, и пара весселъ

(*) Нѣкоторыя изъ этихъ эпитафій заимствованы изъ писемъ Мишо, какъ особенно любопытныя по своей формѣ.

показываетъ, что покойникъ гребъ всю жизнь на Босфоръ и догребъ до вѣчной пристани кладбища.

Надъ прахомъ людей, казненныхъ по повелѣнію Дивана, самая почетная эпитафія есть надпись, свидѣтельствующая объ ихъ судьбѣ. Считать ли это желаніе увѣковѣчить память о ней, урокомъ отъ мертвеца тому кто заступилъ его мѣсто, завѣтомъ мщенія, укоризною деспотизму? — но у Турокъ нѣтъ примѣровъ, чтобы казнь отца препятствовала сыну въ честолюбивомъ поприщѣ по его слѣдамъ, чтобы урокъ грознаго правосудія снурка или сѣкиры остановилъ могучаго вельможу въ его замыслахъ. Можетъ быть такого рода эпитафія служитъ лестною панегирикою для жертвы, напоминая прохожему, что подъ камнемъ лежитъ не плебейскій прахъ, но прахъ лица могучаго, получившаго вмѣстѣ съ другими почестями, окружающими въ Турціи высокія званія, и послѣднюю почесть снурка или сѣкиры. Въ Турціи нѣтъ смерти безчестной, тѣмъ болѣе если она была повелѣна намѣстникомъ Пророка. Извѣстно, что гробъ казненныхъ заключаетъ только ихъ голову, и въ надписи упоми-

нается только о головѣ; тѣло, вѣроятно брошено въ море, или отдано на съѣденіе собакамъ и волкамъ гдѣ нибудь въ окрестностяхъ столицы, или, можетъ быть, погребено въ дальней землѣ, если казнь совершилась въ какомъ нибудь пашалыкѣ. На Армянскомъ кладбищѣ, въ Перѣ, кромѣ надписи, свидѣтельствующей о родѣ смерти покойника, видѣлъ я нерѣдко изсѣченное на мраморѣ изображеніе висѣлицы съ трупомъ, или обезглавленное тѣло. Мнѣ пояснили, что это не политическое тщеславіе; грубый рѣзецъ Стамбульскихъ артистовъ обезсмертилъ этимъ память людей, претерпѣвшихъ гоненіе и мученическую смерть за вѣру своихъ отцевъ.

Обширнѣйшее изъ Константинопольскихъ кладбищъ, и едвали не обширнѣйшее въ мірѣ кладбище, лежитъ за предмѣстіемъ Скутари на Азіятскомъ берегу, вдоль Мраморнаго Моря. Это цѣлый лѣсъ кипарисовъ, изрѣзанный узкими тропинками, на коихъ всегда встрѣтите погребальныя шествія Мусульманъ, завѣщавшихъ свой прахъ предпочтительно любимой ими Азіятской землѣ. Въ эпоху моровой язвы нельзя безъ ужаса смотрѣть на непрерывное сообщеніе

двухъ береговъ Европы и Азіи, между Галатскою «пристанію мертвецовъ,» мешть-скелессы и пристанію кладбища. Европа возвращаетъ Азіи, матери племенъ, цѣлыя поколѣнія своихъ временныхъ поселенцевъ, которыхъ предки можетъ быть на этомъ самомъ мѣстѣ буйно переплывали Босфоръ для населенія плѣнной Византіи. Скутарское кладбище тянется на нѣсколько верстъ во внутрь Азіятскаго материка, и съ каждымъ годомъ оно становится шире и шире, и съ каждымъ годомъ густѣетъ его кипарисовый лѣсъ, и возрастъ могильныхъ деревъ, будто надгробная надпись, свидѣтельствуетъ о древности каждаго поколѣнія принятаго въ утробу земли. Невыразимо впечатлѣніе, производимое этимъ безконечнымъ полемъ, населеннымъ смертію, этимъ лѣсомъ, питаемымъ отъ плѣнія, когда, входя въ Босфоръ съ Мраморнаго Моря, вы имѣете предъ глазами многолюдный, необъятный Стамбулъ, и необъятное царство мертвецовъ.

Прогулки по этому кладбищу, въ которомъ всегда царствуетъ глубокое молчаніе, обыкновенно нарушаемое веселящеюся толпою на другихъ Константинопольскихъ кладбищахъ,

не одинъ разъ заставятъ васъ вспомнить слова Люпера на Вормскомъ кладбищѣ: invideo quia quiescunt. Но не всегда Скутарское кладбище наслаждалось своимъ ненарушимымъ покоемъ. Мы видѣли уже осквернение сдѣланное Янычарскимъ гробамъ отъ приверженцевъ новаго порядка вещей. Лѣтъ за двадцать до паденія Янычаръ Селимъ открылъ большую дорогу чрезъ кладбище, и встревожилъ покой многихъ тысячь усопшихъ Мусульманъ. Отнять землю у мертвецевъ для пользы живущихъ, показалось народу ужаснымъ святотатствомъ; это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ, вооружившихъ фанатизмъ черни противъ Селима.

За предмѣстіемъ св. Стефана, на Европейскомъ берегу, также тянется широкое кладбище, но и мѣстоположеніе его не столь живописно, и не такъ роскошно одѣла его природа богатствами прозябенія, и надгробные его камни бѣдны. Это кладбище нищихъ и бѣдняковъ Оттоманской столицы; ихъ хоронятъ тѣ же самыя мечети, которыя кормили ихъ при жизни. За мѣсто погребенія Оттомане ничего не платятъ; могила есть послѣдняя милостыня и богачу и нищему отъ земли и отъ религіи, въ

которой милостыня составляетъ одинъ изъ первыхъ догматовъ.

Но если хотите видѣть смерть окруженною всѣмъ земнымъ величіемъ и всѣмъ благоговѣніемъ Исламизма, идите въ предмѣстіе Эйюбъ, во глубинѣ залива Золотаго Рога, въ сосѣдствѣ Прѣсныхъ Водъ.

Это древнее Византійское предмѣстіе называлось при Императорахъ Космидіонъ; оно было смѣжно съ славнымъ храмомъ Влахернской Божіей Матери и съ Влахернскимъ дворцемъ, и о немъ часто упоминаютъ Византійскія хроники. Изстари это мѣсто было окружено Христіанскими святынями; но Византійскій Дворъ нерѣдко выбиралъ священное предмѣстіе театромъ своихъ неистовыхъ драмъ, къ коимъ присоединились впослѣдствіи варварскіе подвиги крестоваго войска. Нѣсколько храмовъ было построено здѣсь Юстиніаномъ и его супругою комедіанткою Ѳеодорою, которая усерднымъ строеніемъ церквей хотѣла прикрыть предъ глазами народа свои распутства. Въ монастырѣ святаго Мамантa въ этомъ предмѣстіи было любимое пребываніе самыхъ пылкихъ иноковъ-мечтателей Византійской церкви, и изъ этихъ

мирныхъ сѣней не разъ метался факелъ богословскихъ распрей на злополучную столицу, которой вся жизнь была въ религіи и была болѣзнена. Здѣсь также одинъ изъ величайшихъ Императоровъ Византіи, Василій Македонскій, въ коемъ соединилась кровь Арсакидовъ съ кровію Александра и Константина Великихъ, но который получилъ Кесарское достоинство отъ Михаила III за свое искусство въ завиваніи волосъ, совершилъ гнусное убійство своего царя и благодѣтеля, а для успокоенія своей совѣсти воздвигъ здѣсь храмъ во имя Архангела Михаила. Сказываютъ, что онъ любилъ это мѣсто и часто проживалъ здѣсь въ уединеніи. Можетъ быть, среди свѣжихъ еще слѣдовъ крови, чрезъ которую вступилъ на похищенный престолъ, сочинилъ цареубійца книгу дошедшую до насъ «о Наукѣ царствовать.» Крестовый полководецъ Маркъ Боэмондъ захватилъ Космидіонъ, укрѣпился въ немъ предъ самыми вратами Константинополя, и упорно воевалъ съ Комниномъ. Замокъ построенный имъ среди церквей Космидіона существовалъ до паденія Имперіи, и назывался Замкомъ Французовъ.

Другая судьба ожидала это предмѣстіе въ

эпоху Магомета-Завоевателя. Три дня спустя по взятіи города какой-то шейхъ, великій святоша и любимецъ Магомета, видѣлъ во снѣ ангела, который указалъ ему то мѣсто, гдѣ покоились кости героя и великомученика Исламизма Абу-Эйюбъ-Энсары, павшаго подъ стѣнами Константинополя въ первую осаду города Аравитянами, подъ начальствомъ Языда, сына Халифа Муавіе (668 г.) Между Турками носилось преданіе, будто онъ умирая предсказалъ, что городъ Кесарей падетъ предъ другимъ Мусульманскимъ завоевателемъ; во время осады дервиши ходили по стану, воспѣвая гимны мученику и одушевляя солдатъ къ приступу его пророчествами. Самъ Магометъ отправился съ большимъ церемоніаломъ къ тому мѣсту, которое было указано просвѣтлѣніемъ свыше; стали рыть землю, и открыли гробъ съ именемъ Эйюба. (*) Великолѣпный мавзолей былъ воздвигнутъ Магометомъ на этомъ мѣстѣ; недалеко оттуда билъ ключь живой воды; вода была проведена во внутренность памятника, и доселѣ продолжаетъ оказывать чудесную силу исцѣленіемъ всѣхъ родовъ недуговъ; вообще

(*) Эйюбъ Мусульманское имя Іова.

благочестивые Мусульмане, больные или здоровые, сшавятъ себѣ въ обязанность въ большіе праздники выпить нѣсколько кружекъ этой воды. Изъ обломковъ Греческихъ храмовъ, разрушенныхъ временемъ и войнами, Магометъ построилъ при гробѣ Эйюба мечеть, въ которой по его завѣщанію преемники Оттоманскаго престола должны совершать обрядъ опоясанія сабли, замѣняющій у нихъ обрядъ вѣнчанія на престолъ. Это совершается на пятый или на шестый день ихъ воцаренія.

Гробъ или *тюрбе* Эйюба есть первая святыня Константинополя; ежедневно идутъ къ нему Мусульмане поклонники, съ приношеніями восковыхъ свѣчъ, амбры, благовонныхъ деревъ Востока и съ денежными взносами. Онъ открытъ днемъ и ночью, и всегда горятъ въ немъ лампады и читаются молитвы имамами, которые очередуются у гроба. Но Христіанамъ строжайше запрещенъ входъ въ эту Мусульманскую святыню, и кажется ни одному путешественнику не удалось въ нее проникнуть.

Все предмѣстіе получило названіе Эйюбъ отъ святаго въ немъ поклоняемаго, и все предмѣстіе носитъ особенный отпечатокъ свято-

спи и благововѣнія. Здѣсь многіе Оттоманскіе Султаны и Султанши-матери воздвигли себѣ великолѣпные гробы, представляющіе иногда легкія мраморныя бесѣдки, иногда массивныя зданія въ видѣ небольшихъ храмовъ. Между ними особенно примѣчателенъ по своей красотѣ и тщательной отдѣлкѣ изъ лучшаго мрамора тюрбе Валиде-Султанши, матери несчастнаго Селима III. Болѣе обращаетъ на себя вниманіе путешественниковъ гробъ другой Валиде-Султанши, Гюль-Бахаръ, матери Баязеда II. Объ ней разсказываютъ, что она была княжна изъ Французскаго дома Бурбоновъ, что она отправилась на поклоненіе въ Іерусалимъ по данному обѣту; была захвачена Оттоманскимъ корсаромъ въ Архипелагѣ, и наконецъ попала въ Сераль, раздѣлила ложе Магомета II еще до вступленія на престолъ, и дала наслѣдника Оттоманской Державѣ. Турки увѣрены въ истинѣ этого сказанія; и даже Мураджа ему приписываетъ долговременную исключительную привязанность Турокъ къ Французамъ, съ Королевскимъ домомъ которыхъ Турецкіе Султаны отъ племени Баязеда считали себѣ въ родствѣ. Иногда тѣла многихъ Султановъ похоронены въ

одномъ тюрбе, или по собственному ихъ завѣщанію, или по волѣ преемника. Султаны или при жизни строили себѣ подобные мавзолеи для себя, и хоронили въ нихъ своихъ умершихъ дѣтей, или сами назначали себѣ гробы подлѣ гроба своей матери. Сколько разъ тюрбе наполнялись гробами Султанскихъ дѣтей, принесенныхъ въ жертву безопасности наслѣдника престола!

Въ Эйюбѣ я посѣтилъ также недавно основанную фабрику для шканья парусовъ на Флотъ. Машины новѣйшаго изобрѣтенія выписаны Султаномъ изъ Англіи, и работы производятся весьма успѣшно. Нѣсколько Турчанокъ, кажется гаремъ знатнаго дома, судя по черпымъ невольницамъ, ихъ сопровождавшимъ, глазѣли съ женскимъ любопытствомъ на заколдованные станки, которые работали безъ видимаго содѣйствія рукъ человѣческихъ.

У всякой Султанской мечети (*), найдете гробъ ея основателя, въ которомъ всегда го-

(*) Султанскими мечетями называются тѣ, которыя построены Султанами или ихъ матерями; онѣ занимаютъ первое мѣсто между Магометанскими храмами, отличаются отъ другихъ многими привиллеіями, и послѣ обыкно-

рятъ лампы и читается коранъ. Самые Султаны имѣютъ обыкновеніе посѣщать иногда эти храмы смерти, и молиться надъ прахомъ своихъ предшественниковъ. На дворѣ Софійскаго собора есть пять подобныхъ мавзолеевъ. У мечети Османіэ показываютъ саркофагъ изъ цѣльнаго порфира, имѣющій около полуторы сажени въ длину; на немъ нѣтъ никакой надписи; верхняя порфировая плита, на которой безъ сомнѣнія была надпись, потеряна; но это очевидно гробъ Императора, и общее повѣріе приписываетъ его Константину Великому; Турки показываютъ гробъ, какъ трофей, со всею гордостію завоевателей, и охотно вѣрятъ Греческому сказанію, а путешественникъ пораженъ странною судьбою гроба перваго вѣнчаннаго поборника Христіанской Вѣры, гроба лишеннаго своей святыни, даже царскихъ орловъ ее осѣнявшихъ, и лежащаго въ подворьи Мусульманскаго храма!.... (*)

вѣнно имена Султановъ-основателей. Софійская, хотя и не построена Султаномъ, считается первою между ними. Султанскихъ мечетей теперь въ Константинополѣ считается пятнадцать, другихъ болѣе двухъ сотъ.

(*) Въ исходѣ Сентября этого года случайно открытъ

Однимъ изъ лучшихъ образцевъ Турецкой архитектуры можетъ служить надгробный памятникъ Верховнаго Визиря Рагыбъ-Паши, прилежащій къ основанной имъ библіотекѣ. На шестиугольномъ возвышеніи изъ нѣсколькихъ мраморныхъ ступеней споятъ шесть небольшихъ колоннъ, съ искусно изваянными капителями особеннаго ордена; промежутки заняты тонкими металическими перилами; колонны соединены легкими, красиво изогнутыми арками изъ мрамора, въ Китайскомъ вкусѣ, и надъ ними поднимается рѣшетчатый металическій куполъ также изогнутый, остроконечный, съ огром-

въ арсеналѣ гробъ Императора Ираклія, побѣдителя Персовъ. Султанъ приказалъ его поставить на высокій пьедесталъ, и вырѣзать на столбѣ надпись въ честь Греческаго Императора. Это покажется читателю страннымъ; нужно пояснить, что Турки почитаютъ Ираклія своимъ единовѣрцемъ, втайнѣ принявшимъ ученіе Магомета, и не успѣвшимъ ввести его въ свою Имперію. Ираклій былъ современникъ Магомета. Онъ заслужилъ благословенія Христіанъ, тѣмъ что отнялъ у Персовъ Святый Крестъ; но потомство вправѣ упрекать его за то, что онъ не обратилъ вниманія на происшествія Аравіи, и далъ окрѣпнуть Магометанскому ученію.

чной бесѣдки стоитъ гробъ *учепаго* Визиря, съ необходимою мраморною чалмою у головы.

Эйюбское предмѣстіе кромѣ Султанскихъ надгробныхъ памятниковъ и своей массивной мечети, имѣетъ обширное кладбище, почитаемое весьма почетнымъ мѣстомъ погребенія для благочестивыхъ Мусульманъ. Множество красивыхъ памятниковъ поднимается въ безмятежномъ предмѣстіи, гдѣ молчаніе прерывается только голосомъ поющихъ муэзиновъ, пѣніемъ птицъ надъ гробами и лопатою могильщиковъ. Это мѣсто освящено религіею и смертію; первая окружена всѣми богоугодными заведеніями Исламизма, имаретами (*), больницами, училищами для дѣтей; вторая является въ траурномъ величіи кипарисовъ и мрамора. Магометъ, какъ будто предвидя, что Эйюбское предмѣстіе обратится въ огромное кладбище, завѣщалъ своимъ преемникамъ совершать здѣсь обрядъ своего воцаренія, и шествовать на престолъ промежъ гробовъ. Какое впечатлѣніе долженъ оставлять въ душѣ Султановъ этотъ

(*) Имаретъ, домъ при мечети, въ которомъ кормятъ бѣдныхъ.

обрядъ, въ которомъ религія вручаетъ саблю вмѣсто скипетра повелителю правовѣрныхъ, среди гробовъ и могильнаго унпчиженія всѣхъ земныхъ величій?

Въ сосѣдствѣ съ этимъ мѣстомъ находится и дворецъ сестеръ Султанскихъ, объ которыхъ соблазнительная лѣтопись Стамбула шепчетъ многое. Распутство, укрывшееся въ этомъ мрачномъ Сералѣ, въ особенности въ недавніе годы, дѣлается еще болѣе отвратительнымъ, когда смотришь на блѣдныя стѣны Сераля промежъ гробовъ, мечетей и кипарисовъ. Можешь быть грустныя впечатлѣнія этого мѣста внушили Султаншѣ Гейбетуллахъ, сестрѣ Махмуда, ту меланхолическую пѣсню, которая сдѣлалась народною въ Константинополѣ, и поется всѣми, и Турками и Греками. Я нѣсколько разъ слышалъ эту пѣсню, и всегда она бросала меня въ грусть своимъ томнымъ напѣвомъ. Вотъ ея содержаніе; за точность перевода я не могу поручиться:

«Съ ядомою тоскою я выпила ядъ жизни; мою жизнь измучили страданія. Тѣло мое утомлено отъ душевнаго бремени.

«Свѣтъ, въ которомъ люди живутъ — мрачный лѣсъ, и въ немъ никогда не горитъ лучь истины. Я

искала этого луча, хотѣла встрѣтить его улыбкою — но тщетно. Тѣло мое утомлено отъ душевнаго бремени.

«Свѣтъ не имѣетъ никакой прелести для меня. Напрасно друзья призываютъ меня насладиться жизнію. Никто не внялъ моимъ мольбамъ о немногихъ каплях наслажденія. Тѣло мое утомлено отъ душевнаго бремени.

«Гдѣ же чистѣйшая истина? гдѣ искренность?— въ какой чуждой землѣ хранится чаша съ этимъ аромашомъ? Я того не узнаю. Моя душа устала отъ бремени шла.»

Впрочемъ поэтическія жалобы Султанши не совсѣмъ основательны. Она теперь уже очень стара, но въ молодости съ излишнею жадностію искала наслажденій.

Странныя, всегда стекающіяся у Турокъ противуположности поражаютъ васъ и въ Эйюбскомъ предмѣстіи: дорога въ него лежитъ чрезъ базаръ, въ которомъ продаются дѣтскія игрушки, а чрезъ Эйюбское кладбище вы вступаете въ цвѣтущую долину Прѣсныхъ Водъ, въ это волшебное царство Стамбульской весны. Здѣсь вы можете расположиться на коврѣ, у берега Варвизеса, подъ тѣнію стараго платана, и съ чашкою Турецкаго кофе и съ трубкою табаку, такъ сильно располагающихъ умъ къ фи-

лософскимъ разсужденіямъ, сочинить цѣлую диссертацію о сущѣ міра, заимствуя текстъ изъ Мусульманскаго надгробія, или изъ пѣсни Султанши-стихотворки. Но гораздо лучше предаться здѣсь кейфу и ни о чемъ не думать....

ГЛАВА VI.

Сословіе плакальщицъ, и продажныя слезы.—Турецкіе похороны. — Странные обряды. — Сабля вмѣсто креста. — Насажденіе могильнаго кипариса.— Вечеръ и ночь на Босфорѣ.— Образецъ Византійскаго купола. — Луна на Босфорѣ.— Клеветники. — Вахтенный Лейтенантъ.

Нѣсколько разъ въ моихъ прогулкахъ по Босфорскимъ кладбищамъ мнѣ случилось видѣть Турецкіе похороны. И въ этомъ послѣднемъ обрядѣ Исламизма Турки не измѣняютъ своему спокойному хладнокровію; это еще болѣе разительно въ странѣ, гдѣ народы другихъ исповѣданій сопровождаютъ свои похороны громкими рыданіями, и всѣми шумными изъявленіями грусти, которая на югѣ принимаетъ характеръ буйной страсти, и силится будто вырваться изъ измученнаго сердца. Прежде водилось у Грековъ, и теперь еще осталось у Армянъ обыкновеніе сопровождать свои гробы наемными плакальщицами — женщинами, которыя промышляютъ своими слезами, своими условными

рыданіями, воплями театральнаго отчаянія. Онѣ составляютъ необходимую роскошь при похоронахъ богатаго лица, и почтеніе наслѣдниковъ къ покойнику измѣряется по числу этихъ наемницъ. Это гробовыя актрисы; все ихъ искусство состоитъ въ томъ, чтобы кричать и рваться надъ усопшимъ, котораго никогда въ жизни не видали; у нихъ есть особенныя затверженныя ими фразы, приличныя случаю, которыя выговариваютъ онѣ гнусливымъ припѣвомъ, всплихивая отъ слезъ; онѣ рвутъ себѣ волосы на головѣ, бросаются на гробъ, съ рыданіями обнимаютъ его при выносѣ, иногда слѣдуютъ за нимъ до кладбища, оглашая весь кварталъ усерднымъ плачемъ (*). Имъ дается плата соразмѣрная тому, сколько онѣ выражаютъ грусти, сколько проливаютъ слезъ. Даже слезы—эти благороднѣйшія частицы души, перлы которыми выливается изъ нея избытокъ чувства—въ Турціи сдѣлались предме-

(*) У древнихъ Аоинянъ были также наемныя плакальщицы; Солонъ закономъ своимъ запретилъ женщинамъ плакать на похоронахъ людей чужихъ. См. Плутарха, жизнь Солона XXIX.

томъ промышленности, и кормятъ цѣлое сословіе женщинъ. Любопытно бы было изслѣдовать: имѣютъ ли эти женщины другія искреннія слезы для выраженія искренней грусти? — Потому что слезы обратились у нихъ въ привычку, и онѣ готовы цѣлый годъ проливать ихъ по мѣрѣ потребности. Можетъ быть онѣ наказаны за это тѣмъ, что грусть у нихъ не проливаетъ слезъ; тѣ слезы которыя капаютъ въ сердце, болѣе жгучи нежели тѣ которыя капаютъ изъ глазъ. Мнѣ говорили что въ званіе плакальщицъ обыкновенно идутъ женщины, которыя претерпѣли много горя, которыя много проплакали надъ собственными потерями, и что обыкновенно при видѣ гроба пробуждаются въ нихъ грустныя воспоминанія. Но я не хочу этому вѣрить; мнѣ кажется менѣе обиднымъ для человѣка изъявленіе ложной грусти, нежели осквернение собственныхъ чувствъ условнымъ ихъ пробужденіемъ за деньги и въ урочное время. Притомъ тому, кто пріѣдетъ въ Турцію изсреди утонченностей Европейскаго образованія, не впервые будетъ видѣть поддѣльныя слезы, только съ тою разницею, что здѣсь на Востокѣ, это дѣлается

просто, безъ затѣй, и плакальщицы Стамбула открыто торгуютъ слезами; а въ нашемъ образованномъ свѣтѣ все это прикрывается поддѣльнымъ чувствомъ, и будуарныя слезы молодой жены и слезы наслѣдника надъ умирающимъ дядинькою.

Религія запрещаетъ Мусульманину всякое похоронное рыданіе; она велитъ принимать самыя горькія испытанія ниспосылаемыя провидѣніемъ, какъ благодѣянія. Магометъ подалъ примѣръ своему народу, воздавъ хвалы Аллаху при полученіи извѣстія о смерти любимой дочери. Женщинамъ запрещено присутствовать при похоронахъ, чтобы не тревожить покоя могилы и могильнаго покоя Мусульманъ шествующихъ за гробомъ. Четыре Мусульманина, обыкновенно родные и приближенные покойника, несутъ гробъ; часто присутствующіе очередуются съ ними въ этой благочестивой обязанности, потому что Пророкъ обѣщаетъ отпущеніе великаго грѣха за каждые сорокъ шаговъ въ несеніи гроба. Если даже нести попеременно гробъ, сначала подъ правымъ плечемъ покойника, потомъ подъ лѣвымъ, потомъ подъ ногами тѣмъ же порядкомъ, дѣлая каждый разъ по

сороку шаговъ, этимъ искупается сорокъ большихъ грѣховъ. Въ похоронахъ нѣтъ никакой пышности, и съ одинакимъ почти церемоніаломъ предается землѣ вельможа и его рабъ. Нѣтъ ни факеловъ, ни курильницъ, ни пѣнія. Имамъ идетъ впереди и шепчетъ про себя молитвы; за нимъ гробъ, деревянный, закрытый полотномъ, и головою впередъ; надъ головою чалма или фесъ; только покрывало надъ лицемъ бываетъ иногда съ вышитыми изъ золота стихами изъ корана. Покрывала эти доставляются изъ Мекки изъ храма Кеабе, и въ большой чести у Мусульманъ. Одни Султаны дѣлаютъ исключеніе изъ общаго порядка похоронъ для себя и для своихъ дѣтей; Серальскіе музыки поютъ тихимъ голосомъ, и предъ гробомъ несутся золотыя курильницы съ аромашами. Въ прежнее время новый Султанъ нерѣдко ставилъ себѣ въ обязанность самъ нести нѣсколько шаговъ тѣло своего предшественника, можетъ быть, для искупленія убійствъ, съ которыми было неразлучно его воцареніе.

Когда я видѣлъ въ первый разъ гробовое шествіе Мусульманъ, наиболѣе удивила меня поспѣшность съ которою несется гробъ: Мусуль-

мане съ гробомъ идутъ почти бѣгомъ. Потомъ узналъ я, что и это предписано религіею. Магометъ совѣтуетъ предавать тѣло землѣ какъ можно скорѣе, чтобы покойникъ скорѣе попалъ въ рай, въ объятія гурій, если онъ того заслужилъ, или чтобы скорѣе отдѣлаться отъ недостойнаго Мусульманина, если покойникъ былъ великій грѣховодникъ, и не имѣлъ предосторожности заблаговременно очиститься отъ грѣховъ частымъ несеніемъ тѣлъ на кладбище. Я думаю, что еслибы у Мусульманъ было обыкновеніе возить гробы на дрогахъ, они бы гнали лошадей во весь опоръ; но лошади у нихъ никогда не заслуживаютъ этого рода отпущенія грѣховъ. Старый Турокъ, которому я разсказывалъ, что у насъ это предоставлено лошадямъ, замѣтилъ мнѣ, что это вѣроятно потому, что не было бы ни какой заслуги нести наши гяурскія тѣла.

Въ жаркихъ климатахъ, гдѣ родился Исламизмъ, безъ сомнѣнія, поспѣшность погребенія казалась необходимою Арабскому законодателю. По его смерти также тѣло его было предано землѣ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. И теперь для однихъ Султа-

новъ дѣлается исключеніе изъ общаго правила хоронить тѣло въ самый день кончины. Можно себѣ представить, какъ часто правовѣрные дѣлаются жертвами этой поспѣшности, особенно при неумѣренномъ употребленіи опіума. Разсказываютъ много примѣровъ, что при случайномъ открытіи гроба находили тѣла совершенно не въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ хоронили; но Турки объясняютъ это тѣмъ, что покойникъ былъ столь усердевъ въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, что въ самомъ гробѣ, услышавши голосъ муэзына, всталъ по старой привычкѣ, при помощи своихъ ангеловъ слушниковъ, для совершенія послѣдняго намаза, одного, можетъ быть, котораго не доставало по прежнимъ щетамъ; потому что намазы, пропущенные по болѣзни ли или по другой причинѣ, должны быть исполнены при первой возможности.

Однажды прогуливаясь по кладбищу, при погребеніи Турка почетнаго званія, судя по многочисленной свитѣ эфендіевъ его сопровождавшихъ, я захотѣлъ присутствовать при послѣднихъ обрядахъ погребенія; но Турки просили меня удалиться, потому что они почи-

таютъ не совмѣстнымъ съ достоинствомъ Исламизма, чтобы иновѣрецъ подслушивалъ ихъ молитвы, равно какъ и сами они не любятъ присутствовать при похоронахъ иновѣрца. Я видѣлъ только издалека, что тѣло было немедленно, и безъ всякихъ предварительныхъ обрядовъ и молитвъ, опущено въ землю, яма поспѣшно была засыпана, и тогда имамъ сталъ на колѣна, и преклонясь къ головѣ усопшаго, прошепталъ ему какую-то молитву. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ разошлись.

Я справился потомъ съ Мураджею Охсономъ, этимъ единственнымъ и вѣрнымъ указателемъ во всѣмъ, что относится до Турокъ, до ихъ жизни, отъ колыбели до могилы, по крайней мѣрѣ для насъ, непосвященныхъ въ таинства орiэнтализма. Надѣюсь удовлетворить нѣкоторыми подробностями любопытство читателя, если онъ неохотникъ рыться въ лабиринтѣ религiознаго кодекса Мусульманъ.

Относительныя молитвы состоятъ въ томъ, чтобы Имамъ прежды призвалъ умирающаго или умершаго по имени и по имени его матери. Если имя его матери неизвѣстно, онъ употребляетъ для женщинъ имя Еввы, въ честь ма-

пери человѣческаго рода, а для мужчинъ имя Маріи, въ честь матери Іисуса Христа (*). Въ кодексѣ сказано весьма основательно, что имя матери имѣетъ преимущество надъ именемъ отца, тѣмъ что оно гораздо вѣрнѣе, и никто не ошибается въ имени своей матери. Потомъ читаетъ ему краткую молитву, въ которой заключаются первые догматы Исламизма, нѣсколько разъ напоминаетъ ему, что нѣтъ бога кромѣ Бога, что Магометъ Пророкъ Его, дѣлаетъ возгласъ къ Аллаху, называя его «лучшимъ изъ наслѣдниковъ», потому что онъ не забываетъ правовѣрнаго и въ гробъ, и оканчиваетъ первою главою корана, въ которой заключается Альфа и Омега Мусульманской мудрости. Покойниковъ никогда не отпѣваютъ въ мечети, основываясь на словахъ Магомета, что молитва въ храмѣ по усопшемъ непріятца Аллаху. Обрядъ на самомъ одрѣ умирающаго носитъ особенный отпечатокъ Исламизма: въ то время когда излетаетъ душа правовѣрнаго, при-

(*) Въ моихъ Очеркахъ я имѣлъ уже случай замѣтить, что Мусульмане оказываютъ великое уваженіе къ Пресвятой Дѣвѣ.

существующіе обращаютъ его правымъ бокомъ къ Меккѣ, такъ какъ онъ долженъ лежать и въ самомъ гробѣ, и кладутъ на него саблю — такъ какъ насъ осѣнлетъ въ эту минуту крестъ, эмблема страданій. Послѣднее умовеніе тѣла усопшаго есть только повтореніе религіозныхъ умовеній Магометанъ; въ этомъ случаѣ законъ предписываетъ ароматическія воды и камфору. Его брѣютъ, но тщательно оставляютъ на темени небольшой клокъ волосъ, за который ангелъ смерти долженъ его поднять и потащить куда слѣдуетъ. Въ самой могилѣ оставляется нужное пространство для ангела Гавріила, который придетъ вопрошать покойника о его дѣяніяхъ. Гробъ снабжается чистымъ платкомъ, который послужитъ при умовеніи, когда покойникъ поступитъ въ эдемъ. Въ молитвѣ у самой могилы имамъ проситъ Аллаха, чтобы могила обратилась для своего обитателя не въ яму адскихъ страданій, но въ ложе наслажденій, равныхъ восторженнымъ наслажденіямъ эдема. Достойно примѣчанія, что надъ дѣтьми и надъ сумасшедшими вовсе не читаются молитвы объ успокоеніи души и отпущеніи грѣховъ, потому что дѣтямъ и сумасшедшимъ,

какъ избранникамъ Аллаха, очевидно предстоитъ путь въ сѣни эдема; имамъ проситъ только, чтобы они были предшественниками всѣхъ правовѣрныхъ на пути къ вѣчному блаженству.

Изъ всѣхъ этихъ обрядовъ Исламизма болѣе трогательнымъ показался мнѣ обрядъ насажденія кипариса надъ могилою. Это была новая еще могила дѣвушки знатнаго дома. Двѣ мраморныя плиты, съ золоченною надписью, были только что поставлены, и сохраняли свою дѣвственную и холодную бѣлизну. Нѣсколько женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ, сидѣли коленопреклоненныя и недвижныя на коврахъ, кругомъ могилы, будто семья другихъ надгробныхъ мраморовъ. Невольницы садили цвѣты и покрывали дерномъ недавно изрытую почву, а молодой человѣкъ, братъ или женихъ принятой землею жертвы, садилъ у могилы кипарисную вѣтвь, и поливалъ ее изъ кувшина, котораго форма въ этомъ поэтическомъ обрядѣ напоминала вазы съ чистительною водою языческой древности. Въ этомъ кипарисѣ, въ этихъ могильныхъ цвѣтахъ сосредоточенъ весь трауръ Мусульманъ, потому что они не носятъ траурнаго платья. Тихая, благоговѣйная грусть,

запечатлѣнная на всей этой картинѣ, довершала ея очарованіе, въ живописной долинѣ кладбища, въ элегическій часъ вечера.

Когда я возвратился къ шлюбкѣ, ожидавшей меня у пристани кладбища, солнце закатилось уже за облачною завѣсою Олимпа Вифинскаго, тѣнь раскинулась по пустынямъ Мраморнаго Моря; роскошно обнимала ночь берега Босфора, которые блѣднѣли и постепенно теряли свои формы. Минареты, куполы мечетей, зданія Стамбула—все это было едва обрисовано въ фіалетовомъ туманѣ; надъ ними по синему грунту восточнаго неба плавало широкое облако, а на западѣ еще играли колориты вечера, переливаясь отъ огненно-желтаго въ эмалевый пемносиній цвѣтъ. Азіятскій городъ Скутари лежалъ, какъ черный силуэтъ, между послѣдними огнями запада и Босфоромъ, который принималъ подъ нимъ блескъ красной меди, и въ который погружались опрокинутыя формы Азіятской архитектуры. Море и небо окружили поясомъ изъ блеска этотъ «Золотой городъ», Хрисополисъ древнихъ Греческихъ поселенцевъ.

Каики рѣдѣли на Босфорѣ; лѣниво двигали веслами мои гребцы, будто боясь тревожить

завѣтную тишину вечера, будто угадывая мое желаніе продлить этотъ часъ восторженныхъ ощущеній и сонной нѣги. Никакая пѣсня не разливалась по широкому проливу; пѣсня Архипелажскаго моряка у прибережья его острововъ имѣла для меня особенную прелесть, и когда тонкія трели невидимаго пѣвца разсыпались по темному пространству моря, мнѣ слышались перекликанія Нереидъ въ ихъ поэтической купальнѣ, въ колыбели свѣтлыхъ созданій Греческой миѳологіи. Но на Босфорѣ, среди душистыхъ холмовъ Азіи, одѣтыхъ сумракомъ вечера, будто таинственностію, окружавшею ихъ издревле, среди кладбищъ и спящей столицы Восточнаго Халифа, безотвѣтная тишина была выраженіемъ утомленной нѣги Востока, которая отрадно вливается въ сердце жадное покоя, и среди которой только изрѣдка голосъ часоваго съ Турецкаго флота бросалъ воинственную ноту. Можетъ быть тишина имѣетъ также свои чудесныя гармоніи, свои неуловимыя, неразгаданныя гаммы. Кому не случалось въ часъ полуночнаго одиночества вслушиваться въ безмолвіе природы, для котораго душа имѣетъ какой-то внутренній органъ, за-

глушаемый тревогами дня, и пробуждающійся только въ ночной тишинѣ, чтобы передать душѣ внятный ей шопотъ природы, будто магическую симфонію духовъ, будто музыкальное сновидѣніе?... Кто согласится промѣнять гармоническую тишину этихъ часовъ на лучшій оркестръ чувственнаго міра, внутреннія мелодіи души, невыразимыя никакими звуками, не выражающія никакой страсти, никакой тревоги чувствъ, на голосъ страстей и голосъ страдальческихъ волненій сердца или буйнаго его веселія?...

Мракъ безлунной ночи поспѣшно ложился на море и на берега; только крупныя звѣзды алмазами горѣли на небѣ, и море подъ весломъ горѣло фосфорическою волною. Изрѣдка свѣтились полурастворенныя окна кіосковъ, гдѣ дышали свѣжестію ночи молчаливые Османлы; сомнительные огни обрисовывали рѣшетку гаремнаго окна, будто раму осыпанную блѣдными звѣздами, среди коихъ порою мелькали тѣни таинственныхъ обитательницъ. Берега двухъ материковъ принимали въ темнотѣ самый фантастическій видъ, и воображеніе разгульно могло здѣсь предаваться всѣмъ своимъ прихотямъ,

создавать ландшафты, угадывать заслоненныя темнотою перспективы, строить по берегамъ замки, дворцы и кіоски, разстанавливать пригорки по своему произволу, чтобы бросить въ ихъ объятія рощу или садъ, провести полосу рѣчки или песчаную тропинку, потомъ бродить среди созданнаго имъ царства чудесъ съ тѣмъ чувствомъ завистливой радости, которое ощущаетъ душа, когда она наслаждается собственнымъ своимъ созданіемъ, когда она въ силахъ овладѣть внѣшнею природою, обхватить ее въ свои объятія, и одна, какъ царица, развертываетъ передъ собою ея живописныя страницы. Странный, непостижимый капризъ воображенія! — онъ возбудитъ можетъ быть не одну улыбку;—даже среди восхитительной гармоніи Босфорскихъ ландшафтовъ я любилъ иногда, вмѣсто видовъ, сохраненныхъ вѣрною памятью, создавать по темному грунту ночи мои ландшафты, рисовать на этихъ берегахъ или на высотѣ прибрежныхъ холмовъ представлявшіяся моему воображенію чудесныя зданія, которыхъ типъ найдете чаще въ народныхъ сказкахъ, нежели въ архитектурѣ какого бы то ни было народа.

*

Всматривалсь среди ночной темноты въ формы Босфорскихъ холмовъ, которые, будто густыя облака, улеглись между безоблачнымъ небомъ и зеркальнымъ моремъ, вы угадаете, что научило человѣка созданному на этихъ берегахъ новому роду архитектуры. Куполъ Византійскихъ храмовъ нашелъ чистѣйшій и поэтическій образецъ въ самомъ очеркѣ пригорковъ, которыхъ изумрудная цѣпь обняла здѣсь море. Шпицы и зубчатыя готическія зданія имѣли образцами ели сѣверной Европы и скалы Рейнскихъ береговъ; чистыя линіи горизонта Греціи, и классическія, покойныя формы ея горъ внушили Греческимъ архитекторамъ линіи легкихъ портиковъ и фронтоновъ, а перепутанныя вѣтви банана подали можетъ быть браминамъ идею мистически изгибающихся линій въ архитектурѣ пагодъ.

Въ поздній часъ ночи выглянулъ мѣсяцъ изъ за Скутарскаго кладбища; городъ лежалъ предъ нимъ окутанный туманомъ, будто мертвецъ въ саванѣ; изсреди темноты начали выглядывать берега при лунѣ, которая набрасывала на нихъ блѣдный свѣтъ погребальнаго факела. Но когда красный ея щитъ обратился въ

золотой шаръ, и облака почтительно разступились, чтобы дать мѣсто своей ночной царицѣ по простору неба, когда свѣтъ ея щедро полился на море, на горы, на набережную, на стопушечные корабли, стоящіе предъ дворцами Бешикъ-паши,—этотъ полуночный блескъ показался мнѣ свѣтлымъ сновидѣніемъ надъ уснувшею природою.

Нѣтъ, вы никогда не видали, никогда не вообразите подобной луны на сѣверѣ. Не даромъ говорилъ Неаполитанскій князь Караччіоли, что луна его отечества тепльe Лондонскаго солнца; по крайней мѣрѣ она грѣетъ воображеніе. Луна на сѣверѣ, окутанная туманами, всегда представлялась злою волшебницею, наводительницею всѣхъ дурныхъ помышленій, участницею всѣхъ преступленій, коварнымъ факеломъ порока, разврата и чародѣйства. Поэты ее воспѣвали, подражая поэтическимъ гимнамъ лунѣ южныхъ народовъ; но никогда луна не была предметомъ любовныхъ вымысловъ сѣверныхъ племенъ (*);

(*) Юлій Кесарь говоритъ въ своихъ запискахъ, что огонь, солнце и луна были единственными предметами обожанія Германцевъ; но кажется, что луна была преимуще-

она не нашла своего Эндиміона въ ихъ басновіи; одинъ тѣни умершихъ и траурные Оссіанические призраки окружали небесную дѣвственницу; лучшія созданія древняго романтизма Греціи — Изида, Селена, Діана не могли отразиться въ туманномъ романтизмѣ сѣвера. Колдуньи Махбета готовятъ свои чары при лунномъ сіяніи; но самъ Шекспиръ, когда освѣщаетъ свою драму лучею юга, она обливаетъ любовію и нѣгою страстныя сцены Ромео.

Въ нашъ антипоэтическій вѣкъ вошло въ моду оскорблять и клеветать луну. Жанъ-Поль сдѣлалъ ее горничною нашей земли; злая муза Байрона излила на нее самые язвительные сарказмы, и назвала *цѣломудренную луну* посредницею всѣхъ любовныхъ интригъ, усердною прислужницею проказника Амура. Но это не Босфорская луна, она въ самомъ дѣлѣ цѣломудренная госпожа ночи, потому что въ Стамбулѣ ночныя любовныя приключенія существуютъ только въ разсказахъ путешественниковъ и въ

ственно божествомъ суровыхъ таинствъ Друидокъ, и освѣщала человѣческія жертвы, въ коихъ эти колдуньи угадывали будущее.

народныхъ сказкахъ. Она свѣжа и молода какъ Черкешенка въ семнадцать лѣтъ, хотя ей уже минула по нашему лѣтосчисленію седьмая тысяча лѣтъ. Надъ Босфоромъ проходитъ она съ особеннымъ удовольствіемъ, и съ особенною любовью купается въ его водахъ; здѣсь ея столица, здѣсь находитъ она свой образъ надъ широкими куполами мечетей, на стрѣлахъ всѣхъ минаретовъ, надъ Сералемъ повелителя правовѣрныхъ, на алыхъ флагахъ, которые такъ чванно плещутся въ волнахъ Босфора. И не думайте чтобы эти почести воздавались ей на Босфорѣ съ того только времени, когда полумѣсяцъ Османа, кичливый и грозный, какъ кривая сабля его преемниковъ, взошелъ надъ столицею Константиновъ. Издревле полумѣсяцъ былъ гербомъ Греческой колоніи на берегу Босфора; мы его находимъ на древнихъ монетахъ Византіи, и Магометъ II, возвысивъ его надъ своею столицею, возвратилъ ей, самъ того не зная, древнее ея достояніе.

Въ этихъ мечтаніяхъ, въ этой прогулкѣ прошла большая половина ночи. Я давно уже спалъ на мягкихъ подушкахъ каика, когда меня разбудилъ знакомый голосъ часоваго съ кормы

фрегата Ловичь «кто гребетъ?» — Вольный! (*) отвѣчалъ я съ просонья, и никогда душа не наслаждалась такою полною, безотчетною волею, такимъ сочувствіемъ своего безсмертія и всемогущества. Чрезъ минуту неправильное качаніе кайка и треніе его боковъ о фрегатскій трапъ извѣстили меня, что мы уже пристали. Все спало на фрегатѣ; только часовые опершись на ружье смотрѣли на Босфорскую луну, и вспоминали, можетъ быть, сѣверную луну, не столь свѣтлую, не столь роскошную, плавающую по небу не темноснему по темносѣрому, но луну освѣщавшую родную хижину въ далекой степи сѣвера, сыпавшую свои искры не въ изнѣженную грудь Босфора, но въ скромный ручеекъ родимой деревушки.

Вахтенный Лейтенантъ мѣрными шагами ходилъ по шканцамъ въ ожиданіи восьми склянокъ (**) и смѣны, и казалось скучалъ въ одиночкой бесѣдѣ съ небесною дѣвственницею. Ко-

(*) «Вольный» отвѣчаетъ подъѣзжающій къ военному кораблю, если онъ сидитъ не на военной шлюбкѣ но на вольной.

(**) Четырехъ часовъ утра.

гда я ему напомнилъ, что чрезъ нѣсколько дней мы выйдемъ изъ Босфора, и можетъ быть, никогда болѣе не увидимъ такой луны, онъ выразилъ свою досаду на нее тѣмъ циническимъ эпитетомъ, который далъ лунѣ Байронъ... Потомъ онъ примирился съ луною, и мы съ нимъ долго разсуждали о ея вліяніи на перемѣну вѣтровъ въ морѣ, и о томъ, что Ночи Юнга ни въ какомъ случаѣ не могли быть написаны при Константинопольской лунѣ, и даже въ Босфорскомъ кладбищѣ; что онѣ очевидно внушены въ осеннюю пору, въ дикомъ климатѣ Англіи, на дикомъ кладбищѣ, гдѣ вмѣсто бѣлыхъ мраморовъ торчали черные кресты; что онъ въ самомъ дѣлѣ выраженіе не религіознаго чувства Христіанина, но Великобританскаго сплина. Звонъ восьми склянокъ положилъ конецъ нашей бесѣдѣ, такъ какъ онъ оканчиваетъ или начинаетъ всѣ элегіи. . . .

ГЛАВА VII.

Нарѣчія Босфорскихъ моряковъ. — Шумъ. — Турчанки въ каикахъ. — Ихъ кротость. — Взгляды, вѣеръ и насмѣшки. — Омнибусы. — Древнія и новыя предмѣстія. — Фундукли. — Долма-Бакче. — Корабли на сушѣ. — Дворецъ въ Бешикъ-Таши. — Сказаніе о гаремной ревности. — Этикеты зонтиковъ. — Гробъ Барбаросы. — Куру-чесме.

Если хотите видѣть въ Босфорѣ не одне красоты Природы, но и жизнь, которою одушевляетъ его берега сосѣдство многолюдной столицы, садитесь въ каикъ въ пятомъ или шестомъ часу вечера, когда жители предмѣстій, окончивъ свои дневныя хлопоты въ душномъ Стамбулѣ, возвращаются въ Босфорскіе домы къ своимъ семействамъ. Не одни богачи Стамбула наслаждаются Босфоромъ; промежъ дворцовъ и кіосковъ вдоль набережной часто выглядываютъ и скромные домики, въ коихъ живутъ убогія семейства. Бѣдный Турокъ или раія, просидѣвши цѣлый день въ своей лавкѣ, въ базарѣ, ѣдетъ ввечеру въ предмѣстіе, подышать чистымъ воздухомъ Босфорской ночи. Въ эту пору устье

залива Золотаго Рога, между Галатою и Сералемъ, усѣяно тысячами каиковъ; васъ оглушаютъ пронзительные крики гребцовъ, которые должны взаимно предостерегаться, и глядѣть во всѣ стороны, потому что малѣйшее столкновеніе каиковъ влечетъ за собою гибель; опасность увеличивается еще отъ остроконечнаго и окованнаго въ желѣзо носа, который выдается далеко впередъ, и легко можетъ пробить тонкіе бока другаго каика и бока сидящихъ въ немъ людей. Гребцы имѣютъ свое особенное нарѣчіе, состоящее большею частію изъ весьма выразительныхъ ругательствъ, которыя звонко раздаются среди гармоніи вѣтра, волнъ и веселъ. Усердіе ихъ къ своимъ сѣдокамъ развязываетъ имъ языкъ при опасныхъ встрѣчахъ съ другими собратами по ремеслу, и безъ сомнѣнія ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ Турецкимъ въ наглости ругательствъ. Чѣмъ строже предписываетъ Магометъ благопристойность въ рѣчахъ, тѣмъ усердпѣе послѣдователи его закона, съ гиперболическою смѣлостію своего восточнаго воображенія, выдумываютъ брани, и такія отъ которыхъ покраснѣютъ даже набожные Нпаліянцы. От-

цамъ, дѣдамъ и прадѣдамъ, ихъ вѣрѣ, ихъ гробу, ихъ бородѣ, ихъ чалмѣ — всему достается, на все есть особенныя фразы, составляющія курсъ жесткаго краснорѣчія Босфорскихъ гребцовъ. Объ этомъ не худо предувѣдомить всякаго, кто намѣренъ посѣтить Константинополь, чтобы онъ не мучилъ своего переводчика вопросами о значеніи тѣхъ фразъ, которыя чаще всего будутъ поражать его слухъ въ каїкахъ по Босфору.

Другаго рода шумъ оглушитъ васъ, когда освободившись отъ плывучаго муравейника каиковъ, и выплывши изъ залива, поѣдете вдоль купеческихъ кораблей, стоящихъ въ нѣсколько рядовъ у Галатской набережной. Ихъ можетъ быть, нѣсколько тысячъ, всѣхъ формъ, всѣхъ размѣровъ, всѣхъ націй. Можетъ быть на всѣхъ производятся какія нибудь работы, а въ Средиземномъ Морѣ всякая работа на кораблѣ, подъ парусами или на якорѣ, сопровождается необыкновеннымъ шумомъ. Тянутъ ли веревки, сгружаютъ ли товары, поднимаютъ ли якорь — всѣ матросы въ одинъ голосъ кричатъ, для подкрѣпленія ли своихъ силъ, или для того чтобы согласнѣе работать, и среди

этого громоваго *tutti* раздается голосъ шкипера въ рупоръ, какъ труба Іерихона. Есть даже особенные припѣвы для разныхъ корабельныхъ работъ, и матрозъ усерднѣе работаетъ и забываетъ усталость, когда самъ реветъ подъ такть концерта, составленнаго изъ рева двадцати пѣвчихъ, которые не имѣли другаго учителя, кромѣ урагана и моря.

По мѣрѣ удаленія вашего отъ залива и отъ Галаты шумъ утихаетъ, ваше плаваніе свободнѣе, и вы можете любоваться дружными усиліями гребцовъ, чтобы перегнать щегольской каикъ, въ которомъ Франкъ или богатый Турокъ возвращается изъ Стамбула. — Здѣсь ругательства рѣже, за то взаимныя насмѣшки и хвастовство гребцовъ одушевляютъ ваше плаваніе, или напоминаютъ вамъ поговорки Гомеровскихъ возницъ на ристалищахъ. Порою вы съѣдитесь съ великолѣпнымъ каикомъ, въ которомъ сидятъ, катаются ли по Босфору, или ѣдутъ въ свой домъ въ предмѣстіе Турчанки богатаго гарема. Это плывучая батарея, и васъ приведетъ въ смущеніе бѣглый огонь черныхъ глазъ. Турчанки сидятъ на коврѣ или на подушкахъ въ нижней части каика; вы видите

одиѣ ихъ головы, окутанныя покрывалами, и порою бѣлую ручку, безъ перчатки, съ окрашенными ногтями, со множествомъ колецъ и съ браслетомъ, съ вѣеромъ — этимъ легкимъ телеграфомъ любви въ нашей учено-кокетной Европѣ, но безсмысленнымъ въ рукахъ восточной кокетки. Вѣера эти чрезвычайно просты, сдѣланы изъ гусиныхъ или изъ павлиныхъ перьевъ, рѣдко съ украшеніями; ихъ равно употребляютъ и мужчины и женщины, вмѣсто зонтика отъ солнечныхъ лучей и для освѣженія лица въ душное безвѣтріе. Но вѣеръ, видѣнный мною въ рукахъ Султана Махмуда, ослѣпилъ меня блескомъ драгоцѣнныхъ камней, которыми были унизаны его павлиныя перья. Мужья совѣтуютъ Турчанкамъ употреблять вѣеръ въ каикахъ для закрытія своего лица, и безъ того слишкомъ закрытаго, когда проѣзжаетъ любопытный Франкъ. Но это ревнивое правило мало соблюдается. Если присутствіе строгой старухи не обуздываетъ кокетной веселости Босфорскихъ Нимфъ, если каикъ не придерживается близко къ берегу, откуда, можетъ быть, падаетъ на нихъ свинцовый взглядъ правовѣрнаго, считающаго себя въ правѣ рев-

новать не одной своей дражайшей половинѣ, по всему поколѣнію Мусульманокъ, вы можете безбоязненно любоваться на шалости вашихъ спутницъ, даже подслушивать ихъ насмѣшки надъ вашею круглою шляпою и надъ всею вашею особою. Очень рѣдко, чтобы онѣ обидѣлись, если вы слишкомъ пристально на нихъ смотрите. Турчанка вовсе не заботится о томъ чтобы ее уважали, будь она жена перваго вельможи; вниманіе Франка лестно для женскаго ея самолюбія; если она и разсердится, самый гнѣвъ ея имѣетъ какое-то дѣтское кокетство. Вообще Турчанки въ кайкахъ становятся гораздо обходительнѣе и вѣжливѣе нежели въ Стамбульскихъ улицахъ, гдѣ ихъ дерзость не знаетъ границъ. Черныя невольницы сидятъ на колѣняхъ на носѣ, недвижныя и безчувственныя, точно фигуры арапокъ, которыя торчатъ подъ бушпритомъ кораблей въ Средиземномъ Морѣ. Гребцы гаремныхъ затворницъ — народъ покорный и молчаливый, и они нерѣдко сами участвуютъ въ тайныхъ похожденіяхъ своихъ барынь. Мужчинъ другихъ кромѣ гребцевъ въ одномъ кайкѣ съ Турчанками порядочнаго дома никогда не увидите. Ни мужъ, ни братъ, ни

отецъ, ни сынъ, развѣ малолѣтнее дитя, никогда публично не покажется вмѣстѣ съ женщинами, ни на гуляньяхъ ни въ каикахъ; даже гаремные стражи евнухи весьма рѣдко ихъ сопровождаютъ; одни черныя невольницы неразлучны съ ними какъ тѣни, и иногда старая вѣдьма, которой ввѣренъ присмотръ за поведеніемъ молодыхъ женъ Турка.

Между легкими каиками увидите иногда каики особенной формы, тяжелые и огромные и биткомъ набитые народомъ; шесть или восемь здоровыхъ гребцовъ гребутъ каждый однимъ веломъ, и за каждымъ размахомъ весла привстаютъ и присѣдаютъ. Это такъ называемые Базаръ-каики, или Долмюшь-каики, которые ежедневно отправляются изъ предмѣстій въ Стамбулъ и обратно, и за нѣсколько *паръ* перевозятъ простолюдимовъ, ремесленниковъ и лавочниковъ. Они служатъ Босфорскими омнибусами, и заведены здѣсь въ то время, когда въ Европѣ еще не думали объ омнибусахъ. Но отличительная черта ихъ отъ нашихъ дилижансовъ и омнибусовъ та, что въ нихъ женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, согласно съ правилами восточной благопристойности, и по-

тому не ищите въ нихъ ни интриги, ни приключеній. Они много облегчаютъ сообщенія столицы съ предмѣстіями, отстоящими на нѣсколько миль. Всѣ племена, населяющія Султанскую столицу, соединяются въ этихъ каикахъ, изъ которыхъ иные вмѣщаютъ сотни пассажировъ. Поутру чуть свѣтъ Базаръ-каикъ отправляется изъ самыхъ далекихъ предмѣстій Европейскихъ и Азіятскихъ, и придерживаясь берега сзываетъ пассажировъ, пока есть мѣсто для ихъ помѣщенія; номерованныхъ мѣстъ въ нихъ нѣтъ; народъ укладываютъ какъ сельдокъ; вы сдалека увидите только грузъ головъ.

Отправляясь въ предмѣстія гребцы обыкновенно придерживаются весьма близко къ Европейскому берегу. Лежа въ каикѣ, почти не чувствуя его движенія, вы можете вообразить, что предъ вами скользитъ галлерея видовъ и картинъ, что вамъ снится одинъ изъ чудныхъ сновъ того возраста, когда молодое воображеніе облекаетъ избыткомъ собственной жизни свои созданія. Высокій холмъ облѣпленъ коричневыми домами, промежъ коихъ торчатъ пирамидальные кипарисы, или раскинута тѣнь сада;

это Фундукли, первое Босфорское предмѣстіе, населенное большею частію Турками. За нимъ тянется по набережной садъ Долма бахче; здѣсь въ прежніе годы праздновались буйныя оргіи Янычаръ; онъ запущенъ; на немъ роковая печать Султанской опалы; развѣ изрѣдка мелькнетъ покрывало Турчанки; въ поздній часъ вечера вы подумаете, тѣнь несчастной жертвы, которая навѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ пропировала свое предсмертное пиршество. Но въ этихъ мѣстахъ бродятъ и другія героическія тѣни: вмѣсто варварскихъ именъ Фундукли и Долма-бахче мы находимъ въ древнихъ хроникахъ классическія имена Эантіонъ и Язоніонъ, завѣщанныя этому берегу рыцарскою спариною Босфора и Греціи. Здѣсь были гіэроны двухъ полубоговъ; предъ Янычарскимъ садомъ стоялъ на якорѣ Язонъ съ своимъ кораблемъ на пути въ Колхиду. Аяксъ (погречески Эасъ) былъ одинъ изъ полубоговъ-покровителей Византіи, потому что Византійцы вели свой родъ отъ Мегарцевъ, а Мегарцы отъ Саламинянъ, которые сражались подъ знаменами Аякса. Это благоговѣйное почитаніе древняго героя было между племенами Греціи какъ-

бы залогомъ родства далекой колоніи съ метрополіею, какъ-бы фамильнымъ гербомъ и дворянскою грамотою для поселенцевъ, которые дорожили своимъ происхожденіемъ отъ древняго племени, и нерѣдко на своихъ конгрессахъ основывали на немъ свои политическія права. Когда Христіанская вѣра разрушила гіэроны языческихъ героевъ, на мѣстѣ древняго Эантіопа основалось предмѣстіе Аргирополисъ, «Серебряный городъ,» какъ-бы въ пару «Золотому городу,» Хрисополису, нынѣшнему Скутари, который лежитъ насупротивъ на материкѣ Азіи.

Видите ли долину, которая прячется съ купою своихъ платановъ и съ своимъ мраморнымъ фонтаномъ между садомъ и предмѣстіемъ? Знаете ли какое событіе напоминаетъ она? — Здѣсь были вытащены галеры Магомета II, подняты на гору, по такой дорогѣ, по которой на силу проѣдетъ теперь неуклюжая Турецкая карета, проведены на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, и къ ужасу осажденныхъ спущены въ заливъ Золотаго Рога, закрытый цѣпью. Персидскій царь заслужилъ только насмѣшки Грековъ своими письмами къ горамъ и

казнію Геллеспонта; но Магометъ, въ сочувствіи силъ своихъ и съ фаталистическою вѣрою въ свое предназначеніе, погонялъ своего копя въ море, и приказывалъ галерамъ итти черезъ горы.

Берегъ бѣжитъ отъ насъ, какъ убѣгаютъ призраки старины; мы плывемъ вдоль Султанскаго дворца Бешикъ-таши; это одно изъ тѣхъ произведеній Турецкой архитектуры, которыя осуществляютъ чудесныя сказанія о дворцахъ Халифовъ. Онъ составленъ изъ длинной двуэтажной галереи, перемежанной легкими павильонами изъ рѣзьбы и позолоты, съ арабесками и золотыми надписями изъ корана. Море подмываетъ мѣстами окна нижняго этажа, и мѣстами входитъ чрезъ рѣшетчатыя двери въ сокровенные заливы, чтобы участвовать въ тайнахъ гаремовъ. Бѣлые занавѣсы втораго этажа полощутся отъ вѣтра, и придаютъ что-то воздушное этому дворцу. Въ прежніе годы Султанъ переселялся сюда на лѣто вмѣстѣ съ своимъ гаремомъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ часть дворца сгорѣла; это было осенью; гаремъ Султана еще жилъ здѣсь; пожаръ занялся въ самомъ гаремѣ; евнухи и вну-

трешняя стража Балтаджи не позволили одалыкамъ спасаться, и около шридцати женщинъ сдѣлались жертвою пламени. Убѣжокъ для казны былъ значителенъ, потому что въ этомъ числѣ погибли женщины цѣною въ пятьдесятъ и во сто тысячъ піастровъ. Въ народѣ пошелся слухъ, будто пожаръ былъ слѣдствіемъ гаремныхъ интригъ, будто новая любимица возбудила ревность обиженныхъ соперницъ, а ревность Турчанки столь же буйна, какъ и неудовольствіе Янычарскаго полка, и не одинъ разъ зажигала пожары. Махмудъ самъ изсреди пламени спасъ предметъ своей страсти, и на другую ночь, вслѣдъ за жертвами ужасной ночи пожара, другія жертвы Султанскаго правосудія были преданы волнамъ Босфора. Дворецъ былъ выстроенъ чрезъ два года съ новымъ великолѣпіемъ, но уже давно Махмудъ разлюбилъ этотъ пышный сераль, и теперь проводитъ лѣтніе мѣсяцы въ новопостроенномъ дворцѣ на Азіятскомъ берегу въ Беглербеѣ. Густыя рѣшетки по всѣмъ окнамъ опустѣлаго гарема хранятъ еще тайны этого храма нѣги, покинутаго и мрачнымъ его божествомъ и его жрицами. Прежде капкчи съ робостію проѣзжалъ подъ

дворцемъ, и не смѣя поднять взоры на завѣтныя его окна, изкоса глядѣлъ на ту рѣшетку, за которою сидѣлъ повелитель правовѣрныхъ и любовался своимъ Босфоромъ. Въ небольшое отверстіе въ рѣшеткѣ была вставлена зрительная труба, и бѣда несчастному раіи, который бы проѣхалъ въ каикѣ слишкомъ щегольскомъ, или въ шапкѣ непозволенныхъ размѣровъ. Вдоль дворца не позволялось держать ни зонтика ни опахала въ каикахъ, чтобы никто не могъ скрыть своего лица отъ незримаго Падишаха. Курить трубку, смѣяться, громко разговаривать, указывать на дворецъ, даже всматриваться въ окна, все это считалось уголовнымъ преступленіемъ. И теперь все это соблюдается въ проѣздѣ предъ новымъ дворцемъ, но уже не съ такою строгостію и болѣе по старой памяти.

За дворцемъ Бешикъ-таши вы увидите на берегу моря надгробный памятникъ великаго Хайрудинъ-Паши, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Барбаросы, Алжирскаго пирата и Великаго Адмирала Турецкаго флота при Солиманѣ II. Соперникъ Доріи, бичь Средиземнаго Моря, покрывшій пепломъ Сицилію, приведшій въ тре-

нетъ Римъ и Геную, и наполнившій базаръ Стамбула тысячами плѣнныхъ семей, послѣ продолжительной оргіи своей жизни, заключившейся оргіею вина и безпутства въ Босфорскомъ кіоскѣ, легъ на долгій отдыхъ подъ кипарисомъ, а буйная его стихія еще бушуетъ предъ его гробомъ, и бури Босфора какъ сновидѣнія тревожатъ гробъ пирата. Каждое лѣто Султанскій флотъ строится въ линію предъ сералемъ Бешикъ-паши и предъ гробомъ величайшаго изъ своихъ адмираловъ; но вся слава Оттоманской морской силы лежитъ кажется вмѣстѣ съ нимъ подъ кипарисомъ, и никакое преобразованіе Махмуда не возкреситъ ея изъ праха.

Сестры Султана имѣютъ свои дворцы въ сосѣдствѣ этого мѣста. Нѣтъ ни одного окна открытаго; вездѣ рѣшетки; здѣсь одни женщины и евнухи, и сцена всѣхъ сплетней и соблазнительныхъ разсказовъ Стамбула. Предмѣстіе Куру-чесме наводитъ воспоминанія другаго рода: великолѣпные домы на набережной принадлежали митрополитамъ, членамъ Греческаго Синода и княжескимъ домамъ Фанарьотовъ. Все опустѣло, или другіе обитатели сидятъ у

тѣхъ оконъ, у коихъ висѣли тѣла казненныхъ святотателей. Здѣсь посѣтилъ я стараго моего знакомца, восьмидесятилѣтняго приходскаго священника, который былъ свидѣтелемъ всѣхъ несчастій омрачившихъ это цвѣтущее предмѣстіе. Онъ занялъ часы нашей бесѣды трогательнымъ разсказомъ о приключеніяхъ молодой его прихожанки. Этотъ простой разсказъ послужитъ можетъ быть картиною быта Босфорскихъ жителей, въ особенности въ бѣдственную для нихъ эпоху возстанія Греціи.

Рис. К. Брюловъ.

Грав. Пищалкинъ

ЗАФИРА

Босфорская Джульета.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ старикъ Сотири жилъ въ Босфорскомъ предмѣстіи Куручесме, удаленный отъ дѣлъ, и отдыхалъ въ кругу своей семьи отъ усталостей долгой, промышленной жизни, проведенной съ дѣтскаго возраста въ базарахъ Стамбула. Онъ нажилъ достаточекъ для содержанія своего семейства, съ которымъ доволѣ онъ могъ видѣться только по вечерамъ, когда возвращался домой послѣ дневныхъ заботъ, подкрѣпляемый перспективою тихаго вечера жизни, продолжительнаго отдыха преклонныхъ лѣтъ, предшествующаго послѣднему сну. Добрая жена, двѣ дочери, воспитываемыя подъ руководствомъ приходскаго свя-

щенника, составляли все его семейство, всѣ радости старика, а честное имя, кроткій нравъ и знаніе людей и дѣлъ, пріобрѣтенное долгимъ опытомъ дѣятельной и добродѣтельной жизни, доставили ему всеобщее уваженіе его единовѣрцевъ. Они выбрали Спиридія Главою своего городка и церковнымъ старостою. Протекло два года этой патріархальной жизни, извѣстной только темнымъ семействамъ поселеннымъ на Босфорѣ, единообразной, безмятежной, чуждой и несбыточныхъ желаній и тревожныхъ увеселеній. Ея однообразіе прерывали только церковные праздники и праздники Природы, въ весеннюю пору, когда дѣвушки сходились въ садахъ собирать розы, или рѣзвыми группами бѣгали по горамъ за фіалками, изъ коихъ дѣлались потомъ варенія и шербеты для вельможъ, и въ пору осени когда молодые поселяне съ пѣснями, напоминающими Вакхическіе гимны древнихъ Ѳракійцевъ, собрали дань виноградниковъ, раскинутыхъ зеленою скатертью по горамъ.

Но наступала эпоха, когда другія событія должны были набросить нѣсколько сценъ другаго рода, цѣлую Турецкую драму съ кинжалами и съ насиліемъ среди этого продолжитель-

наго праздника, и одѣнь трауромъ головы увѣнчанныя цвѣтами. Такова была весна 1821 года; природа улыбалась человѣку въ своемъ Босфорскомъ царствѣ, а человѣкъ или свирѣпѣлъ и мешался кровожаднымъ звѣремъ, въ пору весенней улыбки ея, или издавалъ вопль безсильнаго отчаянія среди садовъ и рощъ привѣтствуемыхъ первою пѣснію соловья.

Когда начались тревоги Дунайскихъ Княжествъ, Турецкому правительству вездѣ снились заговоры, бунты, измѣны, и во всѣхъ углахъ, гдѣ укрывалось въ уединеніи и въ неизвѣстности Греческое народонаселеніе, были разставлены караулы и палачи. Вмѣсто того чтобы обратить вниманіе на вольныхъ горцевъ Румеліи, поднятыхъ уже на ноги бунтомъ Алипаши, на племена Мореи, которыя вздыхали въ неволѣ и ждали только одного призыва, одного смѣлаго голоса, чтобы открыть послѣдній актъ трехвѣковой своей трагедіи, и окреститься для новой жизни въ своей крови и въ крови невѣрныхъ — Диванъ излилъ всю свою месть на робкое и беззащитное народонаселеніе городовъ. Босфорскія предмѣстія живо сохраняютъ воспоминанія этой эпохи, и въ каждомъ изъ нихъ

найдете вдовъ и сиротъ, и услышите грустныя повѣсти. Предмѣстіе Куру-чесме болѣе другихъ пострадало, потому что въ немъ имѣли свое пребываніе богатыя семейства и многія изъ первыхъ лицъ духовной и свѣтской аристократіи Грековъ, и они-то сдѣлались первыми жертвами Султанской опалы. Простой народъ съ робостію смотрѣлъ на падающія головы богачей, и на безжизненные трупы, качаемые вѣтромъ у тѣхъ самыхъ оконъ, съ коихъ наканунѣ любовались Босфоромъ бояре и архіереи.

Стражи изъ вооруженной черни, подъ начальствомъ какого нибудь бродяги, были разставлены по всѣмъ предмѣстіямъ. Доколѣ вся полиція Босфора состояла изъ десяти или пятнадцати Бостанджи и Янычаръ въ каждомъ предмѣстіи, съ однимъ кулукчи, т. е. начальникомъ гауптвахты; жители пользовались совершенною безопасностію; за порядкомъ наблюдали старосты, а Турки безоружные цѣлый день дремали въ кофейномъ домѣ, или пили кофе и курили на счетъ жителей, ввѣренныхъ бдительности ихъ. При томъ такъ какъ эта стража долго и постоянно пребывала въ одномъ

мѣстѣ, но сама она свыкалась съ народомъ, и жила съ нимъ въ мирѣ. Все измѣнилось въ эту эпоху казней: Турки или одичали, при видѣ крови, или съ тайною радостію ожидали случая предаться разгульной жизни, обжившись грабежемъ, и среди мира вкушать все чѣмъ война плѣняетъ воображеніе Азіятца.

Въ Куру-чесме былъ назначенъ *Забитомъ*, или военнымъ и полицейскимъ начальникомъ, адмиралтейскій офицеръ Османъ, одинъ изъ тѣхъ, которые съ титломъ Чаушей разсылаются ежегодно отъ Капитанъ-паши по островамъ Архипелага и по приморскимъ городамъ подвѣдомымъ адмиралтейской власти, сбирать подати для Капитанъ-паши и подарки для себя. Онъ служилъ прежде въ корпусѣ Каліонджи, флотскихъ солдатъ, самыхъ буйныхъ изъ всѣхъ ополченій Турціи. Морская жизнь, опасности и праздность долговременнаго плаванія, эти внезапные переходы отъ злой борьбы съ гигантскими силами Природы въ принужденную лѣнь; видъ вольнаго океана и неволя человѣка, запертаго въ темной массѣ корабля какъ въ плывучей тюрьмѣ, — все служитъ къ тому, чтобы закалить характеръ, дать своенравное развитіе страстямъ, привесть

всѣ чувства, всѣ движенія души въ какую-то безотчетную тревогу; а если съ этимъ соединится кровь,пылящая въ себѣ огонь южныхъ климатовъ и зародышь пылкихъ чувствованій,тогда человѣкъ выходитъ изъ обыкновенной сферы своей дѣятельности, тогда образуются эти великіе характеры моряковъ, эти герои, будто неземные, коимъ поприще широкое море, или человѣкъ обращается въ звѣря, свирѣпствующаго по пустынѣ океана; въ этой школѣ образовались и благородные рыцари моря отъ древнихъ Аѳинянъ до нынѣшнихъ Грековъ, и пугалища моря, эти пираты, которые стряхнули съ себя всѣ чувства связывающія человѣка узами гражданства, въ которыхъ дыханіе бури раздуваетъ только пожаръ свирѣпыхъ страстей. Османъ провелъ свое дѣтство и первую молодость на Алжирскомъ корсарѣ; когда Европейскія державы принудили Алжирцевъ запереться въ своихъ гаваняхъ, онъ вступилъ въ службу Султана, и сдѣлался извѣстнымъ на флотѣ по неукротимости своего характера. Его стали употреблять для сбиранія податей съ острововъ, и его отправленіе считалось наказаніемъ для провинившихся островитянъ, между которыми онъ заслужилъ прозви-

ще „Дели-Османа, т. е. отчаяннаго Османа (*). „Для подобныхъ людей наступившая въ Константинополѣ эпоха, была истиннымъ праздникомъ; онъ выбралъ Куру-чесме мѣстомъ своихъ оргій. Около пятидесяти вооруженныхъ бродягъ, завербованныхъ имъ изъ среди правовѣрной черни, составляли его стражу. Онъ съ ними поселился въ домѣ казеннаго архіерея, и началъ «наблюдать за порядкомъ.»

Сопирп вмѣстѣ съ священникомъ и съ другими почетными горожанами униженно предсталъ къ нему въ первый день его прибытія, съ засвидѣтельствованіемъ своей вѣрности и покорности, а главное съ подарками. Дели-Османъ ихъ принялъ какъ паша; послѣ предварительныхъ угрозъ на всѣхъ измѣнниковъ, и

(*) Дели собственно значитъ *безумный*; но это болѣе почетное наименованіе военныхъ людей, и означаетъ въ нихъ отчаянную, слѣпую храбрость. Въ преждемъ войскѣ были цѣлые отряды подобныхъ *молодцевъ*, которые составляли авангардъ, и первые съ холоднымъ оружіемъ бросались въ схватку. Многіе Паши и Визири гордились прозвищемъ Дели. Какой-то Французъ путешественникъ перевелъ чинъ Дели-Баши, начальника Делієвъ—*chef des fous.*

припоминаній, что Девлету (*) извѣстны самые тайные замыслы, какъ видно изъ казни архіерея и бояръ, онъ объявилъ имъ повелѣніе Порты отобрать все оружіе у Грековъ. Депутаты предложили сами представить все что могло у нихъ храниться, свои охотничіе ножи, заржавыя ружья, съ которыми они стерегли свои огороды и виноградники. На другой день груда всякаго стараго оружія была въ домѣ Османа; онъ выбралъ самое негодное и отправилъ въ арсеналъ, куда со всего Константинополя свозилось тогда оружіе отобранное у Грековъ, а остальное частію роздалъ своимъ, частію послалъ въ Скутари продавать въ свою пользу.

Прошло нѣсколько дней; поселяне, напуганные сперва славою, которая предшествовала Осману, ушѣшались по крайней мѣрѣ тѣмъ, что будутъ знать надъ собою одного тирана, что если онъ будетъ съ ними обходиться круто, по крайней мѣрѣ защититъ ихъ отъ Турецкой черни, которая ватагами налетала отъ

(*) Девлетъ, благополучіе; такъ называютъ Турки свое правительство.

времени до времени на предмѣстія, грабила и искала случая проливать кровь. Они знали, что имя Дели-Османа было извѣстно всѣмъ бродягамъ и было у нихъ въ уваженіи, и что никто не посмѣетъ безъ его воли бушевать тамъ гдѣ онъ былъ начальникомъ. Оставалось только частыми подарками и лестію покупать его милость и ласкать его стражу.

Но Дели-Османъ сталъ скучать сею новою для него ролью защитника, и въ душѣ проклиналъ поселянъ, что они успѣли вкрасться въ его милость, и не давали ему повода высказать наклонности другаго рода. Между тѣмъ онъ сталъ освѣдомляться о состояніи своего маленькаго царства, и въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о немъ наиболѣе занимала его старанья о хорошенькихъ женахъ и дочеряхъ Куру-чесмейскихъ жителей. Такъ какъ всегда бываетъ въ Турціи въ смутныя времена, всѣ хорошенькія личики укрылись въ домахъ за рѣшетками, чтобы не надѣлать сумашохи.

Дели-Османъ придумалъ законное средство навѣстить семейства въ домашнемъ ихъ быту, и удостовѣриться собственнымъ наблюденіемъ: въ самомъ ли дѣлѣ женщины въ Куру-чесме

были такъ хороши, какъ о нихъ носилась молва. Онъ объявилъ предмѣстію, что онъ собирается дѣлать осмотръ всѣмъ домамъ, и искать нѣтъ ли спрятаннаго оружія. На это онъ имѣлъ свои повелѣнія отъ Бостанджи-баши, Босфорскаго военнаго губернатора, по случаю тому, что гдѣ-то въ саду у одного богатаго Грека была найдена старая пушка. Безъ сомнѣнія несовсѣмъ согласовались съ высокимъ достоинствомъ Забита дѣлать самому этотъ обыскъ, но онъ не хотѣлъ ввѣрить своимъ солдатамъ такое щекотливое порученіе, чтобы они не сдѣлали какихъ нибудь безчинствъ въ домахъ раіевъ.

Въ день назначенный для обыска всѣ семейства должны были сидѣть дома; священникъ сопровождалъ сыщиковъ съ ихъ Забитомъ; такъ было повелѣно отъ Дивана, чтобы успокоить жителей и расположить ихъ къ покорному пріему. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Порты проглядывало тогда опасеніе общаго бунта, не смотря на то что оружіе было отобрано, и что этотъ обыскъ былъ только пустою формою. Обыскъ начался съ дома Сотирія, который, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія, вышелъ самъ

на встрѣчу къ Туркамъ и повелъ ихъ къ себѣ, мучимый безпокойствомъ на щетъ старшей своей дочери.

И не даромъ боялся старикъ; Зафира его была красавица; черные живые глаза, брови очерченныя рѣзкою дугою, длинныя и густыя ресницы, лице съ румянцемъ, круглое и полное, роскошныя формы стана — все это дѣлало ее земною гуріею въ глазахъ Османлы. Ей наступалъ пятнадцатый годъ, и отецъ начиналъ уже думать о женихѣ; будь она замужна, ей бы не грозили тѣ опасности, которыя окружаютъ хорошенькую дѣвушку въ Турціи, въ предмѣстіи гдѣ квартируютъ сорокъ человѣкъ бандитовъ, и въ такую критическую эпоху. Въ глазахъ Турокъ супруга во всякомъ случаѣ неприкосновеннее дѣвушки, и молодой мужъ лучшій защитникъ нежели старый отецъ; жену они могутъ уважать, какъ принадлежащую по праву мужу и господину, но дѣвушка представляется глазамъ ихъ еще не купленнымъ товаромъ, и въ высшей степени возбуждаетъ ихъ Азіятскую ненасытность.

Зафира въ это время, прижавшись къ матери вмѣстѣ съ младшею сестрою, чувствова-

ла какой-то дѣтскій страхъ, боязненный инстинктъ женщины при мысли что Турки, коими съ самаго дѣтства было напугано ея воображеніе, войдутъ въ домъ. Она слышала многіе разсказы, какъ были увезены дѣвушки, какъ были распроданы на рынкѣ, и потомъ содержались въ гаремахъ, или дѣлались жертвою дикой ревности Турка. Она знала какія опасности влечетъ за собою красота беззащитной дѣвушки. Она только отъ матери своей слышала, что она хороша, но ничей голосъ еще не взволновалъ ея сердца, не пробудилъ въ немъ тѣхъ чувствъ, которыя служатъ откровеніемъ молодой дѣвушкѣ, и научаютъ ее первымъ тайнамъ женской жизни. Она была дитя въ душѣ, какъ рѣдко бываетъ полуденная женщина въ пятнадцать лѣтъ. Мы увидимъ какая сила характера таилась въ этомъ дитяти, невѣдомая до той минуты, когда первый и роковый привѣтъ жизни вырвалъ его изъ среди семейнаго и очарованнаго круга дѣтскаго быта.

Мать съ двумя дочерьми приняли у порога своихъ полудикихъ гостей; онѣ были подъ покрывалами. Дели-Османъ насупилъ брови и спросилъ, такъ ли онѣ сидятъ у себя въ домѣ,

и зачѣмъ шакъ нарядился, когда законъ позволяетъ христіанкамъ показываться безъ покрывалъ? Одинъ взглядъ этого человѣка, одинъ звукъ его голоса обдалъ страхомъ Зафиру, и робкое предчувствіе сжало ея сердце. Чрезъ минуту женщины съ открытымъ лицемъ вышли къ Туркамъ, и подали имъ шербеты, кофе и трубки. Лице Турка прояснилось при видѣ двухъ хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя сами должны были исполнять эти обряды восточнаго гостепріимства. Онъ неподвижно устремилъ свои взоры на Зафиру, и страстно слѣдовалъ за всѣми ея движеніями, а она не смѣла на него взглянуть, краснѣла и блѣднѣла, стоя предъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ, и была готова плакать со страха.» Замужна ли ты?— спросилъ онъ у нее, стараясь придать своему голосу выраженіе нѣжности, и любуясь ея смятеніемъ.

— Моя дочь не разумѣетъ по-Турецки, отвѣчала за нее мать; она еще не замужна, она еще молода и глупа.

Османъ досадовалъ на себя, видя какое впечатлѣніе онъ произвелъ на дѣвушку, и сталъ

смѣяться и говоришь ласково съ родителями, чтобы заслужить благосклонность дочери.

— Я тебя люблю старикъ, говорилъ онъ, поглаживая свой усъ, и пуская изо рта и изъ ноздрей струи дыму; я знаю, что ты вѣрный раія и умный человѣкъ. Клянусь тебѣ Богомъ, покуда я здѣсь никто не обидитъ ни тебя, ни твоего дома (*); я не дамъ тебя въ обиду хотя бы самому Бостанджи-Баши; Османъ сдержитъ свое слово; положись на меня.

Сотири усердно кланялся въ поясъ, прикладывая руку то къ сердцу, какъ это дѣлаютъ Греки въ своихъ привѣтствіяхъ, то къ устамъ и ко лбу, по обычаю Турокъ. Но онъ не зналъ какъ понять, чему приписать эти неожиданныя ласки, это двусмысленное вниманіе Османа, котораго глаза съ Турецкимъ сладострастіемъ впивались въ оробѣвшую дѣвушку, даже когда онъ говорилъ отцу.

На другой день Забитъ послалъ за Сотиріемъ. Въ домъ, гдѣ еще недавно жилъ Архіерей, куда съ благочестіемъ сходились въ празд-

(*) Т. е. семейства; такъ должно выражаться по правиламъ Турецкой благопристойности.

пичные дни старосты предмѣстія, просить пастырскаго благословенія или принести церкви первинки своихъ садовъ, полупьяные служители съ шумомъ и съ бранью встрѣтили старика, и повели его къ Осману, который съ нѣсколькими молодцами изъ своей шайки провалъ во внутреннихъ покояхъ. Бродяги успѣли въ нѣсколько дней заклеймить осквернѣніемъ архіерейскій домъ; атмосфера была напитана густымъ дымомъ трубокъ и винными испареніями; по стѣнамъ висѣло оружіе; кучами валялись по угламъ разорванныя церковныя книги и иконы, съ коихъ были содраны дорогіе оклады. Хохотъ, крики и рыданія раздавались въ пріемной комнатѣ. Когда Сотири вошелъ туда, его поразила отвратительная сцена: на богатомъ и запачканномъ диванѣ сидѣли Османлы, которые продолжали свою оргію подъ предсѣдательствомъ достойнаго своего начальника; посреди комнаты стояли или валялись на полу три мальчика, приведенные туда съ кофейнаго дома, и нѣсколько пьяныхъ Турокъ, съ омерзительными ласками и съ угрозами, наряжали ихъ въ ризы архіерея, и хотѣли, чтобы они позабавили ихъ представленіемъ церковныхъ обря-

довъ своего богослуженія, а дѣти рвались отъ нихъ и плакали, ужасаясь грѣха, и еще болѣе ужасаясь дикой веселости вооруженныхъ бродягъ.

— Хошь-гельди, добропожаловать старикъ, весело сказалъ Дели-Османъ, видя что Сопири стоялъ у дверей, и не смѣлъ перешагнуть за порогъ. Мнѣ скучно стало безъ тебя; надо чтобы ты участвовалъ въ нашемъ кейфѣ; мы теперь хотимъ повеселиться до наступленія луны рамазана, а къ тому же насъ обрадовали добрыя вѣсти; сегодня поутру мои молодцы были въ Стамбулѣ и видѣли тамъ сорокъ мѣшковъ съ ушами и съ носами гяуровъ; Паши прислали эштотъ пешкешь (гостинецъ) Девлету изъ Румеліи и изъ Рущука, и скоро пришлютъ въ добавокъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.

Дели-Османъ продолжалъ еще свой краснорѣчивый разсказъ объ ушахъ и о плѣнныхъ, а его товарищи не переставали мучить несчастныхъ дѣтей, и забавляться ихъ страхомъ и богобоязненнымъ уваженіемъ къ ризамъ, въ которыхъ недѣли за три до того, на Пасхѣ, служилъ Архіерей, и которыя сдѣлались теперь предметомъ варварскихъ забавъ.

Сопири счелъ долгомъ Христіанина воспользоваться благорасположеніемъ Забита, чтобы освободить дѣтей и прекратить оскверненіе святыни.

— Эфенди, сказалъ онъ Турку, эти одежды безполезны вамъ; онѣ не заслуживаютъ и нашего Христіанскаго уваженія, потому что онѣ принадлежатъ человѣку, котораго мудрый Девлетъ казнилъ какъ преступника. Отдайте мнѣ ихъ; я ихъ сожгу здѣсь на вашемъ дворѣ, и примите отъ меня въ замѣнъ кусокъ краснаго сукна на платье.

По одному взгляду Османа мальчики были выпущены изсредп пьяныхъ его товарищей.

— Эта одежда и иконы, и все что хочешь взять изъ этаго дома, все твое старикъ; говори мнѣ чего еще желаешь; Османъ все для тебя сдѣлаетъ; онъ тебѣ другъ сердечный. Но присядь ко мнѣ; есть до тебя дѣло.

Всѣ Турки вышли и оставили своего начальника наединѣ съ старикомъ, который болѣе и болѣе приходилъ въ удивленіе отъ этихъ милостей; онъ по опыту зналъ, что ласки сильнаго Турка не къ добру; и въ эту минуту нсожиданныя ласки испугали его болѣе всѣхъ слы-

шапныхъ имъ угрозъ и болѣе чѣмъ встрѣча съ палачемъ.

Дели-Османъ подалъ ему деревянную флягу съ виномъ; Турки, когда они пьютъ запоемъ, пьютъ уже не рюмками и не стаканами, а имѣютъ для этаго деревянныя фляги въ двѣ или три бутылки, и предпочитаютъ эту посуду всякой другой, потому что она не прозрачна и не измѣняетъ правовѣрному, когда онъ тайкомъ отъ сосѣдей снабжаетъ свой уединенный кейфъ запрещеннымъ напиткомъ. Для Сципія фляга имѣла въ этомъ случаѣ ту выгоду, что онъ могъ обманывать услужливое гостепріимство хозяина, и предохранять свою голову отъ винныхъ паровъ, которые перешли уже на носъ Османа весь румянецъ его лица.

Видно было что Турокъ запрудился приступить къ дѣлу; онъ повторялъ нѣсколько разъ изъявленія своей дружбы и обѣщанія покровительства, и съ почтительною ласкою давалъ старику прямо въ зубы трубку, которую самъ онъ закурилъ.

— *Джанымъ*, душа моя, сказалъ онъ наконецъ, ты знаешь, что я теперь первое лице въ

Куру-чесме; самъ Визирь и Бостанджи-баши мнѣ ввѣрили это предмѣстіе, и препоручили мнѣ надзоръ за поведеніемъ раіевъ.

— Да благословитъ Аллахъ высокостепенныхъ пашей, за достойный ихъ выборъ, отвѣчалъ Грекъ съ поклономъ.

— Ты умно говоришь; но дѣло въ томъ, что я могу здѣсь дѣлать что хочу; раздавать милости кому мнѣ вздумается, душить всѣхъ, отъ ходжа-баши (старшины) до его садовника.— Тутъ онъ, для произведенія бо́льшаго эффекта, выразилъ жестомъ нѣсколько родовъ смертей, и сталъ опять поглаживать усъ, не измѣняя важности своей позы.

— Ишаллахъ эфенди, намъ бѣднымъ посылать отъ тебя доставшуюся одну милости и ласки.

— Бакалумъ, увидимъ,' сказалъ Турокъ; но если у тебя есть какой нибудь злодѣй, кто бы тебя обидѣлъ въ прежніе годы, укажи мнѣ его, и я принцу предложу и съ нимъ раздѣлаюсь; а имѣніе долю въ казну, долю намъ съ тобою.

— Благодарю за ласку эфенди, сказалъ Сопири голосомъ, который измѣнялъ внутреннее его волненіе; я здѣсь со всѣми въ мирѣ; да и не-

перь кто осмѣлится меня обидѣть въ мои лѣта, когда всякій знаетъ твое ко мнѣ расположеніе?

Новое молчаніе; но сгустившіяся струи дыма выражали нетерпѣливость Османа, и его глазъ часъ отъ часу становился мрачнѣе, отъ мысли которая его мучила, или отъ вина.

— Сколько лѣтъ твоей дочери? спросилъ онъ вдругъ у старика, который начиналъ уже подозрѣвать къ чему клонились ласковыя рѣчи Турка.

— Она еще дитя, отвѣчалъ онъ съ наружнымъ спокойствіемъ, лѣтъ двѣнадцати, тринадцати, не болѣе.

— А можетъ быть и болѣе, старикъ; зачѣмъ скрывать ея лѣта? Вѣдь я желаю и тебѣ и ей всякаго добра, и думаю, что въ теперешнее время не хорошо имѣть въ домѣ дѣвушку, да еще красавицу; надо ее выдать замужъ.

— Дастъ Богъ пріищу ей жениха между нашими горожанами.

— Не быть этому, сказалъ громовымъ голосомъ Османъ, выбросивъ изъ рукъ свою длинную трубку, и дико взглянулъ на старика; я

самъ уже полгода безъ жены; мнѣ понравилась твоя дочь, я беру ее въ жены.

Старикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ при этомъ ужасномъ объясненіи, которое подтверждало безпокойныя его предчувствія.

Онъ упалъ въ ноги варвару, упоенному вином и любовью, и просилъ его не отнимать у него дочери. Турокъ то грозилъ ему висѣлицею, то снова принимался ласкать, и увѣрялъ, что дочь его будетъ съ нимъ счастлива, будетъ законною его женою, онъ назначитъ ей приданное, и не принудитъ ея перемѣнять вѣру. Въ этихъ переходахъ отъ гнѣва къ ласкамъ, не разъ Дели-Османъ хватался за длинный ятаганъ, съ которымъ Турокъ не разстается даже въ часъ кейфа. Сопири воспользовался минутнымъ успокоеніемъ его, чтобъ попросить срока на совѣщаніе съ женою, и обѣщалъ дать положительный отвѣтъ.

— Срокъ тебѣ три дня, сказалъ Османъ; но я жду не отвѣта а дочери твоей, чтобы повести ее въ Мехкеме (*); не то, старикъ, тебя

(*) Мехкеме—судъ; браки Мусульманскіе совершаются въ судѣ, а не въ мечети; бракъ дѣло гражданское а не духовное.

повѣшу какъ невѣрнаго гяура, а ее возьму силою.

Сотири возвратившись домой нашелъ жену и дочерей въ безпокойствѣ за продолжительную его отлучку; онъ силился скрыть отъ нихъ свое волненіе; онъ успокоилъ ихъ выдуманнымъ разсказомъ, но не одинъ разъ онъ не имѣлъ силы поднять глаза на старшую дочь, и ея голосъ проливалъ ядовитую горечь въ отцовское сердце.

Сотири спѣшилъ на совѣщаніе къ приходскому священнику, отцу Іоиѣ, другу его семейства, умному и добродѣтельному старику, который пользовался неограниченною довѣренностію своихъ прихожанъ, почти всегда разбиралъ и судилъ возникающія между ними распри, и избавлялъ ихъ отъ суда кадіевъ, а въ эту эпоху всеобщаго страха былъ ихъ ангеломъ-утѣшителемъ. Тогда только у олтаря могли искать утѣшеній Христіане, или вооружаться вѣрою мучениковъ и съ яснымъ челомъ склонять главу подъ сѣкиру палача. Сама религія терпѣла кровавыя гоненія; но Провидѣніе какъ будто для того только допускаетъ отъ времени до времени эти гоненія, чтобы она про-

являлась во всемъ непреоборимомъ могуществѣ первыхъ ея дней, и возвышалась торжествующею среди бѣдъ. Въ Турціи всякій Христіанинъ приговоренный къ смерти имѣетъ вѣрное средство не только спасти свою жизнь и имущество, но даже пріобрѣсти особенную благосклонность правительства и народа,—стоитъ только отречься отъ своей вѣры. Не смотря на это, во всю эпоху гоненій на Грековъ изъ тысячи казненныхъ не было ни одного примѣра отступничества. Подобные періоды казней скрѣпляютъ только святые узы религіи, неразрывные съ народностію Грековъ.

Отецъ Іона давно уже предугадывалъ виды Турка на хорошенькую дѣвушку. Онъ не зналъ что сказать въ утѣшеніе отцу, чѣмъ пособить ему. Бѣжать вмѣстѣ съ семействомъ было уже невозможно; кромѣ того, что бѣгство старосты подвергло бы все селеніе мстительности бродягъ, уже всѣ замѣтили, что папрули, ходившія по ночамъ, не выпускали изъ глазъ его дома; можетъ быть по приказанію Османа бродяги стерегли жертву, обреченную его страсти.

— Могъ ли я предвидѣть, говорилъ Сотири,

что я долженъ буду умолять Бога, чтобы онъ отнялъ у меня мое дитя? Или мнѣ же быть дѣтоубійцею, поднять руку на мое рожденіе, какъ Авраамъ на Исаака? Но моей Зафирѣ не быть за Туркомъ; она со страха умретъ лишь только узнаетъ о своей судьбѣ.

Священникъ съ простымъ краснорѣчіемъ чувства спалъ ему говорить объ испытаніяхъ Іова.

— Я не ропщу на Провидѣніе, отвѣчалъ несчастный родитель; но я вправѣ желать смерти моей дочери; она чиста и невинна какъ ангелъ, и изъ родительскихъ объятій пусть лучше перейдетъ въ объятія ангеловъ чѣмъ въ руки этого убійцы. Но скажи мнѣ, святый отецъ, если дочь моя пожелаетъ смерти, если и мать ея и я и ты, предпочитаемъ смерть несчастной дѣвушки ея посрамленію и вѣчной ея гибели, вправѣ ли мы предъ Богомъ ускорить ея кончину?

Старикъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, обрекая смерти дочь, которой ужасная судьба еще болѣе усиливала его горячую родительскую любовь — эту святую страсть переживающую всѣ страсти въ нашемъ сердцѣ, и согрѣваю-

щую остылую старость не буйными вспышками юношеской любви, но чистымъ, неугасимымъ пламенемъ.

— Крѣпись духомъ, мой сынъ, сказалъ наконецъ священникъ, который нѣсколько минутъ не прерывалъ молчанія, и казалось былъ занятъ какою-то новою мыслію. Крѣпись духомъ и вѣрою въ Божій промыселъ; еще осталась надежда спасти твою Зафиру, и хотя жизнь ея подвергнется опасности, однако испытаніе неизбѣжно.

— Говори, мой отецъ, прервалъ его Сотири голосомъ дрожащимъ отъ страха и надежды; она на все будетъ готова, все перенесетъ; она слабая дѣвушка, но вѣра въ ней крѣпка и дѣтскіе страхи ея не превозмогутъ.

Священникъ сообщилъ ему единственное средство, которое оставалось для спасенія Зафиры отъ Османа и отъ смерти.

Не задолго предъ тѣмъ былъ казненъ въ Ташавлѣ, Греческомъ предмѣстіи въ сосѣдствѣ Перы, одинъ изъ подрядчиковъ Адмиралтейства, Калогеоргій, и тѣмъ заключились всѣ его счеты съ казною; не въ одну эту эпоху Порта любила такого рода расправы съ своими заимо-

давцами. Сынъ его двадцатилѣтній Панагіоти былъ одолженъ своимъ спасеніемъ великодушію Чауша, посланнаго отъ Порты за его отцемъ. Старикъ лежалъ больной, когда къ нему явился Чаушъ съ повелѣніемъ представиться въ Паша-Капысы, къ Визирю; онъ думалъ, что его зовутъ за расплатою, и хотѣлъ послать вмѣсто себя сына, но Чаушъ не согласился. Старикъ долженъ былъ встать, и едва держась на ногахъ и поддерживаемый своимъ сыномъ, спустился съ горы, на которой лежитъ предмѣстіе, до пристани. Сынъ былъ готовъ сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ каикъ, но Чаушъ ему не далъ, посадилъ старика, отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему на ухо: «Отецъ твой болѣе не воротится; жаль мнѣ твоей молодости; спасайся куда нибудь, пока о тебѣ не вспомнили.»—Панагіоти стоялъ еще какъ оглушенный громомъ, а Чаушъ уже отчалилъ съ его отцемъ. Къ чести Турецкаго характера скажемъ здѣсь, что подобныя черты жалости проглядывали иногда даже въ Чаушахъ, которые съ утра до вечера въ эти дни собирали людей на казнь. Медлить было нечего; молодой сирота побѣжалъ домой, скрѣпя сердце, переодѣлся

въ платье чернорабочаго, взялъ въ карманъ сколько нашлось денегъ, и пошелъ искать пріюта, покуда представится случай сѣсть въ корабль и бѣжать отъ своихъ палачей. Онъ уже нѣсколько дней скрывался въ домѣ отца Іоны, отцовскаго его друга, и вмѣстѣ съ нимъ оплакивалъ свое горе. Священникъ рѣшился ему ввѣрить судьбу Зафиры. Онъ пошелъ къ нему на чердакъ, въ которомъ онъ скрывался, и разсказалъ ему всѣ обстоятельства Сопиріи и его дочери. — «Тебя постигло несчастіе, мой сынъ, но я полагаюсь на твою твердость, и ты не откажешься отъ христіанскаго долга спасти несчастную дѣвушку, которой самъ Богъ назначаетъ тебя спасителемъ. Ты долженъ бѣжать отъ палачей, и провидѣніе даетъ тебѣ спутницу, которая будетъ спутницею всей твоей жизни.» — Онъ разсказалъ ему, что единственное средство спасти Зафиру былъ гробъ; но гробъ, изъ котораго она выйдетъ, если Богу будетъ угодно укрѣпить ее на это испытаніе, и если усыпительное не обманетъ общихъ ихъ ожиданій. Въ Константинополѣ вещь весьма обыкновенная жениться на дѣвушкѣ, которой никогда женихъ не видалъ; родители или сва-

хи все устроиваютъ, и приводятъ къ вѣнцу молодыхъ, незнакомыхъ между собою, и — говорятъ—браки здѣсь не бываютъ несчастнѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ. По эту странную женитьбу устроила сама судьба: смерть отняла отца у жениха, гробъ даримъ ему невѣсту, и голосъ религіи побѣдилъ колебанія великодушнаго сироты. Одними слезами и отеческимъ благословеніемъ Сотири могъ выразить свою признательность избавителю, котораго провидѣніе посылало его дочери.

Отецъ Іона былъ хорошо знакомъ съ одним изъ лучшихъ аптекарей въ Перѣ; священники нерѣдко пользуютъ своихъ прихожанъ въ деревняхъ, и болѣе или менѣе имѣютъ практическія свѣдѣнія въ медицинѣ. Они всегда совѣтуются съ врачами и съ аптекарями, и потому, не опасаясь возбудить подозрѣнія мѣстной полиціи, которая смотрѣла за каждымъ шагомъ горожанъ, онъ отправился въ Перу, и въ тотъ же вечеръ возвратился съ усыпительнымъ. Судьба нѣсколькихъ лицъ зависила отъ его силы; священникъ счелъ необходимымъ открыть аптекарю свою тайну, и для какой цѣли онъ требовалъ лекарства, и на сколько часовъ полагалъ

нужнымъ его дѣйствіе. Онъ зналъ, что жизнь человѣка, принимающаго довольно сильный пріемъ наркотическаго, чтобы впасть въ долгое усыпленіе, подвергается великой опасности; онъ разсказалъ аптекарю возрастъ и сложеніе здоровья Зафиры, и положился на его науку.

Оставалось получить согласіе самой героини, которой красота надѣлала столько хлопотъ всему предмѣстію. Отецъ ручался въ ея согласіи; онъ хорошо зналъ свою дочь; онъ болѣе боялся затрудненій со стороны своей жены, и потому препоручилъ священнику, чтобы онъ приготовилъ старуху къ этому испытанію. Мать Зафиры съ ужасомъ замѣтила вниманіе, которое обращалъ Турокъ на ея дочь въ день своего посѣщенія; она не смѣла сообщить мужу черныя свои предчувствія; прошло два дня; она думала, что безпутный бродяга уже позабылъ хорошенькую дѣвушку, а старикъ съ своей стороны не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости, чтобы разсказать женѣ о своемъ свиданіи съ Туркомъ и о его угрозахъ.

Священникъ, возвратившись изъ Перы, отправился въ домъ Сонирія; его посѣщеніе обрадовало добрую семью; въ это время рѣдко,

рѣдко кто выходилъ изъ дому безъ крайней нужды; всякій прятался въ своемъ углу, чтобы не обращать на себя вниманія Турокъ. При томъ, такъ какъ со дня на день всякаго могли превозгласить измѣнникомъ, заговорщикомъ, и предать казни, то благоразуміе предписывало скрывать отъ бдительной полиціи свои родственныя и дружескія связи; всякаго рода связи съ лицемъ обвиненнымъ наводили подозрѣніе.

Оставшись наединѣ съ матерью Зафиры, священникъ сталъ говорить ей о твердости, необходимой каждому, и въ особенности матери семейства въ эту годину испытаній, и о томъ, что какъ мать и какъ Христіанка, она должна быть на все готова, послѣ трагическихъ происшествій, которыхъ театромъ сдѣлалось мирное доколѣ предмѣстіе. Въ этомъ первый разгаръ злобы Турецкаго правительства и еще болѣе Турецкой черни на Грековъ, всѣ они свыклись съ мыслію всеобщаго кровопролитія въ Константинополѣ, и истребленія всего ихъ племени, по приказанію ли Дивана, или отъ неистовства черни. Всѣ знали, что не одинъ разъ въ Диванѣ, при прежнихъ возстаніяхъ Грециі, эта мѣра была предложена. Отобраніе оружія у

Грековъ въ самой столицѣ, гдѣ нельзя было и думать объ ихъ возстаніи, еще болѣе подкрѣпляло иногда это опасеніе. Турецкая чернь гласно говорила на улицахъ, что она ожидала со дня на день приказанія рѣзать беззащитныхъ раіевъ. Манифестъ Султана, повелѣвавшій всѣмъ правовѣрнымъ вооружиться, съ одной стороны возбудилъ въ Туркахъ ихъ старинный звѣрскій фанатизмъ, съ другой навелъ трепетъ на Грековъ, при полномъ сочувствіи ихъ безсилія. Кто могъ, бѣжалъ изъ Константинополя, но для этаго нужны были большія средства; шкипера купеческихъ судовъ безчеловѣчно пользовались этою эпохою, чтобы набавлять фракты; да и сами они подвергались опасности быть повѣшенными на реяхъ вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, если найдется на кораблѣ бѣглецъ. При всемъ этомъ въ массѣ угнѣтеннаго народа было видно болѣе спокойной, хотя часто безнадежной рѣшимости, нежели паническаго страха. Я видѣлъ тогда семейства, которыя на ночь запирались въ каменныхъ кладовыхъ домовъ, чтобы въ случаѣ пожара—а пожара ожидали съ каждою ночью, какъ сигнала къ общему кровопролитію — вмѣстѣ задохнуться, но не попасть

въ руки палачей. (*). Можетъ быть должно благодарить провидѣніе, что при ежедневныхъ казняхъ и убійствахъ ни одна жертва не оказала сопротивленія; всякій подавлялъ въ себѣ инстинктъ самосохраненія, зная, что малѣйшее смятеніе можетъ подать поводъ къ общему кровопролитію.

Эти обстоятельства лучше пояснятъ тогдашнее положеніе въ Константинополѣ матери двухъ взрослыхъ дочерей. Дотолѣ ее утѣшали увѣреніями, что однимъ богачамъ и знатнымъ людямъ грозила бѣда, что ея семейство было охранимо своею безвѣстностію. Рѣчи священника возбудили въ ней страхъ общаго истребленія ея единовѣрцевъ.—«Киріе элеисонъ», прошептала она, и просила священника причастить ее и ея семейство святыхъ тайнъ, чтобы быть готовыми къ смерти.

— Если ты на все готова, сказалъ священ-

(*) Большіе домы въ Константинополѣ имѣютъ обыкновенно каменныя кладовыя, чтобы спасать пожитки отъ пожаровъ. Онѣ закрываются герметически; разумѣется, что когда кругомъ горитъ, въ нихъ не можетъ спастись ни одно живое существо.

никъ, я сообщу тебѣ горестное извѣстіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты узришь надъ собою и надъ своимъ семействомъ перстъ Божественнаго промысла.

Онъ разсказалъ ей все. Мать съ покорностію услышала приговоръ священника и отца надъ Зафирою.

Между тѣмъ Сотири приготовилъ дочь къ ужасному испытанію. Твердость и спокойствіе дѣвушки, въ которой дѣтская боязнь Турокъ пересилила страхъ быть заживо похороненною, возвратили вполнѣ отцу сдѣлимость и хладнокровіе, нужныя въ столь критическихъ обстоятельствахъ.

Въ тотъ же вечеръ Зафира слегла; отецъ съ притворнымъ испугомъ побѣжалъ къ первому вооруженному Турку, котораго встрѣтилъ въ предмѣстіи, и съ бахчишемъ въ рукахъ просилъ себя проводить въ Перу за лекаремъ. Онъ ночью привелъ аптекаря, того самаго, который былъ уже предувѣдомленъ священникомъ. Весь домъ былъ въ хлопотахъ, и уже Дели-Османъ узналъ, что Зафира опасно заболѣла. На другое утро отецъ въ слезахъ, въ испугѣ, вбѣжалъ къ нему съ извѣстіемъ, что

онъ спалъ наканунѣ убѣждать свою дочь, что бы она за него вышла замужъ, и она опъ спраха занемогла. Онъ просилъ за нее помилованія; приписывалъ это ея молодости, и тому что оружіе эфендія напугало ея воображеніе; просилъ его повременить, и давалъ обѣщаніе, что если выздоровѣетъ, онъ склонитъ ее на этотъ бракъ. Въ то же время онъ спалъ унижено просить Османа, чтобы онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, чтобы онъ обезпечилъ будущее ея состояніе; хвалилъ доброе ея сердце, ея кротость—словомъ употребилъ всѣ хитрости, всѣ изворотцы, которымъ научала его опасность и родительская любовь, чтобы не дать Турку ни малѣйшаго подозрѣнія. Дели-Османъ не могъ не вѣрить испугу и слезамъ отца; онъ самъ спалъ его утѣшать, съ кротостію упрекалъ его, что онъ слишкомъ неосторожно объявилъ дочери любовь его, что надо было предварительно объяснить ей, что онъ у себя въ домѣ, въ гаремѣ, вовсе не носитъ оружія, что она будетъ вся въ шаляхъ и въ алмазахъ, и другія подобныя нѣжности. Одно только встревожило старика, который на силу могъ скрыть свою радость, видя какой благопріятный обо-

ромъ принимали обстоятельства: Дели-Османъ въ знакъ живаго участія, какое онъ принималъ въ здоровьи своей невѣсты, предложилъ Сопиріо послать за Эмиромъ, извѣстнымъ заговаривателемъ болѣзней и чудодѣемъ, однимъ изъ тѣхъ, которые получаютъ содержаніе отъ мечетей, чтобы стоять на Стамбульской набережной, недалеко отъ табачной таможни, и лечить правовѣрный народъ по весьма умѣренной таксѣ (*). Старикъ призадумался, но отказаться отъ этого было неблагоразумно; онъ чувствительно благодарилъ Османа, и просилъ его не откладывать ни на минуту.

(*) Эмиры въ особенности славятся леченіемъ рожи érésipèle) — болѣзни весьма обыкновенной въ Константинополѣ. Не знаю, всѣ ли потомки дочери Магомета Фатиме, носящіе титло Эмировъ или Князей, имѣютъ эту чудесную силу, напоминающую наслѣдственную привиллегію древнихъ Французскихъ королей лечить рукоприложеніемъ золотушные зобы — или только тѣ, которыхъ часто видѣлъ я на Стамбульской набережной. Къ большому моему удивленію видѣлъ я Грековъ, Армянъ и Евреевъ, въ особенности женщинъ, которые прибѣгали къ нимъ съ просьбою произнести надъ ними завѣтныя слова, и повести рукою по больной щекѣ. Если два народа сойдутся, первая вещь которую сообщатъ они другъ другу — народныя ихъ суевѣрія.

Между тѣмъ онъ поспѣшилъ домой предупредить жену о посѣщеніи Эмира. Лице Зафиры было обмыто лимоннымъ сокомъ, чтобы получить болѣзненный видъ, глаза ея наперпы лукомъ, чтобы распухнуть и одичать, и несчастная страдалица окутанная въ одѣяла играла какъ могла роль отчаянно больной. Когда ввели Эмира, въ комнатѣ была темнота; тускло теплилась лампада у иконы надъ головою страдалицы; священникъ читалъ молитвы, аптекарь, мать, отецъ, служанки — все кругомъ суетились; столъ былъ уставленъ лекарствами. Эмиръ однимъ взглядомъ далъ замѣтить, что присутствіе священника и иконы было ему непріятно; это предвидѣли акперы нашей драмы, но съ умысломъ подверглись неудовольствію фанатика, зная, что онъ получилъ отъ Османа повелѣніе ихъ не обижать. Притомъ Эмиры и Дервиши заговариватели нерѣдко бываютъ въ домахъ суевѣрныхъ христіанъ Стамбула, и знаютъ что ихъ ожидаетъ у постели больнаго встрѣча съ греческимъ попомъ, тѣмъ болѣе ненавистнымъ для нихъ, что иногда сами Турки, потерявъ надежду на своихъ чудодѣевъ, тайкомъ прибѣгаютъ къ Греческо-

му духовенству , прося прочитать надъ собою христіанскую молитву. Извѣстно , что Султанъ Селимъ , по случаю тяжкой болѣзни любимой жены, призвалъ Греческаго Патріарха въ Сераль, и заставилъ его отслужить молебенъ. Угнетенное духовенство терпѣливо сноситъ подобныя поруганія.

Когда священникъ съ иконою вышелъ изъ комнаты, Эмиръ началъ бормотать надъ больною свои заклинанія. Потомъ спросилъ у матери, въ какой части тѣла засѣла болѣзнь; ему указали на лобъ и на виски; онъ нѣсколько минутъ съ таинственнымъ видомъ и методически водилъ по нимъ пальцами и всею ладонью, приговаривая свои заклятія для изгнанія злаго духа. Наконецъ онъ трижды прошепталъ ей какія-то слова въ каждое ухо по очереди, взялъ отъ старика пару *рубье* (*), сказалъ ему учтивое *берекьятъ-версынъ* «да дастся тебѣ изобиліе» — и пошелъ донести Осману, что гяурка тяжело больна, и что если въ книгѣ предопредѣленія написана ея смерть, она неминуемо должна умереть. Къ этой утѣшительной но-

(*) Золотая монета въ три піастра.

вости онъ прибавилъ, что правовѣрному не прилично жениться на нечистой Христіанкѣ; что онъ несмотря на темноту въ комнатѣ и на слабость своего зрѣнія, и даже на благочестивую скромность, не позволяющую всматриваться въ открытое лице женщины, увидѣлъ однакожъ, что она блѣдный уродъ, съ распухшими глазами. Магометъ, строго запрещая всякое прикосновеніе правовѣрнаго къ жент идолопоклонкѣ, разрѣшилъ своимъ послѣдователямъ законные браки съ Христіанками и Еврейками, и сожитіе съ невольницами тѣхъ же исповѣданій (*). Но строгіе Мусульмане — а Эмиры щеголяютъ строгостію въ вѣрѣ своего вдохновеннаго предка, и фанатическою ненавистью ко всѣмъ племенамъ гяуровъ — съ неудовольствіемъ видятъ брачные союзы Мусульманъ съ невѣрными. Зеленая чалма давала право этому нищему князю безнаказанно дѣлать укоры могучему бродягѣ. Османъ терпѣливо его выслушалъ, сунулъ ему въ руки бакшишъ, и учтиво выпроводилъ до своего порога.

(*) Мусульманкѣ выйти за невѣрнаго ни въ какомъ случаѣ не позволяется. Въ бракахъ Мусульманина съ иновѣркою всѣ дѣти должны принадлежать религіи отца.

Рано утромъ вопли женщинъ возвѣстили предмѣстію, что Заѳира дочь Сотирія скончалась. Ее исповѣдывалъ отецъ Іоа, укрѣпилъ ея вѣру, сказалъ ей, что по пробужденіи ожидаетъ ея благородный и достойный женихъ, который на всегда ее избавитъ отъ Турокъ; но въ то же время напомнилъ ей, что жизнь ея въ опасности, что она сойдетъ усыпленная въ могилу, но сонъ этотъ можетъ обратиться въ непробудный сонъ смерти. Тогда переходила она — невинная дѣва къ небесному жениху. Онъ увѣщевалъ ее подумать, предпочтетъ ли провѣсти свою жизнь женою, или лучше сказать рабою Турка, и быть матерью Мусульманъ, если даже ея самой не заставятъ перемѣнить вѣру, или ввѣриться волѣ провидѣнія, и съ покорностію подвергнуться страшному испытанію гроба.

— Святый отецъ, сказала въ умиленіи дѣвица, для меня Османъ страшнѣе гроба; если Богу будетъ угодно взять меня теперь къ себѣ, я умираю здѣсь, въ кругу моей семьи, и подъ крестомъ и подъ твоими молитвами: я умираю съ вѣрою въ рай, потому, что ты отпустишь мнѣ мои грѣхи; меня отпоютъ и похоронятъ

какъ Христіанку, и я буду въ христіанскомъ кладбищѣ, гдѣ по мнѣ будутъ служить панихиды, и всѣ будутъ оплакивать несчастную Зафиру, потому что всѣ меня любили. Но если возьметъ меня Турокъ, я сама изъ его оконъ брошусь въ море, куда бросаютъ Турчанокъ... Она хотѣла дать обѣтъ вступить въ монастырь, если спасется отъ смерти и выйдетъ живая изъ гроба; но священникъ сказалъ ей, что отецъ озаботился о ея судьбѣ, что ея ожидаетъ женихъ, который увезетъ ее въ другую землю, что она разлучится на время только съ родными.

Мать въ слезахъ подала Зафирѣ стаканъ съ усыпительнымъ прѣмомъ. Въ эту минуту мать потеряла всю свою твердость, и нужны были нѣжныя увѣщеванія дочери, чтобы ее успокоить. Она обратилась къ священнику, къ аптекарю и къ мужу, и заклинала ихъ увѣрить ее, что ея не обманываютъ, что это не ядъ, что ея не заставятъ подать своею рукою стаканъ съ ядомъ несчастной дочери. Зафира перекрестилась и выпила. Она долго еще разговаривала съ своими родителями, утѣшала ихъ надеждами, которыхъ можетъ быть

сама не имѣла, и чувствуя что ее клонитъ ко сну, призвала младшую сестрý, распростилась съ нею и со всѣми домашними, и въ послѣдній разъ проспла родительскаго благословенія.

Надъ нею читалась отходная. Ни младшая сестра, никто въ домѣ, кромѣ отца и матери не зналъ тайны. Всѣ плакали; и родителей слезы были искренни; величіе обрядовъ сопровождающихъ смерть Христіанина, неизвѣстность судьбы ихъ дочери, заставили ихъ пролить горячія слезы надъ нею, и никогда не возсылались Творцу молитвы теплѣе и ревностнѣе.

Въ Турціи покойниковъ хоронятъ въ самый день смерти; предъ вечеромъ простой деревянный гробъ былъ вынесенъ изъ дома Сотирія; онъ былъ открытый, по обычаю Грековъ. Зафира была въ праздничномъ своемъ платьѣ, съ крестомъ и съ иконою на груди, съ вѣнцемъ изъ бѣлыхъ розъ на дѣвственной головѣ: гробъ какъ женихъ принимаетъ дѣву подъ вѣнцемъ изъ бѣлыхъ розъ и въ бѣлой одеждѣ. Смертная блѣдность, частію слѣдствіе ея безчувственности, частію искусственная, покрывала лице спящаго ангела, и ея прекрасныя чер-

ты приняли все величіе, коимъ облекаетъ смерть лице невинности и добродѣтели.

Вся деревня соболѣзновала родителямъ, которые, рыдая слѣдовали за гробомъ. Всѣ узнали, что Зафира умерла со страха отъ того, что ее хотѣлъ насильно взять Дели-Османъ, и это обстоятельство, возбуждая опасенія всѣхъ родителей, еще болѣе увеличивало ихъ участіе въ ея судьбѣ. Не смотря на боязнь отъ Турокъ, которая заставляла жителей сидѣть дома взаперти, многіе присоединились къ гробовому шествію. Мѣстами по улицамъ пасмурно глядѣла на нихъ Турецкая стража; она въ этомъ гробѣ, въ этихъ слезахъ, въ этомъ соболѣзнованіи видѣла горькій упрекъ своему Забитту отъ всего предмѣстія. Но Дели-Османъ, глубоко опечаленный, и можетъ быть терзаемый совѣстію за смерть молодой дѣвушки, строго приказалъ своимъ бандитамъ не безпокоить и не обижать раіевъ.

Кладбище смежно съ церковію; поспѣшно была вырыта могила; но отпѣвши тѣла самъ отецъ вмѣстѣ съ аптекаремъ закрыли гробъ, оставивши проходъ для воздуха. Маша упала въ обморокъ со страха при этихъ послѣднихъ

обрядахъ; ее отнесли на рукахъ домой, и гробъ былъ опущенъ въ землю. Священникъ предварительно подъ клятвою сообщилъ тайну этихъ похоронъ сторожу церкви и кладбища, который былъ въ то же время могильщикомъ. Могилы здѣсь роются весьма не глубоко: слой земли не болѣе какъ въ два фута покрываетъ гробъ; было весьма легко продѣлать незамѣтно отверстіе для воздуха.

Доселѣ женихъ не показывался; между тѣмъ какъ отпѣвали невѣсту, которую такъ неожиданно назначила ему судьба, онъ съ своей стороны дѣлалъ приготовленія къ бѣгству. Въ этомъ онъ не могъ обойтись безъ содѣйствія Турка. Къ счастію онъ могъ полагаться на преданность и вѣрность двухъ Янычаръ, которые когда-то служили его отцу, и сохраняли признательность къ сыну за то, что въ старые годы ѣли хлѣбъ у отца. Когда начались казни, они явились къ старику и предложили ему свои услуги, если онъ хотѣлъ скрыться или бѣжать; но старый Калогеоргій объяснилъ имъ, что все его состояніе было въ рукахъ Терсане-Эмини, флотскаго генералъ-интенданта, который былъ къ нему весьма хорошо распо-

ложенъ, и безъ сомнѣнія его защитилъ бы во всякомъ случаѣ. Старикъ не зналъ, что въ то же время этотъ Терсане-Эмини вносилъ его въ списокъ обвиненныхъ. Дружба двухъ Янычаръ была въ эту эпоху дороже дружбы знатнаго человѣка. Замѣчено, что тѣ изъ Грековъ, которые пользовались покровительствомъ какого нибудь вельможи, первые сдѣлались жертвою ложныхъ доносовъ и нелѣпыхъ обвиненій, что почти всѣ вельможи-покровители были обвинителями своихъ кліентовъ, и напоминали о нихъ Портѣ, которая не могла упомнить всѣхъ ихъ жертвъ. Но Янычары спасли многихъ Грековъ, къ нимъ прибѣгнувшихъ, или по крайней мѣрѣ способствовали бѣгству семействъ казненныхъ людей, которымъ они прежде служили. Признательность и рыцарская твердость въ исполненіи своего обѣщанія составляли благороднѣйшія черты въ характерѣ Янычаръ, черты неразлучныя съ военною ихъ гордостію. Притомъ духъ братства Янычарской общины давалъ большой вѣсъ покровительству, оказываемому ими. Если Янычаръ не могъ спасти отъ гнѣва Порты, но онъ легко поднималъ на ноги цѣлую ватагу своихъ *голда-*

шей, поварящей, и могъ защитить пріятеля раія отъ черни, и наказать бродягъ, на буйство которыхъ имъ съ большимъ негодованіемъ смотрѣли гордыя дѣти Хаджи-Бекташа, что они считали себя обиженными повелѣніемъ Султана всѣмъ правовѣрнымъ взяться за оружіе.

Панагіоти зналъ въ какомъ кофейномъ домѣ отыскать своихъ покровителей. Въ грязномъ, почти нищенскомъ платьѣ, пробираясь по улицамъ Стамбула, чтобы не обратить на себя вниманія Турокъ, онъ достигъ кофейнаго дома, и въ немъ не замедлилъ отыскать знакомыхъ Янычаръ. При сторонихъ людяхъ онъ не смѣлъ къ нимъ подойти, чтобы не поставить ихъ въ затруднительное положеніе. Политика Янычаръ съ правительствомъ и съ чернію предписывала имъ скрывать по возможности всякое сношеніе свое съ опальнымъ племенемъ Грековъ. Одинъ изъ Янычаръ узналъ его, и взглядомъ далъ ему замѣтить, чтобы онъ подождалъ на улицѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ, сдѣлалъ кое-какія покупки, и обращаясь къ Панагіоти, будто къ незнакомому, приказалъ ему за собою нести. Онъ его вывелъ

въ безлюдную улицу, и, уже извѣщенный о казни отца, сталъ упѣщать сына увѣреніемъ, что старику на роду́ было написано быть казненнымъ, потому что онъ не согласился бѣжать, когда еще было время.

— Эфенди мой, сказалъ ему Панагіоти, я погибъ, если ты меня не спасешь; я женился за нѣсколько дней до смерти моего отца, моя жена скрывается въ Куру-чесме, но Забитъ Дели-Османъ ее увидѣлъ, хочетъ ее похитить, а меня погубить.

Янычары не любили этого бродяги. — Не дадимъ тебя въ обиду, сказалъ Янычаръ въ ободреніе своего кліента; — ему была лестна роль покровителя и заступника. Панагіоти разсказалъ ему, что онъ рѣшился бѣжать съ женою въ слѣдующую ночь, и спасаться на первомъ франкскомъ кораблѣ. Ввѣрить ему всѣ обстоятельства своей женитьбы онъ счелъ опаснымъ для будущаго спокойствія Смирна и всего предмѣстія. Турокъ повелъ Панагіоти въ свои казармы; здѣсь онъ сошелся съ другими товарищами одной съ нимъ артели, и дѣло было предложено тайному ихъ совѣщанію. Человѣкъ десять Янычаръ вызвались содѣйство-

ваш своему *кардашу*, брату по оджаку. Панагіоти зналъ, что Турокъ какъ ни благороденъ иногда и ни безкорыстенъ въ услугѣ, но *пешкешь* и *бахшишь* служатъ вѣрнѣйшими пружинами его преданности.

— Эфенди мои, сказалъ онъ вынимая изъ кармана кошелекъ, вотъ все что у меня есть; все мое состояніе, какъ вы видите, сто махмудьэ (*), потому что мой домъ и все что было въ домѣ уже описано въ казну. Пятьдесятъ махмудьэ вамъ мои эфенди; двадцать пять по крайней мѣрѣ капитану корабля, который меня возьметъ, а остальные двадцать пять останутся на хлѣбъ намъ съ женою, покуда, иншаллахъ, дѣла мои поправятся. Тогда я опять пріѣду въ Стамбулъ, и что я за собака, чтобы не принести новой благодарности моимъ спасителямъ.

Янычарамъ понравились эти рѣчи; они обласкали и обнадежили бѣднаго гяура, и немедленно приступили къ нужнымъ приготовленіемъ, чтобы въ ту же ночь все кончить.

Теперь дѣло зависило отъ удачи ночнаго побѣга, и еще болѣе отъ счастливаго дѣй-

(*) Золотая монета въ двадцать піастровъ.

ствія усыпительнаго. По расчетамъ аптекаря летаргическій сонъ долженъ былъ продолжаться отъ десяти до пятнадцати часовъ. Священникъ остался въ церкви послѣ вечерни; съ наступленіемъ ночи къ нему явился Панагіоти съ радостнымъ извѣстіемъ, что капкъ и вѣрные Янычары около полуночи будутъ ожидать въ уединенной бухтѣ, недалеко отъ церкви. Возвращаясь моремъ изъ Стамбула, онъ замѣтилъ, гдѣ стояли корабли готовые вступить подъ паруса, и рѣшился ввѣрить свою судьбу первому, какой удастся ему отыскать въ темнотѣ. Ѣхать предварительно къ капитану просить его согласія и условиться о цѣнѣ было невозможно, потому что послѣ запрещенія раіямъ уѣзжать изъ Константинополя, никто не смѣлъ днемъ приставать къ кораблямъ стоявшимъ на рейдѣ.

Могильщикъ священникъ и женихъ общими силами отрыли свѣжую могилу, и перенесли въ церковь гробъ, въ которомъ покоилась Зафира. Когда открыли гробъ, Панагіоти въ первый разъ увидѣлъ лице той, которой посвятилъ онъ свою жизнь по одному чувству христіанскаго самоотверженія. Что происходило

тогда въ душѣ благороднаго юноши? Кто изъ насъ былъ въ подобномъ положеніи, чтобы постигнуть эти невыразимыя словами ощущенія?... Невѣста лежала предъ нимъ во гробѣ, какъ на брачномъ ложѣ, безчувственна какъ трупъ, и можетъ быть она — уже одинъ безжизненный трупъ, на время только исторгнутый изъ могилы. Уже прошло болѣе десяти часовъ, но никакихъ признаковъ жизни въ ней не оказывалось. Священникъ прибѣгнулъ тогда къ средствамъ предписаннымъ отъ аптекаря въ случаѣ слишкомъ продолжительной летаргіи. Послѣ долгихъ напираній сердце Зафиры согрѣлось жизненною теплотою, и возобновилось біеніе пульса. Она дала видимые признаки слабаго дыханія; летаргія обратилась въ тихій сонъ; боялись прервать этотъ спасительный сонъ, потому что успѣшное пробужденіе могло подвергнуть ея жизнь новой опасности. Наконецъ она открыла глаза, но отъ слабости не могла еще ни говорить ни двигаться. Темнота церкви, въ которой горѣла одна только лампада, чтобы не подать никакого подозрѣнія Турецкимъ патрулямъ, не позволяла Зафирѣ распознать окружавшіе ее предметы. Жениховъ и свя-

щенникъ молча стоялп за ея изголовьемъ, невидимые ей, и въ ожиданіи полнаго проявленія въ ней жизни и жизненныхъ силъ, еще не совсѣмъ освобожденныхъ отъ летаргическаго оцепенѣнія.

— Маменька! прошептала она слабымъ голосомъ.

Священникъ тихо отвѣчалъ ей, называя ее по имени.

Зафира начала припоминать все что съ нею случилось; но память ея была еще въ туманѣ, и самое пробужденіе нѣсколько минутъ казалось ей сновидѣніемъ. Когда она засыпала отъ дѣйствія лекарства, страшное предчувствіе того что съ нею будетъ, и чтеніе надъ нею молитвъ, такъ напугали ея воображеніе, что ей представилась вся мрачная картина похоронъ, и она слышала надъ собою стукъ могильнаго заступа.

— Маменька, маменька, повторила она, здѣсь ли ты?

— Дитя мое, отвѣчалъ ей священникъ, отецъ Іона здѣсь; я здѣсь, маменьки твоей нѣтъ, успокойся.

Она узнала ласковый голосъ старика, вспомнила свою исповѣдь, и тогда только разсѣянныя въ безпорядкѣ мысли собрались въ ея умѣ; она спросила, не на кладбищѣ ли она? Священникъ показался ей тогда, видя, что нѣтъ опасности ее испугать. Онъ просилъ ее подкрѣпить себя молитвою, и благодарить Бога за сохраненіе своей жизни. Онъ ее приподнялъ, и съ радостію видѣлъ, что физическія и умственныя силы въ одно время и быстро возвращались ей. Когда она совершенно оправилась, она со слезами простерлась предъ иконою Божіей Матери; она поняла, что изъ гроба она вышла сиротою, что для нея уже нѣтъ родительскаго дома. Она, которая съ такою твердостію подверглась своему ужасному испытанію, и разставаясь съ родителями сама ихъ утѣшала, была теперь неутѣшна, когда величайшая опасность такъ счастливо миновалась. Самое чувство опасности подкрѣпляетъ иногда наши силы, приводя въ усиленную дѣятельность всѣ наши способности. Священникъ вмѣсто безполезныхъ утѣшеній напомнилъ опечаленной дѣвушкѣ, что ей предстоятъ новыя опасности, что ей нельзя долго оставаться въ

церкви, и покуда ночь немна надо спасаться бѣгствомъ.

— Куда? спросила Зафира.

Тогда подошелъ къ ней молодой человѣкъ, котораго она еще не примѣтила.

— Я буду, сказалъ онъ, твоимъ спутникомъ добрая дѣвушка, и спутникомъ всей твоей жизни; я уже посвятилъ тебѣ жизнь мою. Священникъ насъ соединитъ въ этой церкви; тебя принесли сюда во гробѣ, но ты выйдешь отсюда моею женою. Богъ намъ покровительствуетъ; да исполнится святая Его воля! Мы спасемся въ другую землю, далеко отъ Турокъ, гдѣ ты будешь счастлива со мною.

Зафира съ дѣтскою довѣрчивостію бросилась въ объятія своего избавителя. Въ первый разъ въ жизни сердце ея забилось отъ новаго чувства, которымъ навсегда рѣшалась ея участь, которое преобразуетъ женскую душу, облекая ее новымъ бытіемъ. Она была въ лучшемъ возрастѣ женской жизни, въ прекрасную эпоху, когда при переходѣ отъ дѣтства въ юношество, поэтическія сочувствія такъ пламенны, такъ могущественны и такъ внезапны. Только въ эти годы любовь женская можетъ

быть искреннимъ плодомъ мгновеннаго впечатлѣнія, только въ этой любви нѣтъ самолюбія, ни эгоистическихъ притязаній, ни видовъ, ни расчетовъ. Она можетъ развратить сердце слабое, или разрушить его, какъ жертвенникъ недостойный подобнаго пламени. Но если сердце, въ коемъ таится высокое предназначеніе, обольется чистымъ ея пламенемъ, оно закалится какъ сталь, и тогда только проявляется въ женщинѣ сила чувства единственнаго и неизмѣннаго, съ которымъ слилась въ одно ея внутренняя жизнь, которое недоступно впечатлѣніямъ внѣшнимъ, даже впечатлѣніямъ красоты и юности, то чувство, котораго понятіе соединялось у древнихъ съ ихъ вѣрою въ предопредѣленіе.

Священникъ благословилъ ихъ союзъ. Браки въ Константинополѣ никогда не совершаются ночью. Небесный свѣтъ дня облекаетъ высокое таинство благоговѣйнымъ веселіемъ, будто пророчествомъ радостей. Но этотъ бракъ при блѣдномъ свѣтѣ двухъ свѣчь, безъ другихъ свидѣтелей кромѣ кладбищнаго сторожа, при тихомъ и робкомъ припѣвѣ торжественныхъ гимновъ—имѣлъ что-то балладное и гру-

сное. Старикъ священникъ самъ почувствовалъ невольный ужасъ, котораго впечатлѣніе онъ на всегда сохранилъ. Молодые супруги были спокойны; предстоящія имъ новыя опасности еще болѣе возвышали для нихъ святость брачныхъ узъ, которые были готовы запечатлѣться мученическою смертію. Голова невѣсты была увѣнчана розами, но не брачнымъ а погребальнымъ вѣнцомъ изъ розъ, и можетъ быть пасмѣшливая судьба сберегла свою жертву въ могилѣ для того только, чтобы утѣшить ее послѣднимъ изъ дѣвственныхъ паслажденій женщины, обольстить ее волшебнымъ сновидѣніемъ, среди страшныхъ сновидѣній могилы, и потомъ довершить надъ нею свой неумолимый приговоръ.

Зафира переодѣлась въ Турецкое мужское платье, окутала голову черною шалью, и накинула на плеча широкій плащь того же цвѣта, чтобы лучше скрыться во мракѣ ночи. Ея мужъ, также въ черномъ плащѣ, шелъ впереди; онъ тщательно изучилъ уединенную тропинку отъ церкви и кладбища до морскаго берега, и осторожно повелъ по ней Зафиру. Оба они держали при себѣ оружіе, и дали себѣ слово, если

Турецкій ночной обходъ ихъ встрѣтитъ, защищаться и не сдаться живыми. Но темнота имъ благопріятствовала. До нихъ дошли шумные голоса бродягъ, которые безчинствовали въ поздній часъ въ кофейнѣ. Константинопольская полиція, такъ строгая въ обыкновенное время противъ подобныхъ нарушеній порядка, въ эту смутную эпоху не хотѣла и не могла обуздать буйство Турецкой черни, потому что вся чернь была вооружена, и ей то былъ ввѣренъ присмотръ за безопасностію города и предмѣстій. Шлюбка Бостанджи-баши, военнаго губернатора Босфора, до преобразованій Махмуда, объѣзжала ночью предмѣстія, и во всякое другое время строго наказала бы не только явное нарушеніе законовъ, и шумъ и освѣщеніе въ кофейномъ домѣ позже десятаго часа вечера, но даже и домашній пиръ продлившійся слишкомъ долго. Если сквозь щели ставень былъ видѣнъ свѣтъ, самъ Бостанджи-баши или его офицеры подслушивали, нѣтъ ли шума въ домѣ, и иногда, въ періодахъ своей отеческой кротости, стучались у дверей, напоминали хозяевамъ, что пора спать, иногда входили силою въ домъ, брали въ тюрьму нарушителей

положенныхъ часовъ сна и бдѣнія, и взыскивали съ нихъ огромныя пени. Но въ это время полиція хорошо знала, что Грекамъ было не до ночныхъ пиршествъ, а если пировали Турки, было опасно употреблять силу для ихъ унятія, потому что у всѣхъ было оружіе, и могли случиться ночныя драки съ пьяными сорванцами, и кровопролитіе, которымъ оканчивается всякая драка между правовѣрными.

Янычары пріятели Калогеоргія, отыскали знакомыхъ своихъ между Куручесмейскими бродягами, и спали вмѣстѣ съ ними пировать въ кофейнѣ, т. е. поить ихъ ромомъ и виномъ, чтобы бѣдный раія могъ безъ приключеній достигнуть залива, гдѣ ожидали его другіе, вѣрные своему слову товарищи, для его спасенія. Янычары съ своей стороны были въ полномъ вооруженіи, и обѣщали своему кліенту, что при первомъ его выстрѣлѣ, сигналѣ опасности, они полетятъ къ нему на помощь, и силою освободятъ его, въ случаѣ открытія его ночнаго побѣга. Главное было дойти до берега, а тамъ каики спасали его отъ всѣхъ преслѣдованій. Погони въ морѣ они не боялись, потому что всѣ каики ночью вытаскиваются на берегъ, или за-

пираюшся въ заливахъ прорытыхъ подъ домами, и притомъ бродяги Дели-Османа не посмѣли бы связаться съ Янычарами, зная что будутъ имѣть дѣло со всѣмъ полкомъ, если обидятъ одного изъ нихъ.

Другіе Янычары, гребцы, дремали у своего каика въ ожиданіи Папагіошія, и ласково его приняли, поздравляя съ избавленіемъ отъ всѣхъ опасностей. Они съ Турецкою самонадѣянностію клялись ему бородою своего Хаджи-Бекташа, что всѣ бѣды для него миновались, потому что Аллаху было угодно довести его благополучно подъ ихъ могучее покровительство. Все было готово къ отплытію, и послѣ нѣсколькихъ дружныхъ ударовъ веслами по спавшей влагѣ, они сравнялись съ кофейнею, въ которой пировали товарищи. Шумъ и крики постепенно здѣсь увеличивались, и оргія правовѣрныхъ дошла уже до послѣдней степени неистовства. Янычары съ каика безпокойно прислушивались, и вскорѣ удостовѣрились, что товарищи не поладили съ своими хозяевами. Турки рѣдко доходятъ до горячихъ споровъ, за то отъ споровъ переходятъ весьма легко къ дракѣ, а тутъ расправа коротка, если за пля-

сомъ есть ятаганъ или пистолетъ. Гребцы придержались весьма близко къ берегу, и стали вызывать своихъ, говоря, что все кончено и пора ѣхать. Въ эту минуту раздался пистолетный выстрѣлъ; окна и двери кофейни разлетѣлись; среди пороховаго дыма и дыма трубокъ представилось зрѣлище ужасное: человѣкъ двадцать Турокъ пьяныхъ до безумства высыпали изъ тѣсной кофейни на набережную съ криками, съ бѣшеннымъ воплемъ, и стали стрѣляться и рубиться въ виду нашихъ перепуганныхъ супруговъ и трехъ Янычаръ, бывшихъ съ ними въ каикѣ. Зафира со страхомъ прижалась къ своему покровителю. Ярко освѣщенная кофейня бросала кровавый отливъ на эту кровавую картину; длинныя тѣни какъ привидѣнія метались по набережной, и среди нихъ чертились молніи отъ блестящихъ клинковъ азіятскихъ сабель. Гребцы, видя опасность своихъ товарищей, и не внимая просьбамъ и обѣщаніямъ Панагіотія, рѣшились присшать и выручить своихъ. Они оставили весла, взялись за оружіе, препоручили каикъ Панагіотію и выскочили на берегъ. Панагіоти видѣлъ, что какой бы оборотъ не приняло это дѣло, ему грозила край-

няя опасность; медлить было нечего; съ минуты на минуту должно было ожидать самаго Забиша Дели-Османа съ остальною стражею, и Янычары при всей своей доброй волѣ не могли бы его спасти, въ случаѣ открытія его побѣга. Онъ отчалилъ; легкій каикъ поплылъ по теченію, и вскорѣ изгибъ Босфора закрылъ отъ взоровъ обомлѣвшей отъ страха Зафиры родное ея предмѣстіе и свирѣпую сцену набережной. Панагіоти гребъ съ силою, какой онъ никогда въ себѣ не чувствовалъ доколѣ, и глазами искалъ въ темнотѣ ночи христіанскаго корабля. Его приняли на Іоническомъ бригѣ, который ожидалъ фирмана, чтобы сняться съ якоря и итти съ грузомъ въ Средиземное Море. Когда онъ условился о цѣнѣ фракта, первымъ его дѣломъ было пробить каикъ и опустить его на дно, чтобы ни малѣйшій признакъ не измѣнилъ его побѣгу, если бы Янычары, обиженные безъ сомнѣнія тѣмъ, что онъ ихъ не дождался и увелъ ихъ каикъ, пустились бы за нимъ въ погоню. Шкиперъ съ своей стороны приказалъ открыть среди самаго груза пшеницы достаточно пространства для помѣщенія двухъ человѣкъ, обставить его мѣшками, по-

крыть досками и насыпною пшеницею, и въ этомъ тайникѣ, совершенно темномъ, душномъ отъ жара пшеницы, и едва получавшемъ внѣшній воздухъ изъ продѣланной удушины, уложилъ злополучную чепу. Зафира перешла только изъ одного гроба въ другой, но ее увѣрили, что всѣ опасности миновались, что если даже прійдутъ Турки обыскивать корабль, никогда не посмѣютъ снять съ него грузъ, а безъ этого не было возможности отыскать ея убѣжище.

Можно вообразить себѣ въ какомъ страхѣ провели эту ночь родители Зафиры, особенно когда они услышали выстрѣлы, и когда по движенію ночныхъ обходовъ узнали, что на набережной завязалась драка между Янычарами и тѣлохранителями Дели-Османа. Два дня пропекло въ мукахъ неизвѣстности о судьбѣ дочери. Священникъ могъ ихъ удостовѣрить только въ томъ, что она спаслась изъ гроба, обвѣнчалась, и пошла вмѣстѣ съ своимъ мужемъ отыскивать каикъ и Янычаръ, которые обязались везти ее на корабль. Они знали также что она не попалась въ руки Османа, потому что онъ въ такомъ случаѣ не простилъ бы отцу и священнику ихъ заговора. Но не бросилась ли

она въ море въ минуту опасности, не была ли схвачена въ проливѣ объѣздною шлюбкою или другими Турками? . . .

На третій день постучался нищій у воротъ Сотирія; старикъ вышелъ къ нему съ подаяніемъ, но тотъ остановилъ его и просилъ поговорить наединѣ. Эта таинственность въ одну минуту возбудила всѣ опасенія и всѣ надежды несчастнаго родителя. Онъ легко узналъ что нищій былъ человѣкъ переодѣтый, но ему вовсе неизвѣстенъ. Нищій ничего не говорилъ о Зафирѣ, и по видимому ничего не зналъ о ней. Онъ только сказалъ Сотирію, что ему обѣщано большое награжденіе отъ неизвѣстнаго ему лица, съ которымъ онъ видѣлся на дворѣ одного изъ посланниковъ въ Перѣ, чтобы доставить Сотирію въ Куручесме лоскутокъ бѣлой бумаги, и получить отъ него словесный отвѣтъ живы ли и здоровы онъ и его семейство. Онъ распоролъ свои рубища, въ коихъ былъ зашитъ лоскутокъ совершенно бѣлой бумаги. Старикъ ничего не понималъ въ этомъ; онъ отвѣчалъ что старшая дочь его на дняхъ скончалась, что остальные съ домѣ здоровы, и съ бумагою побѣжалъ къ священнику.

— Увидимъ, сказалъ обрадованный отецъ Іона, и сталъ всматриваться въ бумагу; онъ тотчасъ угадалъ, что она исписана химическими чернилами; подвергнулъ ее дѣйствію огня, и на ней начали проявляться красныя строки. Сотири, блѣдный отъ внутренняго волненія, прилежно всматривался въ таинственныя письмена, которыя медленно рисовались на разогрѣваемой бумагѣ, и не смѣлъ предаться своей радости. (*) Когда удалось разобрать письмо, они прочитали слѣдующее: «Зафира спасена и уже третій день скрывается на кораблѣ, внѣ всякой опасности, вмѣстѣ со мною. Она къ вамъ не пишетъ, потому что этому средству

(*) Химическія чернила служили Греческимъ семействамъ для переписки въ эту эпоху, когда никто и ни за какія деньги не взялся бы доставить письмо въ домъ подозрительный, изъ коего бѣжалъ отецъ семейства, и который былъ подъ полицейскимъ присмотромъ. Итакъ если люди, которые спаслись отъ смерти, скрывшись на кораблѣ или въ домѣ какого нибудь посланника, хотѣли успокоить своихъ родныхъ извѣстіемъ о себѣ, они не могли вѣрить бумагѣ мѣсто своего убѣжища, ни средства, какія указывали они своимъ семействамъ, чтобы спастись бѣгствомъ. На всѣхъ пристаняхъ обыскивали людей подозрительныхъ, а въ эту эпоху кто не былъ подозрителенъ?...

дать вамъ извѣстія о себѣ, научили меня въ канцеляріи Англійскаго посольства, куда я, переодѣтый матросомъ, пришелъ вмѣстѣ съ шкиперомъ за полученіемъ фирмана, и собственно за тѣмъ, чтобы освѣдомиться не случилось ли съ вами несчастія, не открытъ ли побѣгъ моей жены. Меня успокоили, будьте и вы спокойны и благословите вашихъ дѣтей. Извѣстія о насъ получите чрезъ мѣсяцъ, если можно вамъ будетъ справиться въ этой же канцеляріи у драгомановъ. ‚Да охранитъ васъ всѣхъ сила Господня». Подписи не было, но священникъ узналъ руку Панагіотія. Радость старика выразилась только молитвою.

Чрезъ нѣсколько недѣль онъ получилъ письма отъ своихъ дѣтей. Корабль былъ строго обысканъ у Дарданелль. Здѣсь предстояло Зафиръ послѣднее испытаніе; она слышала надъ своею головою шаги и голоса Турокъ. Въ Греческомъ Морѣ она подышала свободнымъ воздухомъ, и пересѣла вмѣстѣ съ своимъ мужемъ на одинъ изъ Идріотскихъ кораблей, которые подъ знаменіемъ креста жгли Турецкіе флоты и освобождали море. Она во все свое путешествіе сохраняла мужское платье, и хотя Гре-

ческіе матросы знали ея полъ и ея приключенія, однако не перестали оказывать ей то уваженіе, которое внушается несчастіемъ и самымъ буйнымъ людямъ. Она наконецъ поселилась въ одномъ изъ вольныхъ острововъ Архипелага; силы ея, подкрѣпленныя долголѣ самою борьбою съ обстоятельствами, ей измѣнили, и она опасно занемогла. Въ лихорадочномъ бреду ей все слышались погребальныя пѣнія и стукъ могильнаго заступа надъ головою. Она уже мать семейства и живетъ въ спокойной неизвѣстности на Архипелажскомъ островѣ; но здоровье ея никогда совершенно не оправилось, послѣ критическаго перелома ея жизни. Страшныя сновидѣнія никогда не переставали ее тревожить, и въ ея чертахъ навсегда запечатлѣлись страдальческіе признаки ея ужасной судьбы.

ГЛАВА VIII.

Албанскій посадъ. — Судьба древняго храма. — Чертово теченіе. — Мнѣнія о Босфорскихъ теченіяхъ. — Мысъ дѣвъ и жертвенникъ Меркурія. — Мысъ казней и Замокъ казней. — Адмиралъ Балта-Оглу и гнѣвъ Магомета II. — Каменоломни. — Удовствo топиться. — Отмели — Стихотвореніе Турецкаго Исторіографа. — Воздушныя тони. — Разные способы рыбной ловли. — Ночная охота. — Пошлины. — Frutti di mare. — Переселеніе рыбъ. — Неприкосновенность дельфиновъ и чаекъ.

Каждое изъ Босфорскихъ предмѣстій представитъ вамъ свои романтическіе эпизоды, очерченные воспоминаніями крови. Но будемъ продолжать плаваніе наше вдоль живописныхъ предмѣстій Европейскаго берега.

Въ Арнаутъ-кьои, или Албанскомъ посадѣ, убогая церковь замѣнила одинъ изъ древнѣйшихъ Христіанскихъ храмовъ, построенный еще Константиномъ Великимъ во имя Архангела Михаила, возобновленный потомъ Юстиніаномъ со всѣмъ великолѣпіемъ зданій его царствованія, и шесть вѣковъ спустя построенный вновь

Исаакомъ Ангеломъ и обогащенный обломками отъ всѣхъ обвѣшалыхъ храмовъ Византіи. Его матеріялы послужили Магомету II для поспѣшной постройки ближняго замка Румели-Исари. Полагаютъ, что цѣльные образа изъ мозаики застроены въ стѣнахъ этого варварскаго зданія. Но такова судьба архитектуры на Босфорѣ. Основанная на этихъ берегахъ Имперія покрылась ветхою порфирою царственнаго Рима, заплатою лоскутками Греческихъ республиканскихъ мантій; носила громкое имя Рима и говорила гармоническимъ языкомъ Греціи; величалась воспоминаніями двойной славы: литературы Греціи и оружія Рима, равно чуждыхъ ей— а зданія ея постоянно передавали одно другому свои дорогіе матеріялы, заимствованные первоначально изъ зданій Греціи и Рима, потому что строителямъ не было суждено создать ничего новаго. И всѣ эти обломки величій Византійскихъ должны мы теперь отыскивать въ колоссальномъ и варварскомъ зданіи воздвигнутомъ геніемъ Магомета II, такъ какъ обломки политическаго величія Византіи находимъ мы въ Имперіи имъ созданной.

У береговъ Албанскаго посада гребцы наши покинули весла; съ набережной, которая здѣсь косою выступила въ море, дюжій Армянинъ забросилъ намъ конецъ длинной веревки, и пляетъ бечевою противу теченія. Эта помощь бечевою съ берега необходима въ двухъ мѣстахъ вдоль Европейскаго берега, здѣсь и потомъ за крѣпостію, гдѣ море прозвано Турками «Шейтанъ-акындисы, Чертовымъ теченіемъ» отъ своей необыкновенной быстроты; никакой гребецъ не выгребетъ. Полоса теченія видимо, съ мелкими и частыми волнами и съ пѣною, раздѣляется отъ остальныхъ водъ на разстояніе нѣсколькихъ сотъ сажень отъ берега, и какъ будто потомъ вливается съ необыкновенною стремительностію далеко въ море; если оно усилено отъ продолжительныхъ нордовъ, то какъ рѣка въ своихъ порогахъ, поглощаетъ плавающія тѣла, крутитъ ихъ въ своей глубинѣ, и выбрасываетъ потомъ на поверхность моря въ большомъ разстояніи. Оно бы подмыло и берегъ и домы, если бы не набережная, построенная еще Юстиніаномъ Великимъ изъ огромныхъ кусковъ гранита.

Босфорскіе гребцы имѣютъ свои правила

для плаванія по проливу, и нужна ихъ долголѣтняя опытность, чтобы удачно бороться съ его теченіями; а теченія Босфора были предметомъ изученія не только ихъ, но и ученыхъ Европейцевъ, нашедшихъ здѣсь одно изъ любопытнѣйшихъ явленій природы. Еще въ XVII вѣкѣ Графъ Марсильи, основатель Болонскаго Института писалъ о нихъ длинную Латинскую диссертацію въ угожденіе Королевѣ Христинѣ, и въ двадцать лѣтъ удивилъ Италію тою ученостію, которою онъ пощеголялъ надъ капризами Босфорскихъ теченій. Онъ полагалъ здѣсь два постоянныя теченія, отъ Чернаго Моря въ Мраморное, и обратно отъ Мраморнаго Моря въ Черное. Но Босфорскіе каикчи несогласны съ этимъ ученымъ мнѣніемъ, и хотя географическія ихъ свѣдѣнія не простираются далѣе Княжескихъ острововъ и Фанараки, двухъ оконечностей Босфора, и вѣроятно они не знаютъ, что Мраморному Морю есть куда вылиться а Черному некуда, однако они по опыту знаютъ, что противуположность теченія есть только мѣстная, и что Мраморное Море никогда не выливается въ Черное. Они употребляютъ выраженіе *спускаться* изъ предмѣстій

въ Стамбулъ, и *подниматься* изъ Стамбула въ предмѣстія. Босфоръ представляется имъ широкою рѣкою, которая постоянно льется отъ сѣвера на югъ. Графъ Андреосси, сдѣлавшій въ послѣдніе годы царствованія Наполеона весьма любопытныя изслѣдованія надъ Босфоромъ, полагаетъ, что обратное его теченіе есть только слѣдствіе сильнаго напора всей полосы воды о выдавшіеся берега и мѣстное и временное ея отраженіе. Но при всякой перемѣнѣ вѣтра въ сосѣднихъ моряхъ оно не только становится быстрѣе или слабѣе, но иногда совершенно перемѣняетъ свою систему. При свѣжихъ норд-дахъ по Европейской сторонѣ составляются полосы стремительнаго теченія къ югу, а по Азіятской—полосы теченія къ сѣверу; при продолжительномъ южномъ вѣтрѣ бываетъ на оборотъ.

Во глубинѣ живописнаго залива выстроились вдоль набережной розовые и желтые кіоски предмѣстія Бебекъ. Это большею частію домы Улемовъ, что легко можно узнать по бородамъ и чалмамъ ученаго покроя, которыя выглядываютъ изъ оконъ. Лучшіе домы Босфора сдѣлались въ послѣдніе годы принадлежностію

ученаго сословія; иному это покажется несомнѣннымъ доказательствомъ успѣховъ просвѣщенія въ Турціи. Бебекъ оканчивается *Дѣвичьимъ мысомъ*, Кызляръ-бурну, котораго имя напоминаетъ бывшій въ сосѣдствѣ этаго мѣста гіеронъ цѣломудренной Діаны. Безсмертный посредникъ любовныхъ интригъ Зевеса, услужливый Гермесъ, котораго Турки прозвали бы *незсвешкомъ*, по капризному сближенію языческаго богослуженія имѣлъ также свои жертвенники на *Мысѣ дѣвушекъ*. Среди темной зелени кипарисовъ выдались въ море бѣлыя стѣны замка Румели-Исари. Кровавыя воспоминанія Византіи сошлись здѣсь съ воспоминаніями Магомета-Завоевателя и его полководцевъ, и съ недавними кровопролитіями Махмуда. Издревле это мѣсто носитъ печать ужаса. Мысъ выдался въ море не для того чтобы любоваться двойною перспективою Босфора, согнувшагося въ подкову по двумъ его сторонамъ, но чтобы служить мѣстомъ тайныхъ казней и предавать уходящему морю свои жертвы. Онъ назывался у Византійцевъ «Мысомъ казней»; Турки перевели на свой языкъ его зловѣщее имя, и прозвали его «Башъ-кесе, Головорѣзнею.»

Примѣчанія достойно, что первые заключенники, посаженные въ немъ, были Мальтійскіе рыцари, которыхъ Турки вѣшали какъ пиратовъ. Насупротивъ его возвышается на Азіятскомъ берегу замокъ Анадоли-Исари. Босфоръ здѣсь имѣетъ не болѣе четырехъ сотъ сажень широты.

Предмѣстіе Балта-лимани сохраняетъ имя перваго адмирала Турецкаго флота, ренегата изъ Болгаръ Балта-оглу, того самаго, котораго нынѣ безпощадно высѣкъ своимъ жезломъ Магометъ, послѣ неудачнаго сраженія съ Греческими кораблями. Въ этой бухтѣ стоялъ онъ на якорѣ съ 400 кораблями, и отсюда повелъ онъ половину своего флота для воспрепятствованія пяти кораблямъ, шедшимъ изъ Хіоса съ съѣстными припасами, войти въ гавань осажденной столицы. Греческіе и Генуэзскіе корабли обливали Турокъ жидкимъ пламенемъ, этимъ послѣднимъ и единственнымъ заступникомъ Римской Имперіи, топтали въ морѣ, ломали и топили корабли правовѣрныхъ. Дѣло происходило у самаго входа въ Золотой Рогъ, затянувшій цѣпью; зрѣлище было величественнѣйшее: жители столицы покрывали амфите-

атръ холмовъ и крѣпостныхъ стѣнъ, и въ виду ихъ на песчаныхъ равнинахъ Санъ-Стефано, высыпали изъ своего лагеря полки Магомета, привлеченные новымъ для нихъ зрѣлищемъ морскаго сраженія. Среди треска кораблей и воплей погибающихъ раздавались восклицанія зрителей Магометанъ и Христіанъ, какъ на древнемъ Гипподромѣ восклицанія толпы для ободренія *синихъ* и *зеленыхъ*. На высокомъ бастіонѣ надъ моремъ, въ кругу немногихъ сподвижниковъ, стоялъ преемникъ Кесарей, и можетъ быть велпкая его душа искала послѣдняго упѣшенія въ геройскомъ подвигѣ моряковъ, въ этой послѣдней побѣдѣ старыхъ Римскихъ орловъ. А Магометъ на конѣ, у берегу, былъ грознымъ судіею своихъ полудикихъ героевъ, и когда видѣлъ ихъ пораженіе, когда Греческіе корабли подъ всѣми парусами, влетали въ открытую для нихъ гавань, онъ презрѣлъ власть стихій, и погналъ своего коня въ волны Пропонтиды, чтобы не выпустить изъ рукъ этой скудной добычи, которая должна была на нѣсколько дней еще продлить агонію вѣнчаннаго призрака.

Горы Балша-Лимана служатъ главною ка-

меноломнею Босфора. Изъ нихъ получается сѣровато-голубой гранитъ, которымъ одѣты набережныя и пристани. Нѣсколько сотъ человѣкъ работали въ это время у подошвы высокой скалы, которая нависла надъ своимъ основаніемъ и готова разрушиться. Огромныя лодки перевозятъ отсюда камень для новой набережной предъ Беглербейскимъ дворцемъ. Для добыванія камней другаго средства не употребляютъ Турки кромѣ пороховыхъ взрывовъ. Мѣстами набережныя сдѣланы весьма прочно изъ огромныхъ и правильныхъ кусковъ гранита, связанныхъ желѣзомъ, и нельзя не удивляться искусству и смѣлости ихъ постройки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ море имѣетъ нѣсколько саженъ отвѣсной глубины, и корабли могутъ стать бокъ о бокъ къ берегу. Но доселѣ не сдѣлали довольно прочной набережной подъ крѣпостными стѣнами Сераля, которыя съ каждымъ годомъ подмываются отъ напора и теченія Босфора. Тамъ гдѣ море входитъ подъ домъ или въ сады, въ заливы нарочно прорытые для каиковъ, набережная поднимается дугою, и предъ каждымъ почти изъ большихъ кіосковъ увидите подобный мостикъ, и земно-

водный сарай для плывучихъ экипажей Босфора. По набережной нѣтъ ни перилъ, ни парапетовъ; пьяныхъ по закону не полагается въ Константинополѣ; правда, что пьяные и дѣти каждый день падаютъ въ море и весьма часто утопаютъ; но это такъ написано на роду. Что же касается до охотниковъ топиться, то такъ какъ многіе домы построены надъ самымъ моремъ, ничего нѣтъ легче, какъ изъ оконъ своей спальни броситься прямо въ воду. Но самоубійствъ въ Константинополѣ почти не слышно; еслибы вмѣсто своей грязной Сены Парижане имѣли въ своемъ городѣ Босфоръ, мода топиться дѣлала бы несравненно больше успѣховъ въ нашъ романтическій вѣкъ. По Наяды Босфора довольствуются жертвами насилія, правосудія и случая, и никого не манятъ въ свои влажныя объятія.

За смежными предмѣстіями Балта-лимани и Эмирьянъ-оглу Босфоръ уже менѣе населенъ; встрѣчаются длинныя полосы, гдѣ одна природа на свободѣ расточила свои убранства, гдѣ нѣтъ ни садовъ по уступамъ горы, ни группъ сельскихъ домовъ, ни пышныхъ кіосковъ. Декорація перемѣнилась, будто въ волшебной оперѣ;

платанъ широко раскинулъ свой тѣнистый навѣсъ надъ моремъ, а оно, окованное дотолѣ въ гранитной набережной, разыгралось на волѣ и ласково обняло свои зеленые берега. Наши гребцы гребутъ подъ навѣсъ прибрежнаго платана, и отдыхаютъ въ тѣни воздушнаго моста изъ вѣтвей. Въ этомъ уединеніи пріютились мраморный фонтанъ и бесѣдка, въ которой всегда готовъ Аравійскій нектаръ. Лежа въ подушкахъ канка подъ платаномъ, какъ Султанъ подъ бархатнымъ балдахиномъ своей парадной шлюпки, вы можете предаться всей сладости кейфа, закурить трубку, вздремнуть, и продолжать ваше плаваніе, будто чудесное сновидѣніе.

Мѣстами есть отмели; онѣ обозначены красными сваями, на которыхъ всегда сидятъ стаи чаекъ. Впрочемъ не знаю какъ-то случилось, что яхта Махмуда, пышно прозванная «Кочующею горою,» сѣла на мель на Босфорѣ; ее вскорѣ успѣли стащить съ мели, но это обстоятельство подало поводъ исторіографу Имперіи, редактору оффиціальной газеты и великому хронограммашисту, пощеголять риѳмованными метафорами:

«Дерзновенный, не смѣй подумать, что корабль Падишаха, предметъ зависти моря и земли, благородный конь морей, претерпѣлъ несчастіе. Нѣтъ! Онъ только опустилъ свою гриву къ ногамъ Султана, и потерся въ пескѣ, въ этой пыли моря!»

На невидимыхъ отмеляхъ среди моря высоко поднимаются страннаго рода зданія: веревки въ безпорядкѣ протянуты между ними, будто дорожки воздушнаго селенія; сдалека вы подумаете, что стопушечный корабль разбился на этомъ мѣстѣ, и переломанныя мачты торчатъ среди моря съ своими широкими марсами. Но вмѣсто марсовъ вы увидите на этой высотѣ убогія хижины, построенныя изъ старыхъ досокъ и соломы, прикрытыя завѣсами изъ лохмотьевъ. На нихъ спустилась стая чаекъ, точно голуби на свои голубятни; можетъ быть это воздушные каравансараи, свидѣтели поэтической привязанности Мусульманъ къ бѣлогрудымъ госпьямъ Босфора. Но веревочная лѣстница повисла къ морю, качаемая вѣтромъ, и близъ нея причалила старая лодка. Изъ окна, полузавѣшаннаго рогожкою, показывается лице старика, съ взглядомъ вперившимся въ море. Таковы Босфорскія тони, называемыя здѣсь

дальянъ, которыя служатъ въ то же время жилищами рыбаковъ. Онѣ строятся среди заливовъ Босфора, иногда какъ миніатюрныя хижины, иногда просто въ видѣ корзинокъ, поставленныхъ на высокой мачтѣ. Кругомъ закинуты сѣти; рыбакъ опытнымъ взглядомъ слѣдитъ изъ своей высоты движеніе рыбъ въ заливѣ, по малѣйшему измѣненію цвѣта и поверхности моря, и изъ своихъ оконъ, какъ колдунъ, манитъ къ себѣ добычу; онъ держитъ въ рукахъ концы разныхъ веревокъ, соотвѣтствующіе разнымъ частямъ сѣтей, даетъ имъ нужное направленіе, и притягиваетъ къ себѣ плѣнныхъ.

Здѣсь употребляется также много другихъ средствъ для рыбной ловли, судя по мѣстностямъ и по времени года. Есть огромныя сѣтчатыя корзины, плетенныя изъ соломы, которыя опускаются въ море, лежатъ на боку, а дно ихъ представляетъ впалое коническое отверстіе, куда могутъ проходить рыбы, приманенныя висячимъ внутри кормомъ, но отнуда уже не выходятъ. Каждый вечеръ, катаясь по Босфору, увидите также тысячи его жителей всѣхъ званій и возрастовъ, которые сидятъ на набережной, на ступеняхъ пристаней, или даже

у оконъ домовъ выдавшихся надъ моремъ, и ловятъ рыбу удочками. Изъ всѣхъ развлеченій равно доступныхъ образованному и необразованному человѣку, это наиболѣе согласуется съ лѣнивою жизнію Мусульманъ; ни малѣйшаго движенія, ни малѣйшей заботы, ни малѣйшей хлопотни, которая бы утомила умъ правовѣрнаго; всего болѣе нужно флегматическое терпѣніе—и кто можетъ сравниться съ Туркомъ въ терпѣніи этого рода? Онъ усѣлся на подушкахъ, одною рукою поглаживаетъ бороду, или держитъ неразлучную спутницу, трубку, а другою забрасываетъ удочку. Если Аллахъ пошлетъ ему добычу, слуга сидитъ предъ нимъ, сниметъ ее съ удочки, продѣнетъ червячекъ для приманки. Можно провести нѣсколько часовъ въ этомъ мирномъ занятіи, которое покажется самымъ глупымъ изъ всѣхъ развлеченій для Европейца, но которое имѣетъ столько прелестей на берегахъ Босфора. Греки и Армяне, Гречанки и Армянки охотно занимаются по вечерамъ рыбною ловлею; но Турчанки лишены и этаго удовольствія.

Рыбная ловля ночью, на каикахъ, представляетъ очаровательное зрѣлище. Выберите ночь

тихую и пріятное общество; возьмите съ собою ужинъ, и если хотите обратить ночь Босфорскую въ ночь Венеціянскую, и соединить два рода романтизма, восточный и западный, повѣсьте чрезъ плечо гитару, и при тихой греблѣ запойте баркаролу предъ набережною Буюкдере или въ заливѣ Терапіи, пока не всѣ огни потухли, не всѣ окна затворены. Въ другія предмѣстія, особенно гдѣ живутъ Турки, не совѣтую заходить, потому что Турки не любятъ серенадъ. И за то имъ спасибо, что среди своего города позволяютъ намъ, въ нашихъ кварталахъ, жить съ такою свободою, какой нѣтъ ни въ одной изъ Европейскихъ столицъ. У вашей кормы виситъ фонарь; рыба любитъ плескаться въ пламени, которое трепетно разлилось по водѣ; можетъ быть, согласно съ повѣріемъ древнихъ, любитъ она и музыку. Часто и дамы принимаютъ участіе въ этихъ ночныхъ экспедиціяхъ, и цѣлая флотилія каиковъ блуждаетъ въ темнотѣ ночи по Босфору, и перекликается веселыми или меланхолическими пѣснями. Такимъ образомъ дѣлается обыкновенно ловля особенной рыбы, принадлежащей собственно Босфору, весьма вкусной, и которой

нигдѣ болѣе нѣтъ. Она называется *луфари*, или *люферъ*, по разному выговору Грековъ и Турокъ; подъ этимъ же именемъ извѣстна она и у Европейцевъ. Ея ловля преимущественно производится въ концѣ Августа и въ Сентябрѣ, когда она переходитъ на зимовку изъ Чернаго Моря въ Средиземное. Самъ Султанъ въ своемъ шестивесельномъ капкѣ, окутанный плащемъ и темнотою ночи, отправляется иногда на ловлю люферовъ, и не узнается въ толпѣ капковъ среди своихъ подданныхъ и Европейцевъ, между коими многіе любятъ эту ночную охоту. Въ Сентябрскія ночи устье Чернаго Моря усѣяно тысячами фонарей и тысячами рыбачьихъ лодокъ.

Босфоръ издревле славится обиліемъ своихъ рыбъ. Во многихъ антологическихъ эпиграммахъ, и въ надписи къ картинѣ, посвященной въ храмъ Юноны въ Самосѣ строителемъ Дарієва моста на Босфорѣ, ему придается эпитетъ *рыбопитателя*. Полибій, Страбонъ и Тацитъ свидѣтельствуютъ, что рыбная ловля, составляла главный доходъ Босфорскихъ колоній. Въ наше время болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ занимаются рыбнымъ промысломъ въ

Константинополѣ и по проливу. Во всякое время года рыба въ изобилiи, но дороговизна ея доходитъ до невѣроятности. Нерѣдко *окà* платится болѣе шестидесяти пiастровъ, что составитъ около пяти рублей за фунтъ. Нечего и говорить, что простой народъ по преданiю только знаетъ что она вкусна, и между тѣмъ какъ окрестное море изобилуетъ рыбою, она составляетъ предметъ роскоши, доступный только богачамъ, въ особенности Армянамъ, которыхъ банкирскiе карманы столь же тучны какъ и ихъ особы, и которыхъ обжорство и безконечные посты поддерживаютъ рыбный промыселъ. Причину дороговизны легко угадать; правительство имѣетъ монополiю рыбной ловли, взимаетъ огромныя суммы за право промышлять ею, и рыбаки, кромѣ суммы платимой погодно, должны представлять каждый разъ все произведенiе своей ловли къ *Балыкъ-эмини*, чиновнику, завѣдывающему этою частiю (*); тамъ

(*) Балыкъ-эмини, состоялъ прежде въ корпусѣ Хассеки, Султанскихъ офицеровъ, и въ вѣдѣнiи Бостанджи-Баши; онъ иногда платилъ въ казну весьма незначительную сумму, въ сравненiи своихъ сборовъ. Теперь онъ состоитъ подъ на-

они платятъ положенную пошлину за каждую оку, и тогда только имѣютъ право продавать.

Бѣдные люди, чтобы имѣть рыбное блюдо за своимъ столомъ, сами они вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, удятъ рыбу на набережной, и потому, кромѣ пріятности этаго занятія, проистекающая отъ него польза объяснитъ вамъ, отчего такъ охотно предаются ему Босфорскія семейства.

Въ Константинополѣ есть два рыбные рынка, Балукъ-базары, одинъ въ Стамбулѣ, другой въ Галатѣ, оба у самаго входа въ Золотой Рогъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ при Императорахъ протягивалась цѣпь, защищавшая внутреннее море Константинополя. При превосходствѣ Босфорской рыбы здѣшнимъ гастрономамъ нельзя не сожалѣть о томъ, что нѣтъ садковъ, въ которыхъ бы можно сохранять живую рыбу; причина этому, что всякій рыбакъ долженъ представлять свою рыбу къ Балукъ-эмини.

Турки небольшіе охотники до рыбы. Духовные законодатели Исламизма, которые такъ

чальствомъ Босфорскаго Паши, и казна взыскиваетъ несравненно болѣе за это прибыльное мѣсто.

подробно занялись гастрономическою частію своей религіи, дозволяютъ рыбу, если только она не лежала на спинѣ, въ то время когда попала въ сѣти. Но всякое другое произведеніе моря, кромѣ рыбы, строго запрещено правовѣрнымъ желудкамъ. Устрицы, которыхъ здѣсь нѣсколько родовъ и вообще превосходны, морскіе раки, длиною въ аршинъ, и множество другихъ произведеній моря, такъ удачно прозванныхъ «морскими плодами, frutti di mare», и которыхъ не найдете ни въ нашей кухнѣ, ни въ нашемъ словарѣ — все это запрещено духовнымъ закономъ. Греческая и Французская кухни щеголяютъ въ посты множествомъ блюдъ и закусокъ изъ этихъ «плодовъ моря.»

Главная эпоха рыбной ловли въ Босфорѣ и въ Золотомъ Рогѣ — весною и осенью, когда жители водъ совершаютъ свои срочныя переселенія изъ Архипелага въ Понтъ и обратно. Замѣчено, что предъ наступленіемъ слишкомъ суровой зимы переселеніе рыбъ совершается ранѣе обыкновеннаго. Инстинктъ заставляетъ ихъ подобно птицамъ, приближаться къ югу, но онѣ не предчувствуютъ, что на пути чрезъ области Султана многіе ихъ милліоны не избѣгнутъ

сѣпей. Въ то же время птицы тучами налетаютъ на окрестныя поля и горы. Можетъ быть, этотъ тайный инстинктъ переселенія неизмѣнно сохраняющійся въ племенахъ населяющихъ воздухъ и море, руководилъ и племенами людей въ тѣ вѣки, когда человѣкъ, не связанный узами гражданства, былъ воленъ на землѣ, какъ рыба въ морѣ, какъ Аравитянинъ въ своей пустынѣ. Чѣмъ далѣе мы углубляемся въ первый возрастъ человѣка, тѣмъ болѣе жизнь его сливается съ общею жизнію природы. Первые факты, коими начинаются преданія всѣхъ племенъ принадлежатъ столько же исторіи земли, сколько исторіи человѣка; можетъ быть въ этомъ мы должны искать поясненія многихъ миѳологическихъ сказаній, которыя мы можемъ называть аллегорическими, но которыя въ началѣ представлялись человѣку явленіями самой Природы, одѣтой въ формы существъ одушевленныхъ, и проявлявшейся въ антропоморфической религіи Грековъ, какъ въ поэтической скрижали откровенія чудесныхъ тайнъ естества.

Предъ наступленіемъ зимы рыба тупецъ, или пеламида, какъ ее здѣсь называютъ, оста-

вляетъ лѣнивыя воды Азовскаго Моря и плаваетъ въ Средиземное. Ея ловля въ Константинополѣ представляетъ самое одушевленное зрѣлище. Рыбаки, закинувъ сѣти, ожидаютъ чтобы она среди нихъ запуталась, потомъ зажигаютъ на своихъ лодкахъ большіе огни, шумятъ, кричатъ, бьютъ веслами по водѣ, чтобы ее испугать и привести въ беспамятство, и такимъ образомъ только могутъ завладѣть своимъ плѣнникомъ, который въ противномъ случаѣ, не смотря на свой жиръ и неуклюжій видъ, отчаянно защищается въ водѣ, мечется во всѣ стороны и въ состояніи разорвать сѣти, или чрезъ нихъ перескочить. Для ловли рыбы-сабли, *кылычь-балыги*, какъ называютъ ее Турки, требуется еще болѣе искусства и стратегемъ; ее иначе нельзя поймать въ сѣти, какъ опрометью, и съ боку, потому что она пробиваетъ дно рыбачьей лодки.

Есть въ Босфорѣ рыба, которой ловля запрещена, которая пользуется правами гостепріимства у Турокъ. И въ самомъ дѣлѣ, если дорожите красотами Босфора, невольно будете питать къ ней какое-то поэтическое сочувствіе, потому что она составляетъ одно изъ

лучшихъ украшеній моря. Это дельфинъ, спутникъ Нептуна и Наядъ, участникъ всѣхъ миѳологическихъ таинствъ морей древней Греціи. Безконечныя стада дельфиновъ переплываютъ ежедневно чрезъ Босфоръ. Въ совершенно тихую погоду, когда море гладко какъ стекло, поверхность его вдругъ рябится длинными полосами, будто подулъ вѣшерокъ, но вмѣсто бѣлоголовыхъ валовъ показываются на ней тысячи черныхъ треугольниковъ; цѣлое стадо въ одно время выходитъ на поверхность подышать воздухомъ, потомъ ныряетъ, чтобы вновь показаться на разстояніи тридцати или сорока саженъ. Иногда два три дельфина, отдѣлившись отъ стада, гуляютъ по морю, и безстрашно слѣдуютъ за вашимъ каикомъ, или за кормою корабля, какъ ихъ всегда изображали древніе. Они какъ будто знаютъ свои права въ Султанскомъ морѣ, и неприкосновенность, коею ихъ ограждаетъ поэтическая привязанность Турокъ. Въ пищу они не годятся; но ловля ихъ доставила бы несмѣтныя выгоды, и ихъ жиръ открылъ бы на Босфорѣ новую отрасль промышлености. Къ большой радости всѣхъ лю-

бителей капаній по Босфору, еще не вводятся въ эту страну утилитарныя системы.

Весьма строго запрещено также стрѣлять чаекъ, которыхъ крикливыя стаи покрываютъ море и набережныя. Онѣ весьма красивы когда полощутся на волнѣ, бѣлыя, какъ пѣна волнъ, или безстрашно плаваютъ между каиками, едва не задѣвая веселъ. Но когда, предъ бурею, онѣ оставляютъ море, милліонами влетаютъ въ заливъ, и покрываютъ крыши прибережныхъ домовъ, мачты кораблей, пристани—ихъ пронзительные крики имѣютъ что-то зловѣщее, напоминающее ихъ хищную природу. Вы ихъ особенно разлюбите, если случится вамъ видѣть, какъ жадно налетаютъ онѣ на трупъ, уносимый Босфоромъ, или выброшенный волнами на берегъ.

ГЛАВА IX.

Неохори. — Подвиги Донскихъ Казаковъ на Босфорѣ.—Благочестіе мореходцевъ. — Султанъ въ Терапіи. — Его кротость; его милости. — Политическій подарокъ. — Ордена пожалованные Церковнымъ Главамъ. — Вспышки фанатизма: — Дерзость раіевъ. — Греческій флагъ въ Константинополѣ. — Упадокъ народнаго духа. — Выкупъ за голову. — Рабство. — Воздухъ Босфорскій. — Образъ жизни Европейцевъ. — Журнальныя пророчества и Русскій флотъ.

Послѣднія предмѣстія Босфора на Европейскомъ берегу, самыя живописныя по мѣстоположенію — Неохори, Терапья и Буюкдере. Мысъ, которымъ оканчивается первое изъ нихъ, увѣнчанъ баттареею, построенною въ недавніе годы, когда Султанъ возобновилъ ветхія укрѣпленія Босфора, и пристроилъ въ разныхъ его точкахъ новыя, чтобы защитить его отъ посѣщенія сѣверныхъ гостей. За два вѣка предъ симъ сѣверъ послалъ на этотъ берегъ, вмѣстѣ съ тучею Чернаго Моря, тучу своихъ буйныхъ дѣтей. Нѣсколько тысячъ Козаковъ на ладьяхъ переплыли море и налетѣли на Босфоръ. Крѣ-

пости ихъ не удержали; удалые витязи Дона и Азовскаго Моря успѣли ограбить берега Босфора до самаго Неохори, прежде нежели Султанъ Ибрагимъ выслалъ на нихъ флотъ и войско (1641 г.). У этого самаго берега древніе Византійцы разбили флотъ Филиппа Македонскаго. Еще недавно домы Армянскихъ банкировъ, казненныхъ Портою, возвышались на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь торчатъ пушки. Среди роскошныхъ впечатлѣній Босфорской Природы васъ неумолимо преслѣдуютъ воспоминанія войны, грабежа, казней; но гдѣ прошелъ человѣкъ, его слѣды запечатлѣны кровію, и въ пустыняхъ Новаго Свѣта, и въ песчаныхъ равнинахъ Азіи, и на этихъ берегахъ, отъ коихъ вѣетъ на васъ сладострастная нѣга, вмѣстѣ съ ароматомъ, разливаемымъ по простору моря отъ цвѣтущихъ террассъ.

Вдоль берега, мѣстами населеннаго, мѣстами уже дикаго, видны развалины, въ коихъ соединились обломки языческихъ храмовъ съ обломками христіанскихъ церквей. Оба берега Босфора въ древности и при Императорахъ были усѣяны гіеронами, жертвенниками, храмами. Мореходцы Византійскаго вѣка, подобно мо-

реходцамъ древней Греціи, съ суевѣрнымъ ужасомъ входили въ Черное Море. Христіанскія церкви, замѣнившія древніе гіероны, наслѣдовали ихъ доходъ, и обогащались приношеніями Венеціянъ и Генуэзцевъ, которые ставили себѣ въ обязанность очиститься отъ грѣховъ и пріобщиться святыхъ таинствъ предъ начатіемъ смѣлой борьбы съ существенными и воображаемыми ужасами Чернаго Моря. Кто долго жилъ въ Средиземномъ Морѣ, легко удостовѣрится, что ничто такъ не благопріятствуетъ суевѣрію, какъ морская жизнь. За то религія, освобождая умъ отъ суевѣрныхъ страховъ, нигдѣ не чувствуется такъ глубоко, такъ благоговѣйно, какъ среди вѣчныхъ опасностей моря. Народъ прекрасно выразился въ своей пословицѣ: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился.» Теперь никто не вѣритъ въ грозные призраки, которыми воображеніе древнихъ населяло Понтъ; нѣтъ тѣхъ жертвенниковъ, на которыхъ приносились чистительныя жертвы Нептуну и Юпитеру-Попутному (Зевсу-Уріусу); но на одинокихъ скалахъ видны скромныя часовни, гдѣ морякъ зажигаетъ свою лампаду Угоднику-Николаю и Пресвятой Бого-

родицѣ, заступницѣ мореплавателя, и тепло молится предъ отправленіемъ въ море.

Султанъ построилъ въ недавніе годы новый дворецъ въ Терапьѣ; онъ жилъ въ немъ до 1830 года. Послѣ Янычарскихъ бунтовъ и казней онъ искалъ новаго воздуха и новыхъ мѣстоположеній, и часто перемѣнялъ свое мѣстопребываніе, чтобы разогнать кровавые призраки, его преслѣдовавшіе. Можетъ быть глухой ропотъ Турецкой черни и общее неудовольствіе правовѣрныхъ заставили его предпочесть это предмѣстіе, исключительно населенное Греками. Говорятъ, и я охотно вѣрю, что два или три лѣта, проведенныя Султаномъ въ Терапьѣ, были самою пріятною эпохою царствованія и для него самаго и для его подданныхъ. По крайней мѣрѣ онъ никогда не былъ такъ ласковъ и такъ милостивъ, никогда такъ охотно не искалъ удовольствій и развлеченій. Вмѣсто угрюмыхъ физіономій правовѣрныхъ, онъ здѣсь былъ окруженъ мирнымъ Греческимъ народонаселеніемъ, коему немногіе годы отдыха и мира возвратили природную веселость, постоянно торжествующую надъ деспотизмомъ. Среди мрака лѣтнихъ почей повелитель Востока любилъ хо-

*

дить и подслушивать не ропотъ буйной черни, но пѣсни, разливавшіяся по амфитеатру залива. Послѣ вечерней зори гвардейская музыка играла предъ дворцемъ, и жители свободно гуляли подъ окнами Султана. Подобныя явленія въ Турціи казались прежде несбыточными, и можетъ быть, въ нихъ-то самый утѣшительный для человѣчества эпизодъ, среди кровавыхъ эпизодовъ всѣхъ этихъ преобразованій.

Достойно примѣчанія, что въ эту эпоху Султанъ весьма полюбилъ Грековъ, и безпримѣрными милостями къ нимъ хотѣлъ будто загладить недавнія жестокости. Пріятно думать, что это было столько же слѣдствіемъ его пребыванія между ними, и столько же проистекало отъ чувства, сколько и отъ здравой политики, которая указала ему всѣ раны, нанесенныя его державѣ гоненіемъ самаго мирнаго, покорнаго и промышленнаго класса подданныхъ, особенно въ ту эпоху, когда упрочившаяся независимость Морейскихъ Грековъ могла плѣнять воображеніе всѣхъ ихъ единовѣрцевъ осѣвшихся подъ Турецкимъ игомъ, и заманивать ихъ въ христіанское королевство. Въ 1830 году Султанъ сдѣлалъ поступокъ никогда

не слыханный въ лѣтописяхъ Исламизма: онъ пожаловалъ Греческой церкви полмилліона піастровъ. Патріархъ былъ приглашенъ въ Порту и торжественно извѣщенъ о Султанской милости; на другой день Греки и Турки съ удивленіемъ увидѣли длинную процессію которая шла отъ Сераля въ Патріаршую церковь съ Султанскимъ подаркомъ; чуть ли не сто человѣкъ дюжихъ носильщиковъ шаскали на плечахъ мѣшки съ деньгами; вся сумма была въ серебряной монетѣ, которая, какъ извѣстно, качествомъ металла немногимъ лучше нашихъ мѣдныхъ грошей; а это все нарочно для того, чтобы болѣе подѣйствовать на воображеніе народа. Правда, что на другой же день Патріархъ получилъ секретное повелѣніе, не распечатавши мѣшковъ, тайно, ночью, и никому о томъ не говоря, возвратишь всѣ деньги сполна въ Султанскую казну. Но въ подобномъ обстоятельствѣ главное не деньги а впечатлѣніе произведенное на Грековъ и на Турокъ этою неожиданною милостію, и явное желаніе Султана хотя бы цеапральнымъ обманомъ пріобрѣсти любовь своихъ подданныхъ Христіанъ, и съ другой стороны показать Туркамъ свою благо-

склонность къ христіянской Церкви, и внушить къ ней уваженіе. Равнымъ образомъ Турецкіе ордена, пожалованные Султаномъ Греческому и Армянскому Патріархамъ и Еврейскому Хахамъ-баши или первосвященнику, не только не могли быть лестны для нихъ, но даже встревожили благочестивую совѣсть церковныхъ Главъ, принужденныхъ навѣшивать на себя орденъ магометанскаго государя. Но, не входя въ богословскій разборъ этаго предмета, въ Турціи, какъ и вездѣ, знаки милости высшей свѣтской власти къ власти духовной служатъ въ общественномъ уваженіи важною подпорою первой, и если до сей поры всякая эпоха гоненія на христіанскую Церковь въ Турціи болѣе и болѣе скрѣпляла силу духовной власти въ народѣ, то еще болѣе желательно, чтобы она была ограждена уваженіемъ къ ней владычествующаго племени.

Наваринское сраженіе и послѣдняя война наша съ Портою нѣсколько разъ возбуждали въ Константинополѣ фанатизмъ Турецкой черни противу Грековъ; но благодаря усиліямъ правительства, все это ограничивалось глухимъ ропотомъ, ругательствами и проклинаніями на ули-

цахъ, или отъ времени до времени гнѣвомъ Турчанки, которая, потерявъ родныхъ на войнѣ, мстила за нихъ бросая каменьями на прохожихъ гяуровъ. Въ 1830 году наиболѣе удивила меня въ Константинополѣ бодрость и смѣлость Грековъ; полагаясь на Султанскую милость, они ни въ чемъ не уступали Туркамъ, отвѣчали бранію за брань, и среди гавани и Босфора нерѣдко били ихъ за-просто весломъ, и сами грозили имъ правосудіемъ Кадія и Кулукъ-баши, начальника гаубтвахты. Мое воображеніе хранило еще ужасныя явленія 1821 года, и мнѣ не вѣрилось, что это тѣ самые Греки, которые такъ недавно трепетали отъ взгляда послѣдняго правовѣрнаго бродяги, тѣ самые Турки, которые съ обнаженными саблями ходили по улицамъ, рѣзали и грабили, или изъ гавани стрѣляли въ окна. Когда флагъ независимой Греціи въ первый разъ показался на Босфорѣ, произошли нѣкоторые безпорядки; въ нихъ столько же были виновны Греческіе моряки, которые вздумали обходиться съ Турками съ привязчивою дерзостію раба, цѣною крови искупившаго свою свободу, сколько и Турки, въ которыхъ пробудилась народная гордость, вмѣстѣ съ чув-

сшвомъ презрѣнія къ недавнимъ еще раіямъ, и ненависти и мщенія за всѣ несчастія претерпѣнныя въ Греческихъ моряхъ.

Безъ сомнѣнія утѣшительно видѣть, что права подданныхъ разныхъ религій клонятся къ уравненію въ Турецкой Имперіи. Это лучшій признакъ образованности нежели перемѣна чалмы на фесъ Но доколѣ права Мусульманъ и Христіанъ не уравняются совершенно и закономъ, это будетъ служить только признакомъ невозвратнаго упадка духа Турецкаго народа. Опъ времени до времени вспыхиваетъ въ Туркахъ религіозный фанатизмъ съ своими притязаніями на права, добытыя саблею предковъ, и хочетъ поддержать эти права въ ихъ старой и дикой силѣ; но послѣ каждой войны, унижавшей кичливость владычествующаго племени, послѣ каждаго внутренняго несчастія, въ особенности послѣ глубокой раны нанесенной ему истребленіемъ Янычаръ—этотъ фанатизмъ проявляется только болѣзненнымъ припадкомъ, постепенно ослабѣвающимъ, вмѣстѣ съ силами больнаго. Такова судьба всѣхъ державъ основанныхъ только на постоянномъ рабствѣ одного племени и на владычествѣ другаго. Ихъ сила неразрывно свя-

зана съ строгостію правъ побѣдителя надъ побѣжденнымъ, и эти права, какъ они ни обидны для человѣчества, но они-то составляютъ жизненные элементы подобной державы, и съ ихъ ослабленіемъ слабѣетъ и она. Спартанцы не могли такъ долго поддерживать свое могущество безъ тѣхъ звѣрскихъ притѣсненій Илотовъ, отъ коихъ ужасается воображеніе потомства; Аѳиняне потому только прежде своихъ соперниковъ впали въ политическій развратъ и въ слабость, что они были менѣе жестоки съ своими рабами, составлявшими девять десятыхъ всего народонаселенія республики. А Турки привыкли почитать рабами своихъ подданныхъ Христіанъ согласно съ опредѣленіемъ Юстиніанова кодекса: «Мы называемъ рабами плѣнниковъ, доставшихся намъ отъ войны.» Вмѣстѣ съ своимъ плѣненіемъ Греки потеряли свои политическія права, даже право жизни, и должны были ежегодно платить *выкупъ за свою голову*, какъ было написано, какъ и теперь пишется въ *хараджѣ*, квитанціи поголовныхъ податей, коими они обложены. Лучшая надежда, какую можно имѣть на будущія судьбы Турціи, есть совершенное уничтоженіе этой межевой черты, которую про-

вела въ политическомъ ея свѣтѣ разность религій. Великодушный примѣръ нашихъ Государей, даровавшихъ всѣ политическія права своимъ мусульманскимъ подданнымъ, и даже Евреямъ, долженъ служить спасительнымъ урокомъ для Махмуда. Будемъ надѣяться, что рано ли поздно ли, онъ пойметъ всю пользу, которую обезпечиваетъ его державѣ совершенное уравненіе подданныхъ всѣхъ религій предъ государемъ и предъ закономъ.

Предмѣстіе Терапья получило свое названіе, говорятъ, отъ здороваго своего воздуха, или отъ того, что на горахъ его собиралъ Патріархъ Лишникъ цѣлебныя травы. Любители миѳологической древности думаютъ, что здѣсь оставила Медея ящикъ съ чародѣйными травами, которыми усыпила она Колхидскаго дракона и спасла своего любовника (*). Я не искалъ

(*) Такъ говоритъ путешественникъ Жиль (Gyllius) ссылаясь на Діонисія Византійскаго, котораго не должно смѣшивать съ Діонисіемъ Періегетомъ «путешественникомъ»; послѣдняго «Путешествіе по міру», писанное экзаметрами въ I вѣкѣ нашей эры, было напечатано въ Феррарѣ въ 1512 г. Діонисій Византійскій писалъ до Императора Севера, который разрушилъ Византію въ 195 г. послѣ Р. Х.

ни целебныхъ правъ на горахъ Терапіи, ни усыпительныхъ зелій колдуньи Медеи, хотя послѣднія могли бы имѣть великую цѣну въ Турецкихъ гаремахъ. Что же касается до здороваго воздуха Терапіи — я думаю, что нѣтъ въ мірѣ лучшаго воздуха, какъ по всѣмъ Босфорскимъ предмѣстіямъ, гдѣ сухая атмосфера горъ умѣряется живительною, влажною и питательною атмосферою моря. По нимъ такъ свѣжо, такъ жизненно дуютъ постоянные норды въ пору лѣтнихъ жаровъ; по всей полосѣ Босфора, какъ воздушная рѣка, проходятъ сквозные вѣтры отъ Чернаго Моря въ Мраморное, не оставляя за собою ни простуды, ни лихорадокъ. Въ этомъ климатѣ не только не боятся, но даже ищутъ сквознаго вѣтра; Босфорскій архитекторъ долженъ расположить въ

Его «Описаніе Босфора», было извѣстно путешественнику Жилю, который многое у него списываетъ, и еще въ началѣ прошедшаго вѣка существовало по свидѣтельству Турнефора въ рукописяхъ Ватикана и Королевской Парижской Библіотеки. Что сталось съ этою любопытною рукописью вовсе неизвѣстно. Патріархъ Константій говорилъ мнѣ, что какой нибудь другой списокъ ея долженъ храниться въ Константинополѣ; но онъ не могъ его отыскать. Это, сколько намъ извѣстно, древнѣйшее сочиненіе о Византіи.

каждомъ домѣ покои такимъ образомъ, чтобы вездѣ по нимъ ходилъ сквозной вѣтеръ.

Французскій и Англійскій Послы имѣютъ великолѣпные домы и сады въ Терапьѣ. Домъ перваго изъ нихъ былъ конфискованъ Султаномъ у Князя Ипсиланти, и подаренъ Французскому посольству. Домы построены въ Турецкомъ вкусѣ; многія окна заставлены рѣшетками; великолѣпные бѣлые каики съ позолотою ожидаютъ у пристани; кавасъ (*), въ аломъ кафтанѣ съ золотымъ шитьемъ, съ булавою, стоитъ у воротъ: если не увидите случайно Франковъ стоящихъ у оконъ, если не выглянетъ женская голова безъ покрывала, вы подумаете, что это домы Турецкихъ вельможъ. Житель Европейской столицы, поселившійся на Босфорѣ, вскорѣ почувствуетъ всю цѣну Азіятской пыли, которую будетъ навѣваетъ на васъ берегъ Азіи, такъ роскошно обнявшій море противу оконъ вашего кіоска. Вамъ полюбится и странная архитектура домовъ, и прохлада и удобство ме-

(*) Турокъ въ богатомъ костюмѣ, который сопровождаетъ Посланника, и стоитъ у воротъ, какъ швейцаръ.

бели, и широкіе диваны вдоль оконъ, и частыя и большія окна. которыя придаютъ всему зданію видъ прозрачной бесѣдки. Самыя рѣшетки Турецкихъ домовъ перестанутъ напоминать неволю, ревность и скуку гаремовъ, и вамъ покажутся, можетъ быть, завѣтными хранителями таинствъ домашней жизни и семейныхъ радостей. Здѣсь всякій живетъ не для того чтобы себя выказать, но чтобы только скрыть свою жизнь отъ всѣхъ взоровъ, и эти рѣшетки запечатлѣваютъ на жизнь Босфорскую какую-то поэтическую таинственность — первое условіе наслажденія.

Два фрегата, подъ флагами Французскимъ и Англійскимъ, стояли въ это время предъ домами Пословъ. Они были свидѣтелями недавнихъ великихъ явленій Константинополя и пребыванія нашего войска и флота на Босфорѣ. Эта межевая черта Европы и Азіи была выбрана мѣстомъ дипломатическихъ конференцій, отъ коихъ зависила, можетъ быть, судьба и Востока и Запада. Журналы Запада шумѣли, грозили, пророчили войну, заблаговременно обливали кровію полміра, а нашъ Черноморскій флотъ однимъ своимъ появленіемъ положилъ всему ко-

нецъ, упрочилъ миръ, и торжественно отплылъ въ свое море. Только фрегатъ «Княгиня Ловичъ» съ немногими судами меньшаго ранга, стоялъ еще предъ домомъ нашего Посланника въ Буюкдере.

ГЛАВА X.

Буюкдере. — Новый характеръ пролива. — Его устье. — Турецкіе корабли. — Долина. — Платанъ Готфрида Бульонскаго. — Бытъ Буюкдерскихъ жителей. — Историческое извѣстіе о женскихъ волосахъ. — Каштановая Вода. — Долина Розъ. — Соловьи. — Садоводство. — Храмъ Венеры. — Буюкдерская Венера. — Общество Посланниковъ. — Пероты и толки путешественниковъ. — Гостепріимство. — Воспитаніе и полиглоттизмъ. — Драгоманы; ихъ заслуги, ихъ образъ жизни. — Перемѣны въ Туркахъ. — Уваженіе и страхъ.

Рядъ красивыхъ домовъ Буюкдере ярко рисуется среди зеленыхъ тѣней безконечныхъ его садовъ. Берега Европы и Азіи уже не заслоняютъ отъ взора пустыннаго горизонта Чернаго Моря; проливъ, протекая еще нѣсколько миль въ прямомъ направленіи, принимаетъ наконецъ видъ миѳологическаго дракона, который послѣ долгихъ своихъ изгибовъ, вытянулъ безконечную пасть въ просторъ моря, зѣваетъ, и жадно вдыхаетъ въ себя его влажную свѣжесть. Досель красивыя предмѣстія, дворцы, фонтаны, рощи,

сады, кладбища глядѣлись съ обоихъ береговъ въ его водахъ, и когда два берега сливались въ одну полосу, море принимало видъ волшебнаго озера. Все это замѣнилось дикою декораціею скалъ и зубчатыхъ замковъ и баттарей, между коими укрылись рыбачьи шалаши, или раскинулось убогое селеніе. Буюкдере лежитъ на рубежѣ двухъ столь различныхъ между собою ландшафтовъ, будто послѣдняя улыбка Босфора, который оставляетъ свою изнѣженную одежду, что бы встрѣтить вбѣгающее въ него море, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Природы, суровый и мужественный.

Здѣсь составляется широкій и безопасный заливъ, въ которомъ обыкновенно собирается Турецкій флотъ предъ отплытіемъ своимъ въ Черное Море. Въ началѣ послѣдней войны вдоль Европейскаго берега было поставлено нѣсколько линѣйныхъ кораблей, старыхъ, которые не могли выдержать море, но въ родѣ плывучихъ баттарей должны были защищать проливъ отъ нашего флота. Капитанъ-Паша, командовавшій тогда флотомъ, тотъ самый, который такъ упорно защищалъ потомъ Варну, былъ возведенъ въ это достоинство, никогда не служив-

ши на морѣ. Но онъ рѣшился образовать моряковъ изъ той сволочи, которою набиваются обыкновенно корабли при открытіи войны. Правовѣрные сапожники, поршные, ремесленники всякаго рода должны были съ утра до вечера бѣгать по ваншамъ, учиться у пушекъ, и дѣлать всѣ корабельные маневры якорной стоянки. Этимъ возбуждали они только улыбку соотечественниковъ, которые смотрѣли на нихъ съ берега и сравнивали ихъ съ обезьянами. Пять лѣтъ спустя Турки, съ несравненною своею поговоркою «Машаллахъ», увидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ тѣ корабли, которыхъ посѣщенія еще недавно боялись, и которые спасли столицу отъ непріятелей и отъ бунтовъ.

Флаги почти всѣхъ Европейскихъ Державъ развѣваются вдоль набережной. Это домы Посланниковъ, носящіе въ Турціи громкое имя *дворцевъ*. Они выстроились въ одну линію на набережной дипломатическаго предмѣстія. Музыка играетъ по вечерамъ на нашемъ фрегатѣ, и берегъ оживленъ группами гуляющихъ. Но лучшее гуляніе Буюкдере — долина, самая большая и живописная изъ пятидесяти долинъ Босфора, и отъ которой предмѣстіе получило сво

названіе «Большой Долины», Буюкъ-дере. У Византійцевъ мѣсто это именовалось «Глубокимъ Заливомъ» или «Великимъ Полемъ». Горы покрытыя садами и виноградниками составили цвѣтущій поясъ, среди котораго разлилось море зелени. Во глубинѣ просторной перспективы рисуются аркады Римскаго водопровода, будто окна, изъ коихъ фіолетовые верхи Оракійскихъ горъ смотрятся въ долину, въ Босфоръ, и въ далекій берегъ Малой Азіи. Среди долины возвышается дерево, одно изъ чудесъ Босфора и изъ историческихъ его памятниковъ. Оно, можетъ быть, древнѣе самаго Константинополя, и подобно ему подверглось разрушительному дѣйствію времени. Громы не одинъ разъ поражали великана долины; онъ сохраняетъ только треть своихъ вѣтвей, но и теперь удивляетъ своею необъятностію. Если всмотритесь въ форму его корней, легко узнаете, что это не одно дерево: случайно или нарочно насаженные въ кружокъ семь платановъ срослись у своихъ корней, покрылись одною корою и составили одно дерево невѣроятной толщины. Я не измѣрялъ его окружности, но знаю только, что верхомъ на лошади я въѣхалъ въ его ду-

пло, представляющее около трехъ квадратныхъ саженъ пространства, и служащее иногда убѣжищемъ для паспуховъ, иногда кофейнею. Турки называютъ его *еди-кардашъ*, семью братьями, отъ семи деревъ, которыя братски срослись. Западные Европейцы придали ему имя Готфрида Бульонскаго, основываясь на преданіи, что подъ этимъ платаномъ была раскинута палатка крестоваго вождя. Анна Комнина говоритъ однако, что «Комесъ Готтофре» (такъ она называетъ Графа Готфрида, однажды навсегда отрекшись въ своихъ запискахъ отъ притязаній на правильный выговоръ варварскихъ именъ рыцарей), стоялъ лагеремъ далеко отъ этого мѣста, у Космидіона, нынѣшняго Эйюба. Въ Буюкдерской долинѣ былъ расположенъ отрядъ Французскаго крестоносца Графа Рауля де Сенъ-Каэна. Мы не будемъ входить въ критическія изслѣдованія этого обстоятельства, но охотно признаемъ благородный платанъ памятникомъ крестовыхъ вождей на берегахъ Босфора, и если воображеніе наше сохраняетъ то пламя, которое въ странничествѣ по мѣстамъ, богатымъ историческими воспоминаніями, обливаетъ новымъ свѣтомъ предме-

пы, мы можемъ мечтать въ часъ вечернихъ сумерекъ, что въ колоссальной тѣни платана бродятъ колоссальныя тѣни героевъ, посвятившихъ свою жизнь гробу Богочеловѣка. Какое величественное зрѣлище представитъ намъ эта долина, усѣянная палатками рыцарей, оживленная кочевымъ народопасселеніемъ Европы, которая встрепенулась при воззваніи вдохновеннаго пустынника, одѣлась въ свои тяжелыя латы, и подъ знаменіемъ креста, и съ поклоническимъ посохомъ и съ рыцарскимъ мечемъ вызвала на бой спарую Азію! Воспоминанія Европейскаго романтизма соединились на Босфорѣ съ первыми воспоминаніями романтизма древней Греціи: тѣни крестовыхъ рыцарей рука объ руку ходятъ надъ этимъ берегомъ съ геройскими тѣнями Аргонавтовъ. И тѣхъ и другихъ томила жажда подвиговъ и приключеній, и тѣхъ и другихъ манила къ себѣ страна далекая и незнакомая, страна волшебствъ и враждебныхъ силъ: но вмѣсто Золотаго Руна Христіанскіе рыцари усматривали въ перспективѣ тяжкихъ трудовъ и опасностей — святыню гроба и вѣнецъ мученическій.

Призраки рыцарской старины были раз-

сѣяны въ моей вечерней прогулкѣ Буюкдерскими дамами, которыя мимо меня пронеслись на коняхъ во весь опоръ по долинѣ. Если бы не группы Мусульманъ подъ деревомъ, не Турецкій наѣздникъ, который выѣзжаетъ своего жеребца въ долинѣ, и не *арабà*, упряженная быками, въ которой Турчанки медленно тащатся по Бѣлградской дорогѣ — вы бы могли вообразить себя въ окрестностяхъ какой нибудь Европейской столицы. Буюкдере въ самомъ дѣлѣ блестящая колонія нашихъ столицъ. Потомки рыцарей, которые собирались на берегу Босфора воевать съ невѣрными, теперь у нихъ гостятъ, пишутъ ноты, даютъ обѣды дипломатическіе. Лучшее общество Перы, общество посланниковъ и богатыхъ Европейскихъ негоціантовъ, проводитъ лѣтніе мѣсяцы въ Терапьѣ и въ Буюкдере. Балы, музыкальные вечера, вистъ, гулянье—все это въ такомъ точно порядкѣ, какъ и въ высшемъ кругу всего образованнаго міра, и сплетни тѣ же. Только спектаклей не достаетъ, чтобы имѣть полный комплектъ удовольствій и развлеченій нашей вѣтренной Европы, среди народа, который чаще смотритъ на все это съ презрѣніемъ, не-

жели съ зависшію. Въ Буюкдере Турокъ увидите весьма мало, и почти нѣтъ Турецкихъ семействъ. Греки и Армяне, живущіе здѣсь, приняли большею частію Европейскее обычаи, и если отцы и матери сохраняютъ еще свои прежніе костюмы, за то молодежь, усердная поборница новизны, одѣлась въ Европейское платье, и на гуляньяхъ вмѣсто досадныхъ покрывалъ уже видите полныя, свѣжія и хорошенькія личики Буюкдерскихъ Нимфъ. Широкіе, развѣсистые шюрбаны изъ разноцвѣтнаго газа сохраняютъ еще что-то національное; но многія молодыя женщины замѣнили уже въ послѣдніе годы шюрбаны шляпами, или ходятъ съ открытою головою, щеголяя пышнымъ уборомъ изъ волосъ. Женщины Константинополя имѣютъ полное право гордиться волосами, и теперь еще напоминаютъ сказаніе древней Византійской хроники о томъ, что при осадѣ города не знаю какими непріятелями женскіе волосы спасли отечество: флотъ Византійцевъ былъ въ бездѣйствіи отъ неимѣнія веревокъ; патріотки рѣшились отрѣзать свои косы, сдѣлать изъ нихъ достаточный запасъ канатовъ, которыми былъ вооруженъ флотъ, и побѣжде-

ны непріятели. Можетъ быть съ этого времени ввелась Греческая и Русская поговорка: «на волоскѣ висѣть,» хотя ученые и увѣряютъ, что она основана на сказаніи о Дамоклесовой саблѣ.

Кромѣ свѣжаго морскаго воздуха, такъ пріятнаго послѣ душной Перы, Буюкдере имѣетъ для путешественника, несовсѣмъ привыкшаго къ образу жизни на Босфорѣ, и ту выгоду, что здѣсь не поведутъ его гулять по вечерамъ на кладбище; а признаюсь, какъ ни живописны кладбища Константинополя, но прогулки въ нихъ оставляютъ душѣ какое-то грустное впечатлѣніе, и я болѣе люблю смотрѣть на нихъ съ моря, какъ на картины, нежели бродить среди гробовъ и аромата кипарисовъ, отъ которыхъ получите мигрень. Между Терапьею и Буюкдере, въ уединенномъ заливѣ, подъ платанами, бьетъ фонтанъ. Мѣсто это называется «Киреджь-бурну, известковымъ мысомъ,» хотя мыса здѣсь нѣтъ. Жители двухъ предмѣстій соединяются здѣсь по вечерамъ, и охотники могутъ во всякое время найти трубку и кофе, въ небольшой бесѣдкѣ, необходимой принадлежности фонта-

на, тѣни и живописнаго горизонта. По другой сторонѣ Буюкдере, ближе къ Черному Морю, укрылось за горами одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній Босфора. Турки называютъ его «Каштаніэ-союо, каштановою водою,» отъ источника, который бьетъ съ горы среди каштановыхъ деревъ. Европейцы назвали его «долиною розъ,» отъ множества розовыхъ кустовъ, которыми заросла окрестность; и это названіе совершенно въ духѣ Востока и поэтическихъ именъ, которыя несказанно возвышаютъ прелесть мѣстоположенія. Ни одна изъ Босфорскихъ долинъ не дышетъ такою нѣгою; она заслонена горами отъ моря, чтобы взглядъ не блуждалъ въ далекомъ горизонтѣ, который внушаетъ душѣ желаніе кочевой воли; долина любовно свилась вокругъ источника и розъ, какъ душа въ часы тихаго уединенія свивается кругомъ любимой мысли. Когда море волнуется и шумитъ, только умирающій голосъ берега доходитъ до этой таинственной долины, которую избрали своимъ убѣжищемъ Босфорскіе соловьи. Здѣсь можно ихъ слушать во все продолженіе лѣта, и когда ихъ пѣсня разливается въ тѣни, упитанной ароматомъ

розъ, вы можете вообразить себя въ той долинѣ, гдѣ родилась любовь соловья къ розѣ, воспѣтая восточными поэтами. Въ другой оконечности Босфора, на Азіятскомъ берегу, у горы Бугурлу, укрылась другая долина, которая также славится своими соловьями, и которую Турки прозвали «Бюльбюль-дере, долиною соловья.»

Садъ нашего посольства одинъ изъ лучшихъ въ Константинополѣ; послѣ цвѣтниковъ и терассъ съ остриженными деревьями, съ узкими аллеями, усыпанными морскими раковинами, со стѣнами, покрытыми плющемъ и жасминомъ, послѣ этой галлереи картинъ пищательныхъ и миньятюрныхъ, какъ гравюры Англійскаго альманаха, пріятно видѣть на берегу Босфора садъ въ огромномъ размѣрѣ, съ деревьями и съ тѣнями, соединяющій величавыя красы Природы съ искусствомъ, которое такъ счастливо умѣетъ скрываться. Нигдѣ въ мірѣ садоводство не найдетъ почвы такъ художнически пріуготовленной Природою для чудесныхъ эффектовъ горизонта. Послѣднія отрасли Ѳракійскихъ горъ, составляющія берегъ Буюкдере, то спускаются отлогими плоскостями къ морю, то выступаютъ утесами; межъ нихъ

прячутся долины и ущелія обросшія дикимъ прозябеніемъ, а всякая высота представляетъ готовый бельведеръ, откуда взоръ попеременно можетъ обнимать пустынное море, проливъ, или предмѣстія и цвѣтущій берегъ Азіи.

Въ саду Австрійскаго Посланника, который здѣсь носитъ титло Нунція, показываютъ развалины древняго храма Венеры. Богиня любви и красоты потеряла свои жертвенники въ Буюкдере, но она имѣетъ въ этомъ предмѣстіи своихъ жрицъ и своихъ усердныхъ обожателей. Мѣсто самой богини красоты въ Буюкдерскихъ салонахъ заступаетъ въ это время дѣвица Ф—С—, которая при Европейскомъ своемъ образованіи имѣетъ лицо и станъ роскошно-азіятскіе—достойная представительница изящняго сочетанія Европы и Азіи.

Я видѣлъ лучшее Европейское общество Константинополя на двухъ балахъ, у нашего Посланника А. П. Бутенева и у Французскаго Посла Адмирала Руссена. Одна Россія не имѣла въ это время своихъ представительницъ въ Константинополѣ. Испанки, Италіянки, Нѣмки, Француженки. Англичанки, болѣе или менѣе сохраняющія типъ своей народности, и чинов-

ники разныхъ посольствъ, составляютъ высшій кругъ многочисленнаго Европейскаго общества, въ которое развѣ случайно или въ торжественные праздники появляется иногда Оттоманскій саповникъ, и въ которомъ никогда не показывается Оттоманка. Многія Европейскія семейства издавна поселены въ Константинополѣ подѣламъ ли торговли, или потому что дипломатическія должности во многихъ изъ нихъ переходятъ будто наслѣдственно отъ отца къ сыну. Любопытно слѣдить на физіономіяхъ ихъ, въ ихъ выговорѣ, въ ихъ обхожденіи, постепенныя и необходимыя измѣненія, отъ долговременнаго пребыванія въ Леванштѣ. Они мало по малу сливаются съ Перотами, которые составляютъ многочисленное племя, одно изъ коренныхъ племенъ Константинополя, и искони служатъ при всѣхъ Европейскихъ миссіяхъ переводчиками. Доселѣ весьма немногіе Европейцы успѣли научиться довольно хорошо Турецкому языку, чтобы заниматься политическими дѣлами, и при томъ Европейцу труднѣе чѣмъ изученіе языка приноровиться къ понятіямъ Турокъ, къ ихъ обращенію, къ ихъ дипломатическимъ изворотамъ, чтобы непосредственно съ

ними весши свои дѣла. Многочисленное сословіе драгомановъ оспается доселѣ единственнымъ посредникомъ въ дѣлахъ Европы съ Портою, и многіе изъ нихъ играли роли значительныя въ Стамбульской дипломаціи. Европейскіе путешественники, посѣщая Константинополь, находятъ готовый случай изощрять колкость своего пера въ пасмѣшкахъ и въ злословіи на все общество Перы. Это давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ, и можетъ быть, самымъ пошлымъ для пишущихъ путешественниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ изъ нихъ, въ пребываніи своемъ въ Константинополѣ и во всѣхъ городахъ Леванта, не обошелся безъ тѣхъ услугъ, которыя поселенные здѣсь Европейцы оказываютъ людямъ занесеннымъ судьбою или капризомъ въ страну, о которой не имѣютъ никакого понятія и въ которой нашлись бы въ крайнемъ затрудненіи безъ Леванпскихъ своихъ единовѣрцевъ. Многіе Европейцы нашли даже въ этомъ обществѣ то добродушное гостепріимство, котораго всю цѣну можно тогда только узнать, когда судьба васъ заброситъ въ многолюдный городъ, гдѣ не найдете ни одного знакомаго лица, и котораго самое мно-

голюдіе заставитъ васъ сильнѣе почувствовать свое одиночество, нежели въ Африканской пустынѣ. За всѣ услуги, за все гостепріимство, Европейскій путешественникъ, возвратясь во свояси, считаетъ себя въ правѣ оплачивать одною клеветою и печатными пелѣпостями, которыя охотно съ новыми прикрасами списываетъ одинъ у другаго, и которыми наполняются всѣ путешествія. Всякій болѣе или менѣе хочетъ позабавить своихъ читателей разсказами и странными чертами о восточномъ обществѣ; безъ сомнѣнія гораздо легче остриться на счетъ Европейцевъ и полуевропейцевъ посѣленныхъ здѣсь, нежели изучать коренныхъ жителей этой страны, такъ рѣдко доступной разумѣнію кочевыхъ наблюдателей. Чтобы изучить человѣка нужны годы и опытъ; это не пейзажъ, который можно въ минуту очертить. Для правильнаго сужденія, даже объ обществѣ здѣшнихъ Франковъ, путешественникъ долженъ покинуть свои предразсудки, составляющіе обыкновенно въ немъ цѣлую религію предъ отправленіемъ его на Востокъ. Стоило ли труда оставлять свои пенаты и ѣхать въ дальную страну, чтобы видѣть въ ней исключительно

одно некорепное ей, и потомъ описывать Европѣ смѣшную сторону собственныхъ ея дѣтей, поселившихся на чужбинѣ? Какъ будто бы въ самомъ обществѣ своего отечества каждый не найдетъ довольно карикатуръ для забавы читателей и своей. Чудаковъ, невѣждъ, плутовъ, негодяевъ, сколько же въ Перѣ, какъ и вездѣ; глупость, странность и порокъ скорѣе бросаются въ глаза, нежели хорошая сторона общества, особенно такого, котораго наружность не блеститъ образованіемъ, какъ старая мебель подъ новымъ лакомъ. Воля всякому выбирать свою точку зрѣнія на предметы, но нельзя не жалѣть о человѣкѣ, который получилъ отъ природы способность замѣчать одно дурное, или не имѣетъ другаго средства кромѣ клеветы, чтобы выказать свое остроуміе. Свободное пребываніе въ Турціи каждаго Европейца, который выгнанъ или бѣжалъ изъ своего отечества, безъ сомнѣнія благопріятствуетъ стеченію сюда всякаго рода негодяевъ, которые равно промышляютъ добродушною довѣрчивостію Турка, и довѣрчивостію которую необходимость вынуждаетъ у путешественника. По этому легко можно соста-

вить себѣ понятіе о франкской черни Константинополя, свободной припомъ отъ всякой полиціи, потому что Турки принуждены обстоятельствами уважать всякаго Франка, и потому что самые Посланники и Консулы видятъ необходимость болѣе или менѣе покровительствовать Франковъ, чтобы Турки не получили дурной привычки управляться съ ними по своему—привычки, которая можетъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія для всякаго Европейца. На эту чернь забавно смотрѣть изъ оконъ своего дома, или встрѣчать ее на кладбищахъ, на пристаняхъ, на базарахъ; но по ней составлять себѣ понятіе о всѣхъ Константинопольскихъ Франкахъ, какъ это дѣлается, столько же ошибочно, какъ судить о Турецкомъ обществѣ по обхожденію съ вами фанатика дервиша, наглой Турчанки, или, что еще хуже, по разсказамъ Перота, вашего чичероне.

Въ хорошемъ кругу Перы найдете всѣ черты Европейскаго общества, и притомъ привѣтливость и услужливость, какой не всегда найдете въ Европейскомъ обществѣ, и которой, правду сказать, не всегда заслуживаютъ странствующіе Европейцы. Въ огромной столицѣ,

гдѣ нѣтъ ни одной порядочной гостинницы, всякій изъ большихъ домовъ имѣетъ особенные покои для гостей, и если вы хорошо приняты въ домѣ, это даетъ вамъ право поселиться и жить въ кругу гостепріимнаго семейства.

Слишкомъ высокія притязанія на образованность ничѣмъ лучше не выказываются, и въ столь смѣшномъ видѣ, какъ требованіемъ, что бы люди рожденные въ другой странѣ, съ другими понятіями, съ другими средствами образованія, во всемъ съ нами сходствовали. Всѣ мы болѣе или менѣе имѣемъ привычку выдавать себя и свое общество за образцы хорошаго тона и хорошаго воспитанія, и осуждать все что отъ насъ отступаетъ. Каждый путешественникъ считалъ себя въ правѣ смѣяться надъ полуобразованностію Левантскихъ Европейцевъ и въ особенности дамъ, забывая, что въ Константинополѣ нѣтъ ни пансіоновъ ни институтовъ, ни колоссальныхъ состояній, которыя позволяютъ держать въ домѣ «учителей полки», необходимые для того воспитанія, которое мы такъ правильно называемъ «свѣтскимъ», потому что оно въ самомъ дѣлѣ только тяжкая дань платимая свѣту на счетъ ума и сердца.

Если вспомнимъ всѣ затрудненія, неразлучныя съ воспитаніемъ дѣтей въ такомъ городѣ какъ Константинополь, мы отдадимъ полную справедливость и доброй волѣ родителей и природнымъ способностямъ молодыхъ людей и дѣвицъ, которые съ своимъ Перотскимъ воспитаніемъ могутъ показаться въ лучшемъ Европейскомъ обществѣ.

Въ своемъ кругу Перотскія семейства употребляютъ большею частію языкъ Греческій, впрочемъ крайне изуродованный отъ примѣси Итальянскихъ и Турецкихъ словъ; въ обществѣ употребляется языкъ Французскій, потому что въ кругу составленномъ изъ людей двадцати разныхъ націй необходимъ одинъ общій языкъ, чтобъ другъ друга понимать. Можно быть увѣреннымъ, что нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не найдете столько полиглотовъ какъ здѣсь; вещь весьма обыкновенная, что бы дѣти десятилѣтнія свободно объяснялись на четырехъ или на пяти языкахъ. Въ семействахъ Англійскаго, Испанскаго, Нѣмецкаго происхожденія заставляютъ дѣтей учишься своему языку и Французскому; Греческій, Итальянскій и Турецкій пріобрѣтаются навыкомъ, и почти необходимы для жизнь-

ства въ такомъ многолзычномъ обществѣ. По крайней мѣрѣ въ насмѣшкахъ своихъ надъ необразованностію этихъ людей строгіе судіи образованности должны бы не упускать изъ виду этого обстоятельства; въ особенности Французы, пользующіеся привилегіею не учиться ни одному иностранному языку, должны вспомнить, что изученіе языковъ составляетъ самую тяжелую часть нашего воспитанія.

Высшій классъ коренаго Перотскаго общества состоитъ изъ немногихъ домовъ, которыхъ члены служатъ драгоманами Европейскихъ миссій и посредниками всѣхъ дипломатическихъ сношеній Европы съ Портою. Для нихъ главнымъ предметомъ воспитанія и всей службы есть практическое и теоретическое изученіе Турецкаго языка, потому что всякая дипломатическая нота сообщается Турецкому министерству вмѣстѣ съ переводомъ. Это нерѣдко подавало поводъ къ жалобамъ со стороны Европейцевъ на то, что самыя важныя государственныя дѣла, и сохраненіе политическаго достоинства Христіанскихъ Державъ въ глазахъ Турокъ, ввѣрены людямъ, не только совершенно чуждымъ государству, которому они

служащъ, но даже находящимъ свои выгоды во взаимныхъ недоразумѣніяхъ Европейскихъ Державъ, и въ самой запутанности всѣхъ ихъ сношеній съ Портою. Безъ сомнѣнія, одна смягченная фраза, измѣненіе и перестановка немногихъ словъ не рѣдко могутъ совершенно измѣнить тонъ дипломатической ноты, или словеснаго объясненія, по волѣ переводчика. Но за то Переводы имѣютъ неоцѣненное преимущество для сдѣлокъ всякаго рода съ Турками: одно знаніе языка весьма недостаточно для политическихъ сношеній между народами совершенно различными между собою, по понятіямъ, по образованію, и еще болѣе по способамъ употребляемымъ для достиженія той же цѣли. Долгій навыкъ съ Турками, основательное познаніе ихъ быта духовно-политическаго и домашняго, и многосложной науки восточнаго этикета и восточнаго образа мыслей, пріучаетъ этихъ людей понимать и угадывать Турокъ, что гораздо труднѣе нежели изученіе десяти восточныхъ языковъ, съ лексикографіею ихъ безконечныхъ метафоръ.

Въ наружномъ видѣ, въ костюмѣ, въ обхожденіи и въ образѣ жизни этихъ людей силь-

но отражается бытъ Турокъ: невольно ли это отъ всегдашняго ихъ обыхода съ Турками, или, можетъ быть, сами они стараясь изучить Турецкое общество и къ нему приноровиться, для успѣшнѣйшаго веденія своихъ дѣлъ съ Турками, умышленно сложили съ себя все Европейское, не только въ наружности и въ обращеніи, но въ самыхъ даже понятіяхъ и въ возрѣніи на предметы. Сохраняя фамильныя имена оставленныя имъ отъ предковъ Италіянцевъ или Французовъ, они нерѣдко говорятъ ломанымъ Европейскимъ языкомъ съ Турецкимъ произношеніемъ, садятся на диванахъ или на коврахъ, сложа ноги, соблюдаютъ Турецкое привѣтствіе приложеніемъ руки къ губамъ и ко лбу, пьютъ кофе съ гущею, и на балахъ у посланниковъ среди Европейскаго общества расхаживаютъ въ Турецкихъ туфляхъ и въ халатахъ, можетъ быть въ тѣхъ самыхъ халатахъ, которые были имъ пожалованы на церемоніяльной аудіенціи по Турецкому этикету. Состоя въ службѣ Европейской Державы, они доселѣ сохраняютъ старинный Турецкій костюмъ, который такъ строго запрещенъ чиновникамъ Порты. Впрочемъ и для этого класса Констан-

тицопольскихъ жителей наступила теперь эпоха преобразованія. Съ одной стороны успѣхи европеизма между Турками, освобождаютъ понемногу Перотскихъ драгомановъ отъ необходимости одѣваться и кланяться потурецки; хотя ихъ по прежнему подчуютъ кофеемъ и трубкою на всѣхъ дипломатическихъ конференціяхъ, что даже соблюдалось въ послѣднюю критическую эпоху Турціи, когда, казалось, некогда было думать о табачномъ этикетѣ и прибавлять облака дыма къ облакамъ накопившимся въ дипломатическомъ горизонтѣ Турціи. Старики сохраняютъ еще свой восточный костюмъ, уже не по политической, но по физической необходимости, и послѣ широкаго и покойнаго Турецкаго костюма, не хотятъ они сдѣлаться мучениками нашихъ стянутыхъ модъ, столь важныхъ условій въ дѣлѣ образованія. Молодые люди, новое поколѣніе Перотскихъ драгомановъ, одѣваются уже поевропейски, и вмѣстѣ съ костюмомъ получаютъ и воспитаніе болѣе европейское.

Впрочемъ нѣкоторыя изъ Христіанскихъ Державъ обратили свое вниманіе на всегдашнее затрудненіе въ дѣлахъ Востока, происходя-

щія отъ неимѣнія агентовъ изъ собственныхъ своихъ націй, и стараются образовать молодыхъ людей, чтобы замѣнить туземныхъ драгомановъ. Французское правительство давно уже содержитъ при Константинопольскомъ своемъ посольствѣ особенный классъ молодыхъ людей, именуемыхъ Jeunes de langue, которые подъ руководствомъ Турецкихъ наставниковъ *ходжа*, учатся Восточнымъ языкамъ и въ то же время практически изучаютъ Восточное общество. Для этой же цѣли образованъ и у насъ въ Петербургѣ, при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, Институтъ Восточныхъ Языковъ, коего воспитанники, по окончаніи здѣсь своего ученія, отправляются на Востокъ, состоятъ при Константинопольской нашей Миссіи для своего практическаго усовершенствованія, или служатъ при Консульствахъ.

Однимъ этимъ можетъ быть отстранена необходимость, въ которой доселѣ находились Европейскія Державы, имѣть въ своей службѣ людей, непривязанныхъ къ нимъ никакимъ сочувствіемъ кромѣ денежныхъ выгодъ, чуждыхъ Европѣ по своему родству, по своему воспитанію, свободно переходящихъ изъ службы одной

Державы въ службу другой, живущихъ недоразумѣніями Христіанскихъ Державъ съ Турками, и можетъ быть умышленно запутывающихъ взаимныя ихъ сношенія, чтобы болѣе заставлять цѣнить свои заслуги. Что же касается до жалобъ на то, что агенты европейской политики безпрекословно подвергались всѣмъ уничиженіямъ Восточнаго этикета, терпѣлись въ передникъ министровъ, пожалованныхъ въ это званіе изъ цирюльниковъ и изъ конюховъ, сидѣли предъ ними на колѣняхъ, какъ рабы, и на ихъ ругательства и наглости отвѣчали одними поклонами *темена* — то эти картины нѣсколько преувеличены, и могутъ развѣ относиться къ тому времени, когда Европа еще боялась Турціи, болѣе думала о мирѣ съ нею нежели о сохраненіи своего политическаго достоинства, и всякая держава униженно выпрашивала у Дивана мирныхъ и торговыхъ трактатовъ. Не такъ легко внушить уваженіе къ себѣ въ народѣ, который привыкъ уже считать неоспоримымъ своимъ правомъ презирать всѣ Христіанскія Государства. Только Русское оружіе могло унять кичливость Оттоманскую, и нужны были блистательныя побѣды въ Чесмѣ и

за Дунаемъ, и за Балканами, чтобы заставить наконецъ Турокъ уважать Христіанскія Государства. Но въ прежнюю эпоху Турціи самое достоинство Европейскихъ Державъ лучше сохранялось отъ посредничества чужаго племени, освобождавшаго представителей Европы отъ уничиженій неразлучныхъ съ раболѣпнымъ этикетомъ Оттомановъ, и отъ унизительныхъ хитростей, необходимыхъ съ людьми, которые въ нихъ почти заключаютъ сферу своей политики. Чѣмъ далѣе вы себя держите отъ Азіятца тѣмъ болѣе онъ васъ будетъ уважать и бояться, потому что эти два чувства у него не могутъ существовать одно безъ другаго. Представитель Европейской Державы въ Константинополѣ болѣе нежели во всякой другой столицѣ долженъ поддерживать свое достоинство строгимъ этикетомъ и пышностію, которая внушаетъ правовѣрной черни и даже правовѣрнымъ министрамъ высокое уваженіе къ его сану и къ его особѣ, непосредственно отражающееся на всю представляемую имъ націю.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

2007051497